

ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

2019 Том 2 № 2

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77 – 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Курылев К.П. — доктор исторических наук, профессор, РУДН, Российская Федерация, kuryljov@narod.ru

Заместитель главного

редактора *Пархитько Н.П.* — кандидат исторических наук, доцент, РУДН, Российская Федерация, scharnchorst@mail.ru

Ответственный секретарь

Смолик Н.Г. — старший преподаватель, РУДН, Российская Федерация, nadian@list.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Республика Азербайджан

Азлян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Республика Беларусь

Юрчак Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Республика Беларусь

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Грузия

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Республика Индия

Дешпанде Санджай, кандидат исторических наук, директор Центра евразийских исследований Университета Мумбаи, Республика Индия

Губайдулина Мара Шаукатовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Республика Казахстан

Жолдасбекова Акбота Ниязовна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, декан факультета экономики и права Международной Образовательной Корпорации, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Кыргызская Республика

Сыкульски Лешек, кандидат политических наук, научный сотрудник Университета им. Яна Длугоша в Ченстохове, президент Польского геополитического товарищества, Республика Польша

Бредихин Антон Викторович, кандидат исторических наук, президент АНО социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований», Российская Федерация

Гуцин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья РГГУ, Российская Федерация

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Российская Федерация

Мавлонова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, Российская Федерация

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра ев-ро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО (Университета), Российская Федерация

Сидоров Дмитрий Алексеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, Российская Федерация

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, РУДН, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, Российская Федерация

Мансуров Умед Абдуфаттохович, кандидат юридических наук, проректор по международным связям Российско-Таджикского (Славянского) университета, Республика Таджикистан

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Республика Узбекистан

ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ISSN: 2618-7426 (online)

Периодичность – 8 номеров в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)

08.00.14 – Мировая Экономика (экономические науки)

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ», «Политические портреты». Журнал приветствует публикацию рецензий.

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>

Тематический портфель на 2019 г.:

№ 4 2019	ОДКБ - текущие проблемы и перспективы развития	До 07 мая 2019 г.
№ 6 2019	Энергетическая дипломатия на постсоветском пространстве	До 30 сентября 2019 г.
№ 8 2019	Беларусь в мировой политике	До 15 декабря 2019 г.
№№ 3,5,7 2019	Номера не тематические	До 01 апреля 2019 г. До 20 июня 2019 г. До 11 ноября 2019 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>

JOURNAL “POST-SOVIET STUDIES”

2019 Vol.2 №2

Electronic journal

Ed. since 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications. **Registration certificate:** ЭЛ № ФЦ 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

Chief Editor

K.P. Kurylev – Doctor of History, Professor of RUDN University, Russian Federation
kuryljov@narod.ru

Deputy Chief Editor

N.P. Parkhitko – PhD in History, Assistant Professor of RUDN University, Russian Federation
scharnchorst@mail.ru

Executive Secretary

N.G. Smolik – senior lecturer of RUDN University, Russian Federation
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Republic of Belarus

Yurchak Denis Valeryevich, PhD in History, Associate Professor of the History Department, Vitebsk State University of P.M. Makarov, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia (Tbilisi), Georgia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in political sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, Republic of India

Deshpande Sandjay, PhD in History, Director of the Center for Eurasian Studies in the University of Mumbai, Republic of India

Gubaydulina Mara Shaukatovna, Doctor of History, Professor of the Faculty of International Relations and World Economy of the Kazakh Al-Farabi National University, Republic of Kazakhstan

Zholdasbekova Akbota Niyazovna, PhD in Politics, Dean of the Faculty of International Relations of the L. N. Gumileva Eurasian National University, Professor, Republic of Kazakhstan

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Dean of the Faculty of Economy and Law, International Educational Corporation, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbybyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyz Republic

Sykulski Leszek, PhD in political sciences, lecturer at the Jan Dlugosz University, the president of the Polish Geopolitical Society, Republic of Poland

Bredikhin Anton Viktorovich, PhD in History, President of the Independent Non-Profit Organization of the Socio-Economic and Political Consulting Center for Ethnic and International Studies, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Russian Federation

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Russian Federation

Mavlonova Anna Sergeevna, PhD in History, Senior Lecturer, School of Oriental Studies, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslovovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Russian Federation

Sidorov Dmitry Alekseevich, PhD in Politics, Senior Researcher, Associate Professor at the Department of International Relations, Diplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Russian Federation

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Russian Federation

Mansurov Umed Abdufattohovich, Doctor of Law, Vice-Rector for International Relations of the Russian-Tajik (Slavic) University, Republic of Tajikistan

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Republic of Uzbekistan

JOURNAL “POST-SOVIET STUDIES”

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity – 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 – History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 – Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

07.00.02 – National History (Historical sciences)

08.00.14 – World Economy (Economics)

Objective and Thematic

The journal “Post-Soviet Studies” aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Official site of the Journal: <https://www.postussr.org>

Thematic case for 2019:

№ 4 2019	CSTO - current problems and development prospects	Till 07 May 2019.
№ 6 2019	Energy diplomacy in the post-Soviet space	Till 30 September 2019.
№ 8 2019	Belarus in global politics	Till 15 December 2019.
№№ 3.5,7 2019	Non-themed issues	Till 01 April 2019. Till 20 June 2019. Till 11 November 2019.

Manuscript submission rules are posted on the journal website. <https://www.postussr.org/avtoram>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: ПЯТЬ ЛЕТ УКРАИНСКОМУ КРИЗИСУ

Цветкова Н.А. Дискурс «цветных революций».....	940
Маркедонов С.М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты.....	951
Курылев К.П. Церковный раскол на Украине как следствие государственного переворота в феврале 2014 г.....	963
Малышев Д.А. Керченский кризис и статус Азовского моря.....	982
Федорченко С.Н. Украинские политические тренды: осмысление через методологию Google Trends.....	990
Шепелев М.А. Академическая колонизация украинской политической науки.....	999
Ибрагимов А.Г. Украинский кризис в контексте противостояния между Западом и Россией.....	1014
Семибратов Е.В. Российско-украинские отношения в 2014-2018 гг.: динамика, тенденции, перспективы.....	1021
Шабловский В.С. Отношения России и НАТО в контексте кризиса на Украине.....	1032
Григоревская А.Д., Нахнюпа А.А., Смолик Н.Г. Влияние украинского кризиса на трансформацию политико-правовых основ внешней политики Украины (2014-2018 гг.)...	1042
ПРОБА ПЕРА	
Бардина К.В. Историческая память и исторический ревизионизм на Украине.....	1055

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: FIVE YEARS TO UKRAINIAN CRISIS

Tsvetkova N.A. Discourse of «color revolutions».....	940
Markedonov S.M. The Ukrainian crisis: impact on the post-soviet conflicts.....	951
Kurylev K.P. The split of church in Ukraine as a consequence of the coup d'état in February 2014.....	963
Malyshev D.V. Kerch crisis and the status of the Azov sea	982
Fedorchenko S.N. Ukrainian political trends: understanding through the google trends methodology and conceptual heritage of G. Lebon	990
Shepelev M.A. Academic colonization of the Ukrainian political science	999
Ibrahimov A.G. Ukrainian crisis in the con-text of confrontation be-tween the West and Russia.....	1014
Semibratov E.V. Russian-Ukrainian relations in 2014-2018: dynamics, trends, prospects	1021
Shablovskiy V.S. Russia-NATO relations in context of the Ukrainian crisis	1032
Grigorevskaya A.D., Nahnupa A.A., Smolik N.G. The impact of the Ukrainian crisis on the transformation of political and legal bases of foreign policy of Ukraine (2014-2018).....	1042

FIRST STEPS

Bardina K.V. Ukrainian historical memory and historical revisionism	1055
--	------

**ДИСКУРС
«ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»**

Н.А. Цветкова

Санкт–Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье выявлены термины, концепции и интерпретации, которые формируют научный дискурс, связанный с исследованием такого феномена системы международных отношений как «цветные революции». Особым примером в статье выступают события на Украине 2004 г. Автор приходит к выводу, что зарубежные научные исследования сформировали такие трактовки цветных революций как *ненасильственное сопротивление, демократизация и электоральная революция*. Однако в настоящий момент в зарубежной науке о цветных революциях наблюдается волна ревизионизма, которая предлагает новые интерпретации украинских событий и последствий смены режима. Более того, события в Ливии, Сирии и Венесуэле также оказывают влияние на научные дискуссии в силу наличия насильственного компонента в виде гибридной и гражданской войн, а также гуманитарной катастрофы как последствий протестных движений.

В российском научном направлении выявлены такие дискурсы как *мягкая сила, внешнее вмешательство и демонтаж государственной системы*. Российские ученые делают акцент на негативных последствиях политических трансформаций, связанных с искусственной сменой политических режимов. Кроме этого, российские исследователи подробно останавливаются на вопросе о противодействии России распространению цветных революций.

Точкой соприкосновения зарубежного и российского направлений по изучению темы о цветных революциях выступает вопрос о том, как политические трансформации в одной стране оказывают влияние на изменения политики других государств по сдерживанию цветных революций. Научный дискурс смещается к изучению действий реципиентов политических трансформаций.

Ключевые слова: цветные революции, США, Россия, Украина

**DISCOURSE OF
«COLOR REVOLUTIONS»**

N.A. Tsvetkova

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article reveals notions, concepts, and interpretations that shape a scholarly discourse relative to the study of the phenomenon within the system of international relations known as color revolutions. A special case is given to the events in Ukraine in 2004. The author concludes that the global studies are developed in terms of such discourses as non-violent resistance, democratization, and electoral revolution. However, a wave of revisionism is visible in the studies of the color revolutions that offers new connotations of both Ukrainian events and the consequences of a regime change at all. Moreover, the events in Libya, Syria, and Venezuela make a strong impact on the debates for the violent consequences of the protests movements in terms of proxy and civil wars, and a humanitarian catastrophe as well.

In the Russian studies relative to color revolutions, such discourses as soft power, foreign interference and the dismantling of the statecraft are mostly elaborated. Russian experts focus on foreign interference as a primary driver for color revolutions and on negative consequences of political transformations associated with the dismantling the political regimes. In addition, Russian researchers examine the deterrence of color revolutions on the part of Russia.

The point of overlapping of global studies with Russian ones is the question of how political transformations in one country can affect some revisions in a foreign policy of other states, who are compelled to build a containment policy against color revolutions. Hence, the scholarly discourse is recently shifting from the study on the political protests warmed by external powers to the study of the political response offered by the state-recipients of political transformations.

Keywords: Color Revolutions, Russia, United States, the Ukraine

Политические события, которые происходят на Украине с 2004 г., существенно изменили научные исследования таких вопросов как политическая власть, смена политических режимов, демократизация, протестное движение и пр. Вопрос о том, как объективно и в научном аспекте обозначить украинские события, интерпретировать результаты смены политического режима в условиях локальных, региональных и глобальных проблем, оказался наиболее дискуссионным в исследованиях зарубежных и отечественных специалистов.

Феномен цветных революций в виде демонтажа политических режимов при помощи политических акций, вмешательства в проведение выборов, государственных переворотов и т.п. стал частью современной системы международных отношений. По мнению ряда специалистов, после окончания периода «холодной войны» число цветных революций достигло 17–20 случаев, что требует пристального изучения и поиска новых концепций для объяснения данного явления. Специалисты в этой области еще только наращивают эмпирический базис и вырабатывают различные подходы к изучению данного феномена.

Научное направление по изучению цветных революций уже сложилось и в зарубежной, и российской науке о международных отношениях и политологии. Однако в силу разной политической диспозиции зарубежных стран (Запада) и России на поле цветных революций научные дискурсы и интерпретация событий значительно, но не радикально, различаются в зарубежной и российской науке. Более того, появление непредвиденных результатов цветных революций в виде актов насилия, гражданских войн и гуманитарных катастроф сформировало ревизионизм в зарубежной науке, а тезисы его сторонников приближаются к интерпретациям российских ученых. Российский дискурс цветных революций характеризуется устойчивым неприятием данного феномена, за исключением сторонников концепции демократизации. Наконец, зарубежное и российское направление в данной области еще

только подходит к изучению вопроса о влиянии феномена на поведение и политику государств, которые оказались реципиентами или мишенями «цветных революций» [Ambrosio, 2007; Егорченков, Данюк, 2018).

Цель данной статьи — выявить научный дискурс, концепции и понятия, которыми оперируют зарубежные и отечественные исследователи для интерпретации украинских событий 2004 г. и цветных революций в общем.

Методология исследования опирается на дискурсивный анализ, который позволяет нам деконструировать эмпирические и теоретические работы по данной теме и вычленил понятия, трактовки, смыслы, при помощи которых исследователи обозначают и интерпретируют события цветной революции на Украине. Более того, наш анализ предполагает, что политические события на мировой политической арене меняют коннотации предлагаемого дискурса по данной теме. Источниками для подготовки данного исследования выступают публикации значимых зарубежных и российских ученых по данной теме.

Статья имеет два раздела. В первом разделе рассматривается дискурс цветной революции, который формируется в трудах зарубежных исследователей, а во втором разделе – дискурс цветной революции, который формируется в трудах российских исследователей.

От «ненасильственного сопротивления» к «электоральной революции»: зарубежные концепции цветной революции. Зарубежное научное направление о цветных революциях зародилось в начале 2000-х гг. после событий в Сербии и на Украине, когда результаты президентских выборов были не приняты частью населения и массовые протесты привели к пересчету голосов, проведению второго тура голосования и к смене политического режима. Это направление получило название *color revolutions studies* с момента появления публикаций М. Макфола, известного исследователя феномена цветных революций и посла США в России в период администрации Б. Обамы [McFaul, 2006].

Данное научное направление в науке о международных отношениях и политологии быстро приобрело разнообразный характер оценок, методологий и концептуальных рамок исследований. Сегодня можно выделить несколько больших групп исследований в самых разных странах, которые объединены следующими концепциями, что, в свою очередь, определяет методологию и результаты анализа. Первая группа поддерживает дискурс о цветных революциях эпохи после холодной войны как продолжении волны ненасильственного сопротивления или массового протеста. Вторую группу исследований можно объединить дискурсом о демократизации различных государств посредством оказания поддержки смены режима извне. Более узкий дискурс используют представители третьей группы исследователей, которые детально изучают технологические вопросы так называемых электоральных революций, что подразумевает смену политического режима при помощи осуществления выборов по определенной модели. Несомненно, пример Украины является наиболее часто изучаемым среди указанных направлений, но имеет самые разные и противоположные интерпретации в силу используемых разнообразных подходов, концепций и методологии исследования.

Дискурс о ненасильственном сопротивлении имеет долгую историю и охватывает значительное число исследований, посвященных смене политической власти. Его появление было связано с процессами деколонизации в 1940-е – 1960-е гг., а в современную эпоху он охватывает, по большей части, изыскания по постколониальным исследованиям, что объединяет представителей критической социологии, неомарксистов и пр. В дисциплине о цветных революциях данный дискурс представляет широкое поле для сравнения сути цветных революций постхолодной эпохи с историей бархатных революций Восточной Европы конца 1980-х гг. или с другими историческими примерами протестных выступлений.

Как правило, представители данного направления не используют понятие

«цветная революция», а объясняют любые события, связанные со сменой государственного строя как народные протесты мирного характера. Самый важный тезис, который выдвигают сторонники данного дискурса, касается глобального, объективного и contagiозного характера ненасильственных движений. Проследив все случаи народных волнений и смены политических режимов с 1946 по 2006 гг. ученые обнаружили феномен «домино»: если протесты произошли в одном в государстве, то протесты, причем, по сходной модели, будут наблюдаться и в других государствах [Braithwaite, et al., 2015]. Термин «contagiозный» или «заразный» (contagious) используется в подобных исследованиях для иллюстрации трансфера моделей протестных движений из страны в страну. Более того, тезис о глобальности или о глобальной диффузии протестных движений доказывается посредством использования различных количественных методов.

Исходя из данных концептуальных рамок, в случае с Украиной также наблюдался эффект «домино». Украинские события 2004 г. оказались продолжением протестных движений, которые начались в странах Восточной Европы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и охватили Киев к началу 2000-х гг.

Другим вариантом данного дискурса являются работы, которые обозначают все исторические события, связанные с массовыми протестами и революциями как *regime change cascades*. Под термином «каскад» понимается тот же принцип «домино», сформированный политическими историками. Каскад предполагает перенос модели смены режима от страны к стране [Ellis, 2011]. Историки утверждают, что примерами смены политического режима являются революция во Франции 1848 г., «бархатные революции», «цветные революции» на постсоветском пространстве и события «Арабской весны». Основными критериями для классификации политических событий революционного типа по формуле «смена режима» являются: 1) непопулярность власти и лидера; 2) раздробленность элиты и 3) наличие населения, способных поддержать оппозицию.

Однако во многих исследованиях «смена режима» трактуется как причина появления гибридных политических режимов, гражданской войны, а не условие либерализации. Подобные исследования ставят под сомнение политическую необходимость смены режима [Hale, 2013].

Дискурс о демократизации является альтернативной и также широкой концептуальной рамкой для исследований о смене государственного строя. Политическая демократизация как теория и методология для объяснения различных протестных движений, смены власти или государственного строя имеет сегодня две коннотации в зарубежной литературе.

До начала 2010-х гг. в литературе доминировала положительная интерпретация распространения и продвижения демократии и, как правило, множество исследований положительно оценивали, скажем, политику США или Европейского союза по продвижению либеральной демократии в мире [Gershman, 2004]. Политический и научный дискурс, сформированный научной школой Ф. Фукуямы о триумфальном шествии либерализма стал основой для появления подобных исследований об успехах продвижения демократии на постсоветском пространстве, включая Украину.

Однако Афганская и Иракская кампании США, которые показали ограниченность прививания западной демократии в оккупированных странах, охладили научную эйфорию и послужили появлению негативной интерпретации демократизации как процесса, идущего извне без учета внутренних особенностей страны-реципиента демократических преобразований [Zielys, Rudinskaite, 2014]. Поэтому, в данном научном направлении сформированы более сбалансированные и объективные исследования по данной теме.

Во-первых, многие исследования доказывают внешний характер демократизации, основываясь на анализе технологий передачи ценностей и институтов западной политической модели. Зарубежные ученые признали существование механизма работы фондов с местными неправительственными организациями, поддержки оппози-

ционных движений и создания гибких сетевых организаций для осуществления мобилизации населения [Carothers, 2007].

Во-вторых, исследователи поставили вопрос другой стороне навязанной демократизации, а именно: как страны, политическая элита, население, и, наконец, близлежащие государства реагируют на процесс навязанной демократизации. Они утверждают, что оранжевая революция на Украине существенно изменила характер внешней политики России, что является просчетом Запада и самым неудовлетворительным результатом подобной демократизации страны [Ambrosio, 2007]. Многие исследователи также доказывают, что ЕС и США прекратили демократизацию Украины, поскольку созданные политические проблемы лимитировали возможности дальнейшего вступления Украины в НАТО и ЕС [Basora, 2008; Levitsky and Way, 2005].

Отметим, что фактор столкновения политики по демократизации с целями по обеспечению национальной безопасности стал частью данного дискурса. В истории внешней политики США, например, поддержка либеральной оппозиции в других странах, развитие диссидентского движения и стимулирование протестов неоднократно становились частью приоритетов Вашингтоном. Стимулирование Венгерского восстания 1956 г., поддержка государственных переворотов в Чили, Панаме и др. являются самыми известными и хорошо изученными примерами. Однако США отступали от продолжения демократизации страны, как только данная политика угрожала возможным военным столкновением с сильным противником. Например, президент Д. Эйзенхауэр отказался от дальнейшей поддержки восстания в Венгрии, как только стало известно, что СССР применит военную силу [Borhi, 1999; Levitsky and Way, 2008]. Так, по мнению ряда сторонников демократизации, произошло и в случае с Украиной: жесткий ответ России остановил дальнейшие шаги по широкому продвижению американской демократии, что свидетельствует о новом повороте философии демократического идеализма в сторону прагма-

тичного реализма, который подразумевает поддержку различных политических режимов, но дружественных по отношению к США [Kirkpatrick, 1979; Kissinger, 1995].

В силу этого и, в-третьих, дискурс о демократизации переживает эпоху ревизионизма, который характеризуется переоценкой событий, пониманием негативных последствий искусственной смены политического режима в региональном и глобальном измерении. Украинские события детерминировали смену внешнеполитического курса России, сформировали затяжной политический кризис на Украине и отложили американизацию или европеизацию страны. Сторонники ревизионизма пытаются дать взвешенный ответ на вопрос, почему некоторые страны постсоветского пространства прошли через череду революций, а другие — нет. [Way, 2008]. Исследователи утверждают, что способность политической элиты установить консенсус с населением, включая методы пропаганды, является основной предпосылкой для отсутствия политических потрясений в стране. Наконец, многие ревизионисты ставят под вопрос оправданность дискурса о демократизации в случае с Украиной, утверждая, что цветная революция 2004 г. является примером смены одного гибридного режима другим [Hale, 2006].

Ревизионисты трактуют украинские события как навязанную извне демократизацию, которая не привела к консенсусу в обществе, а, наоборот, сформировала дополнительные каналы политической борьбы между элитами, несмотря на создание института свободных выборов [Solonenko, 2009]. Исследователи данного концептуального направления ставят такие вопросы: кто виноват? и каковы последствия цветной революции? для Украины. Как правило, основным виновником в отступлении западной демократии на Украине обозначены лидеры страны, которые не сумели провести шоковые реформы, изменить устаревшее институциональное наследие и дистанцироваться от ценностей СССР [Kubicek, 2009].

Дискурс об электоральных революциях представляет еще одну модифика-

цию трактовки термина — «цветная революция». Электоральная революция подразумевает ненасильственную смену режима посредством проведения выборов и участия в них оппозиционных партий или движений. Данный термин и его концептуализация создают условия создания дискурса об объективности смены политических авторитарных режимов при помощи подготовки и проведения выборов.

Сторонники данного направления уже накопили достаточное количество примеров, что позволяет им разделить все цветные революции 1990-х – 2000-х гг. на два типа: первый тип включает в себя «успешные революции», а второй тип — «неудавшиеся революции». Основным критерием успешности или провала революции указывается процесс демократизации, который либо происходит после смены режима, либо стагнирует и затухает, поскольку новая власть не способна адекватно реформировать гибридный режим. Например, исследованы 17 примеров электоральных революций, которые произошли в 11 странах после 1991 г. К этим странам относятся Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Киргизстан, Мадагаскар, Перу, Сербия, Того, Украина и Эфиопия. Причем, Армения, Азербайджан, Беларусь и Сербия пережили несколько электоральных протестов [Kalandadze and Orenstein, 2009]. И только в некоторых случаях электоральная революция была успешна, когда новая власть сумела установить консенсус в обществе и продолжить демократические реформы.

Во многих случаях пример Украины как электоральной революции 2004 г. трактуется двояко. Одни исследователи говорят об успешности революции в 2004 г., поскольку процесс демократизации был успешно реализован посредством формирования свободной прессы и усиления власти парламента. Другие исследователи утверждают, что правительство Ющенко было полностью дезорганизовано и не смогло провести ряд трансформаций в обществе, а самое главное, сформировать диалог между различными политическими силами и регионами страны [Riabchuk 2005]. Это стало причиной долговременно-

го политического кризиса, продолжающегося и сегодня.

В итоге зарубежные исследователи предлагают несколько вариантов понимания украинских событий, вписывая события 2004 г. в самые различные терминологические и концептуальные рамки, что создает и порой меняет научное восприятие событий того времени. Однако волна ревизионизма охватила современные исследования по данной теме. Ливийский и сирийский примеры цветных революций, которые начинались как молодежные протестные движения, а также Венесуэльский кризис, который начинался как победа электоральной революции 2015 г., когда оппозиционеры получили большинство в парламенте страны, стали серьезным вызовом для сторонников дискурса о ненасильственных протестных движениях, демократизации и пр. Гибридные войны, сетевые войны, влияние самых различных внешних сил на ситуацию другой страны оказались следствием цветных революций, что формирует новый научный дискурс о политике сдерживания цветных революций различными странами.

От «мягкой силы» к «демонтажу государственной системы»: российские концепции цветной революции

Российские исследования о природе цветных революций стали также появляться после событий 2004 г. на Украине. Можно выделить два этапа в развитии научного направления по данной теме: Первый этап – это начало 2000-х гг., когда исследователи накапливали факты, и давали оценки конкретным примерам политических преобразований. Второй этап – это период с 2015 г. по настоящее время, когда российские ученые перешли к обобщениям, расширению теоретических рамок, а также к поиску методологии исследования данного феномена. К настоящему моменту наука о международных отношениях, политология, история, социология, а также и исследования о стратегических коммуникациях накопили солидный пласт работ в данном направлении.

Работы российских авторов можно разделить на следующие концептуальные направления, которые выстраивают интер-

претации украинских событий и многих других примеров цветных революций. Первое направление – это дискурс о мягкой силе как о политическом инструменте создания условий осуществления цветных революций. Второе направление – дискурс внешнего вмешательства, что используется для интерпретаций событий с точки зрения России и ее интересов. Третий дискурс – демонтаж государственной системы как следствие протестных движений.

Дискурс о мягкой силе. Российские ученые создали уникальное представление о концепции и политике мягкой силе как о политическом инструменте смены политических режимов. Формулировки Дж. Ная о привлечении к ценностям, политическим институтам и пр. при помощи невоенных способов давления (*soft power*) или с помощью военной силы (*smart power*), а также путем вмешательства во внутренние дела государств (*sharp power*) повлияли на становление данного научного дискурса [Nye, 2018; Филимонов, Цатурян, 2012]. Политика мягкой силы показана в работах российских ученых как инструмент мобилизации населения и цветной революции, а также как источник гибридных и гражданских войн [Наумов, 2016].

Другие работы рассматривают публичную дипломатию и цифровую дипломатию как инструмент политических преобразований. Публичная дипломатия как совокупность мероприятий правительства США в области обучения политических лидеров и наблюдателей на выборах, создания партий и неправительственных организаций содействует политической трансформации Украины. В течение 1990-х – 2000-х гг. различные проекты американской публичной дипломатии, а также проекты в сети Интернет, оказывали влияние на ценностные ориентиры и, самое главное, создание политических пролиберальных коалиций во время выборов [Цветкова и Ярыгин, 2015].

Необходимо отметить, что дискурс о мягкой силе как инструменте продвижения цветных революций редко используются в зарубежной литературе. Как правило, оборотная сторона (*dark side*) использования «мягкой силы» или «острой силы» в каче-

стве инструмента вмешательства во внутреннюю политику других государств приписывается западными исследователями к действиям авторитарных государств, а политика США в данном направлении обозначается, как мы отмечали, дискурс о продвижении демократии.

Дискурс о внешнем вмешательстве. Российские исследователи ставят Россию в положение потенциального реципиента протестных движений, а сам термин «цветная революция» воспринимается как экзистенциальная угроза для развития государства, его суверенитета, а также как угроза поддержания влияния России на бывших имперских окраинах, которые, несомненно, являются зоной важнейших интересов страны. Дискурс представляет собой рамочную концепцию для объяснения вмешательства США и ЕС в зону жизненно важных интересов России. Внешнеполитический аспект революций является наиболее важным в интерпретации эмпирических фактов. Российские ученые взвешивают происходящие события с точки зрения внешней политики России, что создает уникальный формат для новой интерпретации смены политических режимов в странах по периметру России: революции становятся инструментом политики Запада против самой России [Сивков, 2013]. В этом кроется кардинальное отличие от зарубежных исследователей, которые не учитывают и не анализируют интересы России в тех странах, где произошли цветные революции.

В этом научном направлении представлены работы о том, как Россия должна противодействовать осуществлению цветной революции внутри страны. Исследуя широкий эмпирический материал, эксперты выявляют риски принятия решений в условиях угрозы. [Бадюков, Агаронян, 2018]. Работы российских авторов касаются каждого случая осуществления цветных революций на территории Евразии и Восточной Европы.

Изучение роли СМИ и неправительственных организаций, а также социальных сетей и цифровой дипломатии в развитии протестных движений является значимой частью построения дискурса о

внешнем вмешательстве [Полезе, 2014; Цветкова и Сытник, 2017]. Российские исследователи наравне с зарубежными сторонниками дискурса о демократизации, а точнее, о дефиците демократизации и либеральных реформ после осуществления цветных революций, указывают на неспособность новой власти на Украине или в Грузии сформировать стабильные демократические режимы [Наумов, 2014].

Примерно с 2015–2016 гг. российская наука переживает период концептуальных обобщений. Исследователи предлагают новые варианты понимания политических трансформаций и протестных движений, применяют различные политические теории и расширяют рамки исследования. Например, события «Арабской весны», анализируются как источник украинских событий 2014 г., что в концептуальном плане близко к зарубежным исследованиям о глобальном и контагиозном характере протестных движений в мире [Манойло, 2014].

Дискурс о демонтаже государственной системы является еще одним направлением, который приобрел популярность после событий в Ливии и Сирии. Сторонники данной концепции существенно расширили научные изыскания в области изучения цветных революций, предлагая новые понятия о «гибридной войне» и «государственном перевороте». Государственный переворот как один из дискурсов для интерпретации событий цветных революций и результат вмешательства в другие страны при помощи мягких и невоенных инструментов трактуется как слом государственной системы, ведущий к гражданской войне и потери суверенитета нации. Российские ученые, в отличие от глобальной историографии, причисляют Украину, Ливию и Сирию к данному дискурсу и показывают проблемы, связанные с политической вмешательством. Очень часто российские исследователи используют метод сравнения, выявляя, например, сходства и различия в сценариях цветных революций на Украине 2004 и 2014 гг. [Арямова, 2015].

Более того, именно в этом дискурсивном поле реконструированы изменения

внешней политики России, которые произошли под влиянием феномена цветных революций [Арямова, 2016]. В зарубежной литературе еще мало работ, которые бы анализировали российскую модель по защите государства от технологий цветных революций или выявляли взаимозависимость внешнеполитического поведения России и цветных революций на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке. Изучение вопроса о реакции стран, которым угрожает цветная революция является новым шагом в российской и зарубежной историографии [Данюк, 2018].

Положение России как потенциального реципиента цветной революции в течение 1990-х – начала 2000-х гг. оказало влияние на различие в научных дискурсах между зарубежной и российской науками. Западные страны оказались в роли инициатора политики мягкой силы, демократизации, протестов и пр., что оказало влияние на научный дискурс в литературе.

Зарубежные ученые сформировали дискурс о протестных движениях, демократизации и электоральной революции. Однако эйфория о триумфе либерализма, а также завышенная оценка политических событий, связанных с цветными революциями, расшатывается под грузом реальных гибридных и гражданских войн, политических и экономических кризисов и гуманитарных катастроф, которые стали следствиями цветных революций. Зарубежная наука перешла в стадию переосмысления прошлых событий или, как мы обозначали в данной статье, в стадию ревизионизма.

Основными тезисами российской науки являются возможная угроза для России, вмешательство во внутренние дела суверенных государств, а также негативные последствия для политического и экономического развития государств. Эти тезисы основаны на политической реальности, с которой столкнулось население ряда стран после опыта смены или попыток смены политического режима, причем сегодня данные положения оказались оправданными, а деконструкция цветных революций является приближенной к современной политике.

Несмотря на различия в дискурсах между зарубежной и отечественной науками, наблюдается сближение между ними. Зарубежные исследователи стремятся выстроить сбалансированный дискурс о природе и последствиях цветных революций, а российские – расширить теоретические и методологические рамки исследований. Точкой соприкосновения зарубежного и российского дискурса выступает вопрос о том, как политические трансформации в одной стране оказывают влияние на изменения внешней политики других государств, которые вынуждены выстраивать политику защиты от цветных революций. Научный дискурс перемещается о изучения политики воздействия и влияния стран Запада на другие страны в области политических трансформаций на изучение политики реакции и ответа со стороны реципиентов этих трансформаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арямова А.Д. Последствия цветных революций и роль России в преодолении ближневосточного и украинского кризиса // Тренды и управление. 2016. № 1. С. 90–95.
2. Арямова А.Д. Практическая реализация технологий цветных революций в Украине в 2004 и 2014 гг.: сравнительный анализ // Международные отношения. 2015. № 4. С. 439–442.
3. Бадюков В.Ф., Агаронян М.А. Анализ рисков цветных революций в сопредельных с РФ странах (на примере Украины) // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 1. С. 79–84.
4. Бочаров А.В. Роль soft power в формировании условий реализации «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29). С. 261–268.
5. Данюк Н.С. Цветные революции. От теории к практике Москва: «Юнити-Дана», 2018.
6. Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 1. С. 26–48.

7. Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // *Власть*. 2014. № 4. С. 24–28.
8. Наумов А.О. «Мягкая сила» и «Цветные революции» // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. Т. 1. № 6. С. 73–86.
9. Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014. № 45. С. 148–178.
10. Полезе А. Гражданская кампания «Пора!» на Украине: четыре вопроса о роли гражданского общества в период цветных революций // *Политическая наука*. 2014. № 3. С. 211–231.
11. Сивков К.В. «Цветной» сценарий для России // *Социологические исследования*. 2013. Т. 8. № 352. С. 136–142.
12. Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С. Роль украинского кризиса в переформатировании мироустройства: взгляд из России // *Международное публичное и частное право*. 2015. № 2. С. 5–9.
13. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. «Мягкая сила» как форма непрямой аппликации «национального интереса» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2012. № 2. С. 21–30.
14. Цветкова Н.А., Сытник А.Н. Информационные технологии в реалиях политического кризиса: от сетевого проекта «евромайдан» до создания стратегической коммуникации на Украине (2013–2016 гг.) // *Власть*. 2017. Т. 25. № 4. С. 86–91.
15. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990-е – 2000-е гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2015. № 4. С. 68–82.
16. Ambrosio Th. Insulating Russia from a Colour Revolution: How the Kremlin Resists Regional Democratic Trends // *Democratization*. 2007. Vol. 14. N 2. P. 232–52.
17. Basora A. Must Democracy Continue to Retreat in Postcommunist Europe and Eurasia? // *Orbis*. 2008. Vol. 52. N 1. P. 3–24.
18. Borhi L. Rollback, Liberation, Containment, or Inaction?: U.S. Policy and Eastern Europe in the 1950s // *Journal of Cold War Studies*. 1999. Vol. 1. N 3. P. 67–110.
19. Braithwaite A., et al. The Conditioning Effect of Protest History on the Emulation of Nonviolent Conflict // *Journal of Peace Research*. 2015. Vol. 52. N 6. P. 697–711.
20. Carothers Th. The “Sequencing” Fallacy // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. N 1. P. 12–27.
21. Ellis CJ. Information Cascades and Revolutionary Regime Transitions // *Econ. J*. 2011. Vol. 121. N 553. P. 763–92.
22. Gershman C. Democracy Promotion: The Relationship of Political Parties and Civil Society // *Democratization*. 2004. Vol. 11. N 3. P. 27–35.
23. Hale H. Democracy or Autocracy on the March? The Coloured Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39. N 3. P. 305–29.^[1]_[SEP]
24. Hale H. Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings // *Annual Review of Political Science*. 2013. Vol. 16 (June). P. 331–53.
25. Kalandadze K., & Orenstein M. Electoral Protests and Democratization: Beyond the Color Revolutions // *Comparative Political Studies*. 2009. Vol. 42. N 11. P. 1403–1425.
26. Kirkpatrick J. Dictatorships and Double Standards // *Commentary*. 1979. Vol. 68. P. 35–45.
27. Kissinger H. *Diplomacy*. New York: Simon & Shuster, 1995.
28. Kubicek P. Problems of Post-Post-Communism: Ukraine after the Orange Revolution // *Democratization*. 2009. Vol. 16. N 2. P. 323–43.
29. Levitsky S. & Way L. International Linkage and Democratization // *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16. N 3. P. 20–34.^[1]_[SEP]
30. McFaul M. The Orange Revolution in a

Comparative Perspective // *Revolution in orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough* / Ed. A. Aslund A. & M. McFaul. Washington, D. C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006. p. 165–197.

31. Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power // *Foreign Affairs*. 2018. 24 January. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>. Дата обращения: 19 января 2019.
 32. Riabchuk M. Ukraine: Lessons Learned from Other Postcommunist Transitions // *Orbis*. 2008. Vol. 52. N 1. P. 41–64.
 33. Solonenko I. External Democracy Promotion in Ukraine: The Role of the European Union // *Democratization*. 2009. Vol. 16. N 4. P. 709–31.
 34. Tudoroiu Th. Rose, Orange, and Tulip: The Failed Post-Soviet Revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. 2007. Vol. 40 N 3. P. 315–42.
 35. Way L. The Real Causes of the Colour Revolutions // *Journal of Democracy*. 2008. Vol. 19. N 3. P. 55–69.
 36. Zielys P. & Rudinskaite R. US Democracy Assistance Programs in Ukraine after the Orange Revolution // *Communist & Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47. N 1. P. 81–91.
 37. Zielys P. New Version of the Kirkpatrick Doctrine in the Post-Soviet Space // *Democratization*. 2010. Vol. 17. N. 5. P. 878–98.
- Сведения об авторе:** Цветкова Наталья Александровна – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (n.tsvetkova@spbu.ru).
1. Ambrosio Th. (2007). Insulating Russia from a Colour Revolution: How the Kremlin Resists Regional Democratic Trends. *Democratization*, 14(2), 232–52.
 2. Aryamova A.D. (2015). The Practical Implementation of the Color Revolutions' Technologies in Ukraine in 2004 and 2014: A Comparative Analysis. *International Relations*, 4, 439–442.
 3. Aryamova A.D. (2016). The Consequences of the Color Revolutions and the Role of Russia in Resolving the Middle Eastern and Ukrainian Crises. *The Trends and Management*, 1, 90–95.
 4. Badyukov V.F., Agaronyan M.A. (2018). The Analysis of Risks of Color Revolutions in Russia's Neighboring Countries. *The Vestnik of Khabarovsk State University of Economics and Law*, 1, 79–84.
 5. Basora A. (2008). Must Democracy Continue to Retreat in Postcommunist Europe and Eurasia? *Orbis*, 52(1), 3–24.
 6. Bocharov A.V. (2017). The Role of Soft Power in Creating the Conditions for the Implementation of Color Revolutions. *Discourse-Pi*, 3–4, 261–268.
 7. Borhi L. (1999). Rollback, Liberation, Containment, or Inaction?: U.S. Policy and Eastern Europe in the 1950s. *Journal of Cold War Studies*, 1(3), 67–110.
 8. Braithwaite A., et al. (2015). The Conditioning Effect of Protest History on the Emulation of Nonviolent Conflict. *Journal of Peace Research*, 52(6), 697–711.
 9. Carothers Th. (2007). The “Sequencing” Fallacy. *Journal of Democracy*, 18(1), 12–27.
 10. Danyuk N.S. (2018). *Color Revolutions: from the Theory to the Practice*. Moscow: Unity-Dana.
 11. Egorchenkov D.A., Danyuk N.S. (2018). The Theoretical and Ideological Approaches to the Research on the Phenomenon of Proxy Wars and Proxy Threats: A View from Russia. *The Vestnik of Moscow State University. Political Science*, 1, 26–48.
 12. Ellis CJ. (2011). Information Cascades and Revolutionary Regime Transitions. *Econ. J.*, 121(553), 763–92.
 13. Filimonov G.Yu., Danyuk N.S. (2015). The Role of the Ukrainian Crisis in Reformatting the World System: A View from Russia. *The International Public and Private Law*, 2, 5–9.
 14. Filimonov G.Yu., Tsaturyan S.A. (2012). Soft Power as the Indirect Application for the National Interest. *Vestnik RUDN*, 2, 21–30.

REFERENCES

15. Gershman C. (2004). Democracy Promotion: The Relationship of Political Parties and Civil Society. *Democratization* 11(3), 27–35.
16. Hale H. (2006). Democracy or Autocracy on the March? The Coloured Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism. *Communist and Post-Communist Studies*, 39(3), 305–29.
17. Hale H. (2013). Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings. *Annual Review of Political Science*, 16 (June), 331–53.
18. Kalandadze K., & Orenstein M. A. (2009). Electoral Protests and Democratization: Beyond the Color Revolutions. *Comparative Political Studies*, 42(11), 1403–1425.
19. Kirkpatrick J. (1979). Dictatorships and Double Standards. *Commentary*, 68, 35–45.
20. Kissinger H. (1995). *Diplomacy*. New York: Simon & Shuster.^[1]_[SEP]
21. Kubicek P. (2009). Problems of Post-Post-Communism: Ukraine after the Orange Revolution. *Democratization*, 16(2), 323–43.
22. Levitsky S., Way L. (2005). International Linkage and Democratization. *Journal of Democracy*, 16(3), 20–34.^[1]_[SEP]
23. Manoylo A.V. (2014). The Ukrainian Crisis and “The Controlled Chaos”: The Trace of Color Revolutions of the Arab Spring. *Vlast'*, 4, 24–28.
24. McFaul, M. (2006). The Orange Revolution in a Comparative Perspective. In *Revolution in Orange: The origins of Ukraine’s democratic Breakthrough*. Ed. A. Aslund & M. McFaul. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, pp. 165–197.
25. Naumov A.O. (2014). The Color Revolutions on the Post-Soviet Space: Ten Years Afterwards. *The Public Governance. The Electronic Vestnik*, 45, 148–178.
26. Naumov A.O. (2016). Soft Power and Color Revolutions. *The Russian Journal of Law Studies*, 1(6), 73–86.
27. Nye J. (2018). How Sharp Power Threatens Soft Power. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed 19.01.2019).
28. Poleze A. (2014). The Civic Campaign “Pora” in Ukraine: Four Questions about the Role of Civic Society in the Period of Color Revolutions. *Political Science*, 3, 211–231.
29. Riabchuk M. (2008). Ukraine: Lessons Learned from Other Postcommunist Transitions. *Orbis*, 52(1), 41–64.
30. Sivkov K.V. (2013). A Color Scenario for Russia. *Sociological Studies*, 8(352), 136–142.
31. Solonenko I. (2009). External Democracy Promotion in Ukraine: The Role of the European Union. *Democratization*, 16(4), 709–31.
32. Tsvetkova N.A., Sytnik A.N. (2017). Information Technologies in the Context of a Political Crisis: from the Euromaidan Network Project to Strategic Communications in Ukraine (2013–2016). *Vlast'*, 25(4), 89–91.
33. Tsvetkova N.A., Yarygin G.O. The U.S. Public Diplomacy and Political Transformation of Ukraine, 1990s–2000s. *The Vestnik of SPbGU. International Relations*, 4, 68–82.
34. Tudoroiu Th. Rose, Orange, and Tulip: The Failed Post-Soviet Revolutions. *Communist and Post-Communist Studies*, 40(3), 315–42.
35. Way L. (2008). The Real Causes of the Colour Revolutions. *Journal of Democracy* 19(3), 55–69.
36. Zielys P. (2010). New Version of the Kirkpatrick Doctrine in the Post-Soviet Space. *Democratization*, 17(5) (October), 878–98.
37. Zielys P., Rudinskaite R. (2014). US Democracy Assistance Programs in Ukraine after the Orange Revolution. *Communist & Post-Communist Studies*, 47 (1), 81–91.

About the author: Tsvetkova Natal'ya Aleksandrovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, and Head of American Studies Department, St. Petersburg State University (e-mail: n.tsvetkova@spbu.ru).

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПОСТСОВЕТСКИЕ КОНФЛИКТЫ

С.М. Маркедонов

Центр евро-атлантической безопасности
Института международных исследований
МГИМО (Университета), Москва, Россия

Аннотация. Украинский кризис стал самым серьезным и опасным вызовом для европейской безопасности после распада Советского Союза и Югославии, а также серии этнополитических конфликтов на Балканах и в постсоветских республиках. Это событие соединило в себе наиболее масштабное противостояние России и Запада с момента окончания «холодной войны», российско-украинские противоречия из-за Крыма и юго-восточных областей Украины, а также трансформацию украинского государственного проекта в сторону формирования более жесткого контура национальной идентичности. Вокруг Украины столкнулись интересы России, Евросоюза и США, что обусловило выход этого, по сути, внутригосударственного кризиса на региональный и глобальный уровень.

Все эти события заставили многих политиков и экспертов рассматривать процессы, происходящие на пространстве бывшего СССР сквозь украинскую призму, как ранее в 2006-2008 гг. они виделись в привязке к «казусу Косово».

Настоящая статья посвящена рассмотрению того влияния, которое оказывала (и продолжают оказывать) политическая динамика вокруг Украины на другие постсоветские конфликты (приднестровский, грузино-абхазский, грузино-осетинский и нагорно-карабахский). Рассматривается прямое и косвенное воздействие украинского фактора на этнополитические противостояния на территории бывшего Советского Союза, дается дифференциация символического, идеологического и военно-политического влияния Киева на ситуацию в Приднестровье и на Кавказе. Автор особое внимание уделяет подходам России, показывая отсутствие универсализма в действиях Москвы на постсоветском пространстве. Он также анализирует позиции,

как различных конфликтующих сторон, так и мотивацию акторов, вовлеченных в процессы мирного урегулирования.

Ключевые слова: Украина, Россия, Молдова, Приднестровье, Закавказье, конфликт, внешняя политика, безопасность, нациестроительство.

THE UKRAINIAN CRISIS: IMPACT ON THE POST-SOVIET CONFLICTS

S.M. Markedonov

Center for Euro-Atlantic Security at the
MGIMO Institute for International Studies

Abstract: The Ukrainian crisis has become the most serious as well as dangerous challenge for the European security after the USSR and Yugoslavia demises and series of ethno-political conflicts in the Balkans and the post-Soviet states. This event has combined the biggest West-Russia confrontation after the “cold war” end, the Russian-Ukrainian territorial contradictions for Crimea and Donbass and transformation of the Ukraine’s national project towards the shaping of the stronger identity. Interests of Russia, EU and the USA have collided in Ukraine and this is why this initially domestic crisis has been transformed into the regional and even international one.

All aforementioned events pushed policymakers and experts to consider the post-Soviet dynamics through the Ukrainian prism while previously in 2006-2008 it was observed being influenced by the Kosovo case.

The offered article is devoted to the impact of the Ukrainian dynamics on the other post-Soviet conflicts (Transnistrian, Georgian-Abkhaz, Georgian-South Ossetian and the Nagorno-Karabakh). It concerns the direct and indirect influence of the Ukrainian factor on the ethno-political confrontation on the newly independent states of Eurasia. The text differentiates Kiev’s symbolic, ideological and military-political influence on the regional dynamics in the South Caucasus and in Moldova (the Transnistrian conflict). The author pays special attention to Russia’s approaches stressing the absence of the geopolitical universalism. He also considers the viewpoints of conflicting sides as well as

basic motives of the actors engaged in the processes of the conflict resolution.

Ключевые слова: Украина, Молдова, Приднестровье, Закавказье, конфликт, внешняя политика, безопасность, нациестроительство.

Keywords: Ukraine Moldova, Russia, Transnistria, South Caucasus, conflict, foreign policy, security, nation-building.

Европейская безопасность: украинский фактор.

Значение Украины для европейской безопасности невозможно недооценивать. Оно определяется целым рядом факторов. Во-первых, Украина - вторая по размеру территории (603,7 тыс. кв.км.) и седьмая по численности (за минусом населения Крыма) страна Европы. Даже без учета Крымского полуострова ее площадь составляет около пяти процентов всей территории Европы. Следовательно, появление Украины на карте мира в результате распада Советского Союза, как независимого государства наряду с объединением Германии стало одним из самых важных изменений в европейской политической географии после 1945 г. [Украина 1966]. И если, в случае эскалации противостояния в юго-восточных регионах страны, а также появления других потенциальных конфликтных очагов произойдет фрагментация Украины, то это событие сможет претендовать на потрясение сопоставимое по своему масштабу с югославским распадом. И это притом, что в процессе распада Югославии не было таких факторов, как газовый транзит из России в Европу (что бы кто сегодня ни говорил о потенциальном снижении значения Украины в качестве страны - транзитера). Или концентрации порядка 80% всей инфраструктуры одного из российских флотов на Адриатике (в Черном море в Севастополе и Крыму имеется именно такая цифра) [Sakwa 2015].

Во-вторых, Украина - часть Черноморского региона, который принято рассматривать, как важный элемент так называемого «пояса нестабильности (от Балкан через Приднестровье до стран Кавказа) [Melvin 2018]. На юго-западном направлении Украина имеет непосредственный вы-

ход к одному из неразрешенных конфликтов на территории бывшего СССР - молдавско-приднестровскому (405 км украинской границы примыкают к непризнанной Приднестровской Молдавской Республике). Вместе с Азербайджаном, Грузией и Молдовой Украина входит в число стран-членов ГУАМ («Организации за демократию и экономическое развитие»), структуры, которая с момента своего основания в октябре 1997 г. рассматривалась, как интеграционный проект, альтернативный российским проектам в Евразии и как противовес «геополитическому доминированию» Москвы на постсоветском пространстве [Параховский 2008: 119-212].

Более того, еще до возвращения Крыма под российскую юрисдикцию и начала вооруженного конфликта в Донбассе все три партнера Киева по ГУАМ прошли через этнополитические противостояния, имели проблемы с территориальной целостностью. Они стремились решить эту проблему путем, как минимум диверсификации внешней политики (как Молдова или Азербайджан) или активизации взаимодействия с НАТО и Европейским Союзом. В этом плане Украина и Грузия шли, во многом схожим путем, рассматривались и в Москве, и в Брюсселе в контексте геополитического соревнования России и Запада на пространстве бывшего Советского Союза. Декларация Бухарестского саммита Альянса (3 апреля 2008 г.) четко зафиксировала консенсус среди всех стран-членов НАТО по поводу такой стратегической цели, как присоединение Киева и Тбилиси к этому военно-политическому блоку.¹

И хотя до настоящего времени никаких конкретных сроков их вступления в Альянс и даже предоставления ПДЧ (Плана действий по членству, предпоследнего этапа перед получением полного членства) не обозначено, курс на интеграцию Грузии и Украины в евроатлантическую «семью»

¹ Bucharest Summit Declaration, issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008 //North Atlantic Treaty Organization [Электронный ресурс] URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm

не подвергся ревизии. В этом плане показательна оценка генсека НАТО Й. Столтенберга, который в ходе своего визита на Украину (июль 2017 г.), приуроченного к двадцатилетию подписания «Хартии об особом партнерстве между Киевом и Брюсселем» заявил, что блок «находится на украинской стороне и никогда не признает незаконной аннексии Крыма». Украина является бенефициаром десяти трастовых фондов НАТО с общим бюджетом в 40 млн. евро. Шесть из них были созданы уже после начала конфликта в Донбассе¹. Таким образом, сегодняшняя Украина фактически рассматривается Альянсом, как ключевая страна постсоветского пространства, сдерживающая доминирование Москвы на территории бывшего СССР. При этом среди стран-членов Альянса на украинском направлении следует отметить особую активность США. Вашингтон превратился в приоритетного военного партнера Киева, что позволяет Украине эффективно взаимодействовать с Западом даже без формального вступления в ряды НАТО [Интересы НАТО 2017]. И хотя сегодня Украинское государство не отнесешь к главным политическим субъектам, как Европы в целом, так и Черноморского региона, в частности, происходящие процессы внутри и вокруг него крайне важны для всей постсоветской динамики.

Постсоветские конфликты в тени Крыма и Донбасса

По истечении пяти лет после смены власти на Украине и превращения внутреннего, по своей природе, политического кризиса в масштабную международную проблему, постсоветские конфликты оказались в тени событий в Крыму и в Донбассе. Более того, они во многом стали занимать подчиненное положение в отношении к украинскому кризису. То же признание двух бывших автономий Грузинской ССР Россией в августе 2008 г. многие авторы в США и странах ЕС стали рассматривать, как некую увертюру к крымской и донбасской истории. Так по мне-

нию руководителя проекта по изучению «новых демократий» в Центре стратегических и международных исследований (CSIS) Я. Бугайски, события на Кавказе и в Крыму надо рассматривать, как части единого целого - политики Москвы по установлению своего геополитического и экономического доминирования в Евразии [Bugajski 2014: 77]. По словам вашингтонского кавказоведа К. Велта, «если мы рассматриваем войну 2008 г. в качестве прелюдии к аннексии Крыма и к гораздо более разрушительному конфликту на Украине, мы будем вынуждены признать, что та война принесла большие геополитические издержки, чем официальные лица США определили в свое время» [Welt 2016: 68]. В едином контексте российского «сдерживания НАТО» рассматривает «пятнадцатидневную войну» 2008 г. на Кавказе и события 2014 г. в Крыму специалист по военной безопасности Б. Чонг².

Как следствие, во многом искусственная привязка постсоветских конфликтов к украинскому контексту, лишение их собственной ценности, фактически низведение до «опытных полигонов» крымской операции Москвы. Здесь же следует добавить и стремление увидеть в кейсах Крыма и Донбасса возможности для мультипликации этого опыта РФ в других постсоветских регионах. Так американский политолог Д. Трейсман, заявив, что «аннексия Крыма» ни много ни мало, «одним махом опрокинула европейский порядок после окончания “холодной войны”», поставил вопрос о том, что Кремль и в дальнейшем может действовать аналогичным образом.³ По мнению Т. Кастуевой-Жан, эксперта Французского института международных отношений (IFRI), «аннексия Крыма, дискурс Кремля о русских и украинцах, как о разделенном народе или высказанные со-

² Chong B. The Role of the Black Sea in Russia's strategic calculus //European Maritime Security Topic Week. [Электронный ресурс] URL: <http://cimsec.org/role-black-sea-russias-strategic-calculus/31805>

³ Treisman D. Why Putin Took Crimea: The Gambler in the Kremlin // Foreign Affairs (May–June 2016) [Электронный ресурс] URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2016-04-18/why-putin-tookcrimea>

¹ Украина-НАТО: как перейти к ПДЧ //Ліга. Новини [Электронный ресурс] URL: https://news.liga.net/politics/articles/ukraina_nato_kak_pereyti_k_pdch

мнения в прочности государственности Казахстана показывают, что суверенитет ближайших соседей в глазах Москвы - вещь относительная» [Кастуева-Жан 2017: 85].

Между тем такой жесткий «детерминизм», скорее, уводит нас от понимания особенностей каждого из конфликтов, равно как и оценки украинской «добавленной стоимости» в их динамике. Прежде всего, потому, что никакой предопределенности в отношении Украины у Москвы в 2008 г. не было. Даже после «пятидневной войны», когда третий украинский президент В.А. Ющенко официально поддержал действия его грузинского коллеги М.Н. Саакашвили на югоосетинском направлении (а до того – поставками вооружений), Кремль никак не изменил свою политику в отношении Киева. В октябре того же года российско-украинский Договор (известный как «Большой договор») был продлен еще на десять лет. Затем, 21 апреля 2010 г., были подписаны соглашения, продлевавшие срок базирования российского Черноморского флота на Украине до 2042 года, то есть на четверть века дольше, чем было предусмотрено первыми договоренностями 1997 г. При этом не стоит переоценивать «пророссийскость» президента В.Ф. Януковича. Он продолжил курс предшественников на укрепление отношений с проблемными партнерами Москвы на постсоветском пространстве (той же Грузией), а также с ЕС и НАТО. В период его президентства между РФ и Украиной также сохранялись сложные отношения и по всему комплексу проблем, связанных с энергетикой. Однако ни при Ющенко, ни при Януковиче Россия не ставила под сомнение территориальную целостность Украины. И уж тем более не обосновывала это апелляцией к казусам Южной Осетии и Абхазии. Ситуация изменилась лишь после того, как в результате массовых протестов, поддержанных Западом в Киеве, сменилась власть, что вызывало ответную реакцию на «второй Майдан» в Крыму и на юго-востоке Украины. Таким образом, не закавказская, а российско-украинская и внутриукраинская (на тот момент Автономная Республика Крым была частью

Украины) динамика определила позицию Москвы в 2014 г. Можно спорить о том, насколько она была релевантна тогдашним вызовам, но очевидно, что созрела она не во время «пятидневной войны» и не под влиянием динамики на Кавказе или в Молдове.

По справедливому замечанию Н. Мелвина, одного из ведущих экспертов Стокгольмского международного института исследования проблем мира, феномен «разделенного» Черноморского региона» существовал задолго до событий 2014 г., поскольку этнополитические конфликты имели место здесь с момента распада СССР. Их неурегулированность создавала лишь «кумулятивный эффект», что стало, одной из причин украинского кризиса [Melvin 2018]. Заметим, далеко не самой важной! По мнению аналитика из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Джеффри Манкоффа, события на Украине сфокусировали экспертное внимание на достижении стратегического баланса сил России и Запада на фоне углубления конфронтации между ними. Но, как верно он отмечает, ранее, европейская часть СНГ, Кавказ и в меньшей степени Центральная Азия уже становились территориями соперничества и отчужденности между Москвой и Вашингтоном [Mankoff 2017: 141].

Таким образом, говорить о том, что украинский кризис создал с чистого листа некую новую повестку дня в сфере европейской безопасности, не представляется возможным. Он не был вызван к жизни конфликтами на Кавказе или в Молдове, и в свою очередь, не стал главным фактором, определяющим этнополитическую динамику в Черноморском регионе. Другой вопрос, что внутренние проблемы Украины и вовлечение в их разрешение ведущих международных акторов подняли градус конфронтации между Россией и Западом на более высокий уровень, сделав вооруженное противостояние в Донбассе важным «фоновым фактором» для любого мирного процесса на постсоветском пространстве.

С учетом имеющихся территориальных проблем в отношениях с РФ (офици-

альный Киев считает Крым и части Донецкой и Луганской областей своими неотъемлемыми территориями, «временно оккупированными» Россией¹, крайне важной научной задачей является оценка «добавленной стоимости» украинского кризиса для других постсоветских этнополитических конфликтов. В какой степени вооруженное противостояние в Донбассе и переход Крыма под юрисдикцию РФ влияют на динамику в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе? Где это воздействие носит символический и по преимуществу идеологический характер, а где вносит вклад в дестабилизацию и возможную эскалацию противостояния?

Приднестровье: меняющаяся роль Украины

В каждом из постсоветских этнополитических конфликтов Киев имел и имеет различную степень вовлеченности, обладает неодинаковыми ресурсами и возможностями для продвижения своих интересов и целей. Пожалуй, то, что всегда объединяло позицию Украины — это особая забота о суверенитете новых независимых государств, появившихся в результате распада СССР и их территориальной целостности. Сепаратистские практики, де-факто государства, существовавшие с начала 1990-х гг. всегда рассматривались Киевом, как некие паттерны, которые важно учитывать в процессе собственного национал-строительства [Кулик, Якушик 2008: 189-191].

В этом ряду особое место занимает приднестровский конфликт. Позиция официального Киева в процессе мирного урегулирования неоднократно колебалась между политической медиацией и экономическим давлением на Приднестровье с целью его принуждения к реинтеграции с Молдовой. Так, в 2005 г. Украина предложила «план Ющенко», согласно которому парламент Молдавии должен был принять

закон об особом статусе Приднестровья [Гушин, Маркедонов 2016]. Но сегодня Киев воспринимает непризнанную Приднестровскую Молдавскую республику (ПМР) как пророссийский анклав, который может быть использован Москвой в качестве плацдарма для атаки по южным областям Украины, непосредственно граничащим с этим де-факто государством. Особой остроты этому добавляет присутствие на Днестре Объединенной группировки российских войск (ОГРВ). И хотя она сосредоточена на выполнении миротворческих задач, не имеет ударной направленности, средств обеспечения ПВО, испытательных полигонов, сам факт военного присутствия РФ воспринимается, как важный политический символ. Приднестровье также воспринимается, как сепаратистское образование, которое при определенных обстоятельствах может получить признание по абхазскому или югоосетинскому образцу, или быть интегрировано в состав РФ по крымскому сценарию, что в Киеве воспринимают, как опасный прецедент для собственной безопасности и территориальной целостности [Belitser 2015: 45-56].

Как следствие, ужесточение украинской позиции по приднестровскому урегулированию. Формально-юридически и сегодня Киев является участником переговорного формата «5+2» (где 2 — это конфликтующие стороны, а «пятерка» — это гаранты, посредники, наблюдатели). Он также не отказывается в признании ПМР, как стороны конфликта (в этой точке РФ, ЕС, США и Украина сохраняют консенсус). Однако, как справедливо замечает, российский исследователь К.П. Курылев, в связи с фактором Приднестровья заметно изменилось украинское военно-стратегическое планирование. В 2015 г. впервые в Военной доктрине Украины среди угроз обозначается и существование де-факто государства на ее границах, а также российское военное присутствие на Днестре [Курылев 2018 Курылев: 200].

В этом же контексте стоит упомянуть такие действия Киева на приднестровском направлении, как ужесточение пограничного и таможенного контроля (начиная с 2014 г.), денонсация межправительствен-

¹ Закон України Про особливості державної політики із забезпечення державного суверенітету України на тимчасово окупованих територіях у Донецькій та Луганській областях // Коментарии.УА. [Электронный ресурс] URL: <https://comments.ua/politics/608534-opublikovan-polniy-tekst-zakona.html>

ного соглашения о транзите российских военных через украинскую территорию в Приднестровье и пакета документов, регламентирующих вопросы материально-технического снабжения ОГРВ и миротворцев (май 2015 г.). В июле 2017 г. был открыт совместный молдо-украинского погранично-таможенного пункта «Кучурган-Первомайск». Таким образом, контроль над экспортом-импортом Приднестровья со стороны Киева и Кишинева усилился. Руководство Украины открыто декларирует такой свой приоритет, как помощь Молдове в деле восстановления ее территориальной целостности. И в сегодняшних условиях не Кишинев, а именно Киев является наиболее серьезным вызовом для перспектив Приднестровья в том виде, в котором оно существует, начиная с сентября 1990 г. Украина в отличие от Молдовы помимо поддержки Запада по восстановлению «молдавского единства» обладает значительными военными ресурсами, которые могут быть использованы против «сепаратистов». Ее кооперация с Молдовой в вопросе об усилении погранично-таможенного контроля способствует серьезному ухудшению положения ПМР в транспортно-логистическом и экономическом плане. На сегодняшний день радикальная трансформация подходов Украины фактически стала главным фактором возможной «разморозки» многолетнего конфликта на Днестре. И самое опасное состоит в том, что таковая может возникнуть не в силу каких-то внутренних причин, логики самого «замороженного» противостояния, а из-за военной эскалации в Донбассе или обострения конфронтации между Россией и Западом. Как бы то ни было, а значение украинского фактора в Приднестровье значительно выросло. И считаться с ним придется всем игрокам, вовлеченным в процесс мирного урегулирования.

Стратегический союз с Грузией: старые и новые реалии

Грузия стала одной из первых постсоветских республик, подписавших с Украинским государством «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» в ап-

реле 1993 г.¹ С этого момента настрой на стратегическую кооперацию оставался неизменным. Грузинский политический класс, столкнувшись в начале 1990-х годов с сепаратистскими устремлениями Абхазии, Южной Осетии и партикуляризмом в Аджарии и Мегрелии, долгое время рассматривал Украину, как потенциального нового «старшего брата», способного выступать в роли альтернативы Москве и ее интересам. Отсюда и время от времени возникавшие дискуссии о размещении украинских миротворцев в зоне грузино-абхазского конфликта, и попытки придать импульсы ГУАМ («Организации за демократию и экономическое развитие»). В особенности это было заметно в период президентства В.А. Ющенко (2005-2010 гг.).

В 2003-2004 гг. в Грузии и на Украине прошли «цветные революции». С тех пор «революцию роз» и «первый Майдан» принято трактовать как некий водораздел в истории постсоветского пространства, символ того, что Запад окончательно перестал воспринимать территорию бывшего Советского Союза в качестве российского внешнеполитического домена и сферы особых интересов РФ [Курылев 2018: 45-53]. В этом контексте Грузия и Украина позиционируют себя как страны, бросившие вызов Москве ради форсированной интеграции в евроатлантические структуры. В апреле 2008 г. на Бухарестском саммите НАТО Грузии и Украине было обещано членство в этом военно-политическом блоке, хотя никто из них так до сих пор и не получил ПДЧ («Плана действий по членству»). Тем не менее, натовская интеграция - важнейший внешнеполитический приоритет и Грузии, и Украины. При этом актуализация их прозападного выбора детерминирована не столько ценностными соображениями, сколько динамикой двусторонних отношений с Россией, а также этнополитическими и территориальными конфликтами, которые трактуются украинской и грузинской элитой,

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Украиной и Республикой Грузия от 13 апреля 1993 года // Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс] URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=9687

прежде всего, как происки Москвы, а не следствие провалов и просчетов в процессе собственного национально-государственного строительства.

С приходом к власти на Украине В.Ф. Януковича отношения между Киевом и Тбилиси поначалу немного охладели. От преемника Ющенко ждали поворота в сторону Кремля и пересмотра особых отношений с Тбилиси. Обсуждалась даже перспектива корректировок украинской позиции по Абхазии и Южной Осетии. Однако эта «заморозка» продлилась недолго. Став главой государства, Янукович (а также ключевые министры его команды) выступил с заявлением о поддержке грузинской территориальной целостности. В июне 2013 г. глава МИД Украины (на тот момент Л. А. Кожара) в качестве действующего председателя ОБСЕ посетил Тбилиси, где он провел переговоры с «коабитационными» президентом и премьер-министром (М.Н. Саакашвили и Б.Г. Иванишвили). Тогдашний грузинский министр иностранных дел Г.Н. Вашадзе дважды посещал Киев в июне 2010 г. и июне 2012 г. И в ходе переговоров с ним В.Ф. Янукович заявлял, что Тбилиси «остаётся одним из главных партнеров Украины в регионе»¹. Таким образом, несмотря на определенную прагматизацию отношений с Москвой в 2010-2013 гг., Украина при Януковиче сохранила преемственность с подходами Ющенко и Кучмы на грузинском направлении.

После победы «второго майдана» Грузия стала для Украины своеобразным «реформаторским» паттерном. В ряды новой украинской власти было кооптировано немало высокопоставленных грузинских чиновников, начиная с экс-президента Саакашвили². В июне 2014 года обе эти стра-

ны подписали Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. С символической точки зрения важно, что это произошло после начала украинского кризиса и перехода Крыма под юрисдикцию РФ.

То, что у себя на родине третий президент Грузии после истечения срока своих полномочий оказался под уголовным преследованием, тогда как на Украине он занимал высокие государственные должности, несколько отдалило Тбилиси и Киев. Но после конфликта между президентом П.А. Порошенко и М.Н. Саакашвили и отъезда последнего из страны, украинско-грузинские отношения вернулись к прежнему уровню. Впрочем, и имевшееся охлаждение никак не влияло на общность внешнеполитических оценок и отношение к этнополитическим конфликтам. Грузия поддержала территориальную целостность Украины, последовательно на всех площадках голосовала за признание Крыма ее неотъемлемой частью³. Ту же самую линию Киев продолжил в отношении к статусу Абхазии и Южной Осетии. Тем не менее, Тбилиси из-за «казуса Крыма» не стал сворачивать имеющиеся форматы взаимоотношений с Москвой (переговоры между специальным представителем правительства по России З. И. Абашидзе и заместителем министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасиным, участие в Женевских консультациях по безопасности на Кавказе). Не были закрыты и российско-грузинские экономические контакты. При этом в от-

заместителя министра внутренних дел Украины, Х. Деканоидзе (у себя на родине была в течение нескольких месяцев министром образования) в ноябре 2015 – ноябре 2016 года была руководителем Национальной полиции. На ниве политического консультирования различных госструктур подвизались и экс-глава правительства Аджарской автономии Л. Варшаломидзе, и бывший министр юстиции Грузии З. Адеишвили (входивший в «ближний круг» Саакашвили). Подробнее см.: Калатозашвили Г. Грузины воюют за единую Украину // Вестник Кавказа [Электронный ресурс] URL: <http://vestikavkaza.ru/analytics/gruziny-voyuyut-za-edinuyu-ukrainu.html>

³ На заседании ГА ООН Грузия и Азербайджан голосовали за сохранение Крыма в составе Украины, Армения – против // Кавказский узел [Электронный ресурс] URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/240136/>

¹ МИД Грузии и Украины оформили план сотрудничества на 2013-2014 годы // Спутник-Грузия. [Электронный ресурс] URL: <https://sputnik-georgia.ru/georgia/20130618/215739891.html>

² М.Н. Саакашвили в 2014-2015 гг. работал, как советник президента и руководитель ряда советов по экономическим реформам, а затем в мае 2015 – ноябре 2016 гг., как глава Одесской областной государственной администрации. Высокопоставленная чиновница из грузинского МВД Е. Згуладзе в декабре 2014 – мае 2016 гг. занимала пост первого

личие от Приднестровья в Абхазии и в Южной Осетии ресурсы Украины были изначально невелики, как и возможности реально повлиять на динамику этих конфликтов. Здесь роль Киева была, прежде всего, символической. В украинский нарратив вписалось представление о «пятидневной войне» 2008 года на Кавказе, как первой стадии будущей «агрессии» с целью «аннексии» Крыма и Донбасса.

Украина и нагорно-карабахский конфликт: приоритет территориальной целостности

Особая статья – отношение Украины к конфликту в Нагорном Карабахе. Киев является многолетним партнером Баку. Среди приоритетов этого партнерства выстраивание «энергетических альтернатив» и минимизация зависимости от России в этом плане, а также военно-техническое сотрудничество. Украина – один из ведущих поставщиков вооружений для Азербайджана. В 2007-2017 гг. она поставила: 48 танков Т-72, ПТРК «Скиф» (украинско-белорусский противотанковый ракетный комплекс, разработанный киевским ГККБ «Луч» и минской компанией ОАО «Пеленг»), один учебно-боевой истребитель МиГ-29УБ, 71 единица БТР-70 (без вооружения), 7 самоходных артиллерийских установок «Гвоздика» и много другой техники¹.

Другим важнейшим направлением была и остается поддержка территориальной целостности Азербайджана. Еще в 2000 г. украинский политолог Б.А. Парахонский констатировал: «Украина выступает за сохранение территориальной целостности Азербайджана, и поэтому ее позиция в вопросе Нагорного Карабаха противоречит позиции Армении и РФ. В карабахском конфликте Россия поддерживает своего стратегического союзника Армению» [Парахонский 2000: 104-105].

За весь постсоветский период Ереван трудно было рассматривать, как важного партнера Киева. Некоторые попытки изменить ситуацию были предприняты в период президентской легислатуры В.Ф. Яну-

ковича (третий президент Армении С.А. Саргсян посетил Киев в июле 2011 г. после десятилетнего перерыва!). Однако резкое обострение в двусторонних отношениях произошло в марте 2014 г. В ходе телефонного разговора с президентом РФ В.В. Путиным его армянский коллега С.А. Саргсян, касаясь референдума в Крыму, констатировал, что это событие «является очередным примером реализации права народов на самоопределение путем свободного волеизъявления».² Вскоре после этого заместитель министра иностранных дел Армении Ш.М. Кочарян в беседе с послом Украины подтвердил эту позицию своего руководства³. После этого украинский представитель в Ереване покинул столицу Армении для «проведения консультаций» в МИД своей страны. Возвращение посла состоялось только после двух месяцев отсутствия. Однако и после этого, «крымский фактор» определяет отношения в треугольнике Украина-Армения-Азербайджан. Для Еревана референдум в Крыму рассматривается, как возможный прецедент, применимый для достижения самоопределения непризнанной Нагорно-Карабахской республики, тогда как для Баку – опасный паттерн, угроза для территориальной целостности и, не исключено, что инструмент для тотального пересмотра постсоветских границ. Киев же после 2014 года любые шаги на международной арене сопрягает с вопросом о статусе Крымского полуострова.

В этом контексте не удивительно, что в апреле 2016 года во время так называемой «четырехдневной войны» (самого масштабного нарушения перемирия на «линии соприкосновения» в Нагорном Карабахе) Украина (наряду со стратегическим союзником Баку Турцией) поддержала Азербайджан. В том же 2016 г. была достигнута

² Состоялся телефонный разговор Президента Сержа Саргсяна с Президентом РФ Владимиром Путиным. Президента Республики Армения [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.am/ru/press-release/item/2014/03/19/President-Serzh-Sargsyan-conversation-with-the-President-of-Russian-federation>

³ МИД Армении подтвердил свое признание референдума в Крыму // Кавказский Узел [Электронный ресурс] URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/239857/>

¹ Поставщики оружия Азербайджану // Гала [Электронный ресурс] URL: <http://galatv.am/ru/news/182022/>

договоренность по закупкам украинских военно-транспортных самолетов Ан-178 для азербайджанских вооруженных сил¹. Такое единство позиций тем легче достигнуть, что Анкара последовательно поддерживает территориальную целостность Украины и ее суверенитет над Крымом. По словам востоковеда П.В. Шлыкова, «тема Крыма и Украины искусственно подогревается в Турции, вводится в фокус общественной и политической дискуссии»². В то же самое время имеются и определенные нюансы. Баку и Анкара, выступая за «украинское единство», заинтересованы в укреплении партнерских связей с Москвой. И Турция, и Азербайджан стремятся к диверсификации внешней политики. В отличие от Тбилиси Баку не ставит своей целью войти в НАТО и в Евросоюз, налицо стремление дистанцироваться от всех интеграционных проектов (то же относится и к ОДКБ, и к Евразийскому экономическому союзу). Анкара же, будучи в рядах Североатлантического альянса стремится сохранить определенную дистанцию от США и европейских союзников Вашингтона. Как следствие, нежелание идти на углубление конфронтации с Москвой по всем направлениям, что показало и взаимодействие по Сирии, и стремление «согласиться на несогласие» по Карабаху [Markedonov 2018: 353-365].

Таким образом, на карабахском направлении возможности и ресурсы Украины не столь велики, как на Днестре, но и не сводятся, по большей части к символическим шагам, как в отношении к грузино-абхазскому и грузино-осетинскому конфликтам. Будучи поставщиком вооружений для Азербайджана и поддерживая Баку в деле восстановления территориаль-

ной целостности страны, Киев имеет определенно больший уровень вовлечения в это постсоветское противостояние, чем в Абхазии и в Южной Осетии. При этом наращивание кооперации с Турцией и Азербайджаном не в последнюю очередь диктуется динамикой украинского кризиса, в первую очередь «крымским вопросом». Однако дипломатических и военных возможностей для решительного слома статус-кво в Карабахе у Украины нет. Она не только не сопредседатель Минской группы ОБСЕ, но и не ее участник (как Беларусь). Как поставщик вооружений она также уступает России (которая продает их по рыночной стоимости Баку и снабжает Армению, как свою союзницу по ОДКБ на льготной основе).

Россия: без мультипликации крымского опыта

Решившись на присоединение Крыма после прошедшего на полуострове референдума, Россия отказалась от роли государства-статус-кво, ввела в свою политику ревизионистские практики. Это принципиально отличает ее поведение сегодня от линии 1990-х – середины 2000-х гг. В то же самое время нельзя не увидеть, что ревизионизм

Москвы носит селективный характер. Отсутствует и универсальный подход к урегулированию этнополитических конфликтов

Эти положения нашли свое отражение в Концепции внешней политики РФ 2016 г. Если в отношении Абхазии и Южной Осетии Москва стремится содействовать «их становлению» как «современных демократических государств», то Приднестровье видится лишь, как участник переговорного процесса с Молдовой в рамках «территориальной целостности» последней. Следовательно, под сомнение поставлена территориальная целостность Украины, Грузии, но не Азербайджана и не Молдовы. Такие непризнанные государства, как НКР (Нагорно-Карабахская Республика) и две «народные республики» Донбасса не упоминаются в доктринальных документах РФ вовсе. Речь идет лишь о роли России в урегулировании «нагорно-карабахского» и «внутриукраинского конфликта». Москва

¹ Позиція України щодо підтримки суверенітету та територіальної цілісності Азербайджану незмінна – телефона розмова Президентів двох держав //Президент України. [Електронний ресурс] URL: <https://www.president.gov.ua/news/poziciya-ukrayini-shodo-pidtrimki-suverenitetu-ta-teritorial-36950>

² Шлыков П.В. Турция не попадет в «крымскую ловушку» //Российский совет по международным делам. [Електронний ресурс] URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-ne-popadetsya-v-krymskuyu-lovushku/>

не пошла на мультипликацию крымского опыта, несмотря, например, на обращения со стороны руководства Южной Осетии о проведении референдума о вхождении в состав РФ. Кейс Крыма не стал паттерном и для Донбасса. Москва не намерена включать этот регион в состав России по аналогии с опытом 2014 г.¹

В то же самое время, если Кремль не исключает прямых переговоров между Сухуми и Цхинвали и Тбилиси, в том числе и по перспективам статуса Абхазии и Южной Осетии, то «крымский вопрос» официально объявлен решенным и закрытым. По факту Москва оправдывает свой ревизионизм эксклюзивными обстоятельствами (будь то стремление Грузии инкорпорировать свои бывшие автономии военным путем, при игнорировании ранее достигнутых договоренностей с Москвой или свержение президента Виктора Януковича, грозящее пересмотром базирования Черноморского флота в Севастополе). Но при этом Россия опасается прибегать к таким практикам там, где существует возможность сохранить переговорные форматы и свою посредническую роль (например, в Нагорном Карабахе, где военная эскалация в апреле 2016 г. не привела ни к военному вмешательству РФ, ни признанию армянского де-факто государства НКР).

Вовлеченность в формат «нормандской четверки» и сохранение хотя бы видимости «Минских договоренностей» (как минимум, до открытого отказа Киева от этого документа) удерживает Москву и от признания донбасских «народных республик». Их интеграция с особым статусом в рамках украинского государственного проекта рассматривается (хотя официального и не провозглашается) как противовес устремлением «ядровой» части Украины в НАТО и в ЕС. Таким образом, ревизионизм не является для Москвы самоцелью. Это, скорее, инструмент, который реализуется лишь тогда, когда старый статус-кво уже не работает (как это было в случаях с Гру-

зией или Украиной). Но если прежний статус-кво (Армения - Азербайджан, Молдова) сохраняется, Россия предпочитает, как и прежде, в 1990-х начале 2000-х гг. воздерживаться от резких движений.

Таким образом, украинский кризис стал серьезным потрясением для европейской безопасности. Масштабы и значение Украины этому весьма способствовали. С одной стороны, произошло вовлечение ведущих международных игроков в конфликты в этой стране, а с другой, сам Киев, реагируя на изменение статуса Крыма, вооруженное противостояние на юго-востоке страны стал проявлять активность в регионах, имеющих для него интерес. Как в плане военно-политическом, экономическом, так и в идеологическом и символическом.

Активизация Украины на Днестре способствовала появлению дополнительных рисков в зоне неурегулированного конфликта, тогда как наращивание грузино-украинской кооперации стало лишь символическим фактором (демонстрацией укрепления евро-атлантических настроений на просторах бывшего Советского Союза). Влияние украинского кризиса на нагорно-карабахский конфликт де-факто свелось к реагированию на подходы России и ее союзников к новому крымскому статус-кво, сложившемуся в марте 2014 г. Именно этот вопрос предопределил отношения Киева с Баку, Ереваном, Анкарой.

Россия, поставившая с началом событий 2014 г., крест на своих попытках интегрироваться в «западный мир» с соблюдением своих особых интересов², в то же самое время, не пошла по пути универсализации крымского опыта. Этот кейс и по прошествии пяти лет рассматривается, скорее, как уникальный выбор, предопределенный вполне конкретными обстоятельствами. Там, где отсутствуют эти обстоятельства, Москва ищет другие способы, методы, инструменты для воздействия на ситуацию ради продвижения своих внешнеполитических целей и задач.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

² Тренин Д.В. Внешняя политика России в ближайшие пять лет: цели, стимулы, ориентиры // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/2016/04/28/ru-63462/ixq3>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гушин А.В., Маркедонов С.М. Приднестровье: дилеммы мирного урегулирования // М.: Российский совет по международным делам. 2016. Аналитические записки № 1. 11 с.
2. Де Ваал Т. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М. РОССПЭН. 2014. 391 с.
3. Интересы НАТО на западном фланге постсоветского пространства. М. Центр изучения проблем интеграции. 2017 №. 4. 45 с.
4. Кастуева-Жан Т. Россия и страны постсоветского пространства. 25 лет после распада СССР //Россия-2017. Ежегодный доклад Франко-русского аналитического центра «Обсерво». М. Изд-во ООО «Новый век медиа». 2017. С. 85.
5. Кулик В., Якушик В. План Ющенко по урегулированию приднестровского конфликта и проблемы его реализации // Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья. Сборник статей. Под. ред. К.Мацузато. Sapporo. Slavic Research Center. 2008 (на русском языке). С. 189-191.
6. Курылев К.П. Украинский кризис и международная безопасность. М.: Ленанд. 2018. С. 200.
7. Парахонский Б.А. Формирование модели регионального сотрудничества в системе ГУАМ // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2. С.104–105.
8. Парахонский Б.А. Украина в системе ГУАМ //Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3-4 (57-58). С. 119-121.
9. Украина: проблемы безопасности. Под ред. И. Кобринской, Ш. Гарнетта. М. Московский Центр Карнеги. 1996. 143 с.
10. Belitser N. The Transnistrian conflict //“Frozen conflicts” in Europe. Edited by A.Bebler. Barbara Budrich Publishers. Opladen. Berlin. Toronto. 2015. P. 45-56.
11. Bugajski J. Confronting the Putin Doctrine //Hungarian Review. 2014. Vol. V. № 3. P. 77.
12. Mankoff J. “Un-Civil Society” and the Sources of Russian Influence in West Asia //The Great Game in West Asia. Edited by M.Kamrava. London. Hurst & Co. 2017. P. 141.
13. Markedonov S. Kompetitive Kooperation .Russlands und die Türkei im Südkaukasus // Osteuropa. 2018. № 10-12. S. 353- 365.
14. Melvin N. J. Rebuilding Collective Security in the Black Sea Region. Stockholm. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). 2018. P. 1-4.
15. Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. L.; N.Y. I.B.Tauris. 2015. 320 p.
16. The New Geopolitics of the South Caucasus: Prospects for Regional Cooperation and Conflict Resolution. Edited by S.Hunter Lexington Books. 2017. 275 p.
17. Toal G. Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus. N.Y. Oxford University Press. 2017. 408 p.
18. Welt C. The costs to the United States of the August 2008 War //Cost of the conflict. Core Dimensions of the Georgian-South Ossetian Context. 2016. Washington George Mason University. P. 68.

Сведения об авторе: Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО (Университета), эксперт Российского совета по международным делам и фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова (e-mail: smarkpost@gmail.com).

REFERENCES

1. Gushchin A.V., Markedonov S.M. Pridnestrov'e: dilemma mirnogo uregulirovaniya // M.: Rossijskij sovet po mezhdu-narodnym delam. 2016. Analiticheskie zapiski № 1. 11 s.
2. De Vaal T. CHernyj sad. Armeniya i Azerbajdzhan mezhdu mirom i vojnoj. M. ROSSPEHN. 2014. 391 s.
3. Interesy NATO na zapadnom flange postsovetskogo prostranstva. M. Centr izucheniya problem integracii. 2017 №. 4. 45 s.
4. Kastueva-ZHan T. Rossiya i strany postsovetskogo prostranstva. 25 let posle

- raspada SSSR //Rossiya-2017. Ezhegodnyj doklad Franko-rossijskogo analiticheskogo centra «Observo». M. Izd-vo OOO «Novyj vek media». 2017. S. 85.
5. Kulik V., Yakushik V. Plan YUshchenko po uregulirovaniyu pridnestrovskogo konflikta i problemy ego realizacii // Pridnestrov'e v makroregional'nom kontekste chernomorskogo poberezh'ya. Sbornik statej. Pod. red. K. Macuzato. Sapporo. Slavic Research Center. 2008 (na rusском yazyke). S. 189-191.
 6. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost'. M.: Lenand. 2018. S. 200.
 7. Parahonskij B.A. Formirovanie modeli regional'nogo sotrudnichestva v sisteme GUAM // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2000. № 2. S.104–105.
 8. Parahonskij B.A. Ukraina v sisteme GUAM //Central'naya Aziya i Kavkaz. 2008. № 3-4 (57-58). S. 119-121.
 9. Ukraina: problemy bezopasnosti. Pod red. I. Kobrinskoj, SH. Garnetta. M. Moskovskij Centr Karnegi. 1996. 143 s.
 10. Belitser N. The Transnistrian conflict // “Frozen conflicts” in Europe. Edited by A.Bebler. Barbara Budrich Publishers. Opladen. Berlin. Toronto. 2015. P. 45-56.
 11. Bugajski J. Confronting the Putin Doctrine //Hungarian Review. 2014. Vol. V. № 3. P. 77.
 12. Mankoff J. “Un-Civil Society” and the Sources of Russian Influence in West Asia //The Great Game in West Asia. Edited by M.Kamrava. London. Hurst & Co. 2017. P. 141.
 13. Markedonov S. Kompetitive Kooperation. Russlands und die Türkei im Südkaukasus // Osteuropa. 2018. № 10-12. S. 353- 365.
 14. Melvin N. J. Rebuilding Collective Security in the Black Sea Region. Stockholm. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). 2018. P. 1-4.
 15. Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. L.; N.Y. I.B. Tauris. 2015. 320 p.
 16. The New Geopolitics of the South Caucasus: Prospects for Regional Cooperation and Conflict Resolution. Edited by S. Hunter Lexington Books. 2017. 275 p.
 17. Toal G. Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus. N.Y. Oxford University Press. 2017. 408 p.
 18. Welt C. The costs to the United States of the August 2008 War //Cost of the conflict. Core Dimensions of the Georgian-South Ossetian Context. 2016. Washington George Mason University. P. 68.

About the author: Markedonov Sergey Miroslavovich, Ph.D. (Candidate of Sciences) in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies (e-mail: smarkpost@gmail.com)

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ НА УКРАИНЕ КАК СЛЕДСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ФЕВРАЛЕ 2014 Г.

К.П. Курылев, Д.В. Станис

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одной из наиболее острых и трудноразрешимых проблем современности - церковному расколу на Украине, спровоцированному предоставлением т.н. УПЦ «автокефалии» со стороны Константинопольского патриархата. Для простых верующих на Украине уже 25 лет само слово «автокефалия» ассоциируется с расколом, ведь все это время о ней говорили так называемый Киевский патриархат и националисты.

Если обратиться к истории вопроса, то становится очевидно, что нынешняя практика рукотворного раскола РПЦ извне отнюдь не нова. В 20-х годах прошлого века Константинополь активно поддерживал обновленческую «Живую церковь», которая была создана при участии большевистского правительства и пыталась устранить законно избранного патриарха Тихона. Затем последовало дарование автокефалии Польской церкви и установление Константинополем своей юрисдикции в Прибалтике и Финляндии — по сценарию, который нынешний Вселенский патриарх Варфоломей пытается реализовать на Украине.

В 1993 году при поддержке властей страны Константинопольский патриархат предоставил раскольничьей Эстонской апостольской православной церкви (ЭАПЦ) права автономной юрисдикции в своем составе. При этом епархии ЭАПЦ сейчас насчитывают около 7 тыс. верующих, тогда как Эстонская православная церковь Московского патриархата — около 100 тыс. Теперь в Эстонии существуют две параллельные канонические юрисдикции, между которыми нет общения.

Особенность нынешнего положения дел заключается в том, что на Украине в текущий момент гармонично сошлись интересы трех заинтересованных сторон. Во-первых - режима Порошенко, для которого

это возможность повысить рейтинг или даже создать такую «горячую» ситуацию в стране, когда можно будет перенести выборы. С другой стороны - интересы наших «западных партнеров», которые таким образом наносят еще один удар по России, и решение прикладной задачи - разрыв духовной связи с Украиной, уничтожение последней «духовной скрепы». Наконец, интересы Фанара, который весь XX век и начало XXI века строит подобие восточного папства внутри православного мира и пытается трансформировать первенство чести патриарха Константинопольского в первенство власти.

С применением методологии исторической и политической наук (историко-аналитический метод, метод политического анализа и метод системного анализа), авторы постараются дать характеристику процессам, происходящим сегодня на религиозной почве на Украине.

Ключевые слова: Украина, Украинская Православная Церковь, Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, Киевский Патриархат, Константинопольский Патриархат, Автокефалия, томос, церковный раскол.

THE SPLIT OF CHURCH IN UKRAINE AS A CONSEQUENCE OF THE COUP D'ETAT IN FEBRUARY 2014

K.P. Kurylev, D.V. Stanis

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the research of one of the most acute and intractable problems of our time - the church schism in the Ukraine, provoked by the provision of the so-called. UOC "autocephaly" by the Constantinople Patriarchate. For ordinary spirituals in the Ukraine, the word "autocephaly" has been associated with schism for 25 years, because all this time the so-called Kyiv Patriarchate and nationalists have been talking about it.

If we look at the history of the issue, it becomes obvious that the current practice of man-made split of the ROC from the outside is not at all new. In the 1920s, Constantinople actively supported the renovating Living Church, which was created with the participa-

tion of the Bolshevik government and tried to eliminate the legitimately elected Patriarch Tikhon. Then followed the talent of autocephaly of the Polish Church and the establishment by Constantinople of its jurisdiction in the Baltic States and Finland - according to the scenario that the current Ecumenical Patriarch Bartholomew is trying to implement in the Ukraine nowadays.

In 1993, with the support of the country's authorities, the Patriarchate of Constantinople granted the schismatic Estonian Apostolic Orthodox Church (EAOC) autonomous jurisdiction rights. At the same time, the Dioceses of the EAOC now number about 7 thousand spirituals, whereas the Estonian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate is about 100 thousand ones. Now there are two parallel canonical jurisdictions in Estonia, without any communication between them.

The peculiarity of the current state of affairs lies in the fact that the interests of the three stakeholders harmoniously converged in the Ukraine at the moment. First of all, the Poroshenko regime, for which it is an opportunity to raise the rating or even create such a "hot" situation in the country, when it will be possible to postpone the elections. On the other hand, the interests of our "Western partners", which thus cause another blow to Russia, and the solution of an applied task — breaking the spiritual connection with the Ukraine, destroying the last "spiritual bond". Finally, the interests of Fanar, who throughout the twentieth century and the beginning of the twenty-first century, builds a semblance of an Eastern papacy within the Orthodox world and is trying to transform the primacy of the honor of the patriarch of Constantinople into the primacy of power.

Using the methodology of the historical and political sciences (historical and analytical method, the method of political analysis and the method of systematical analysis), the authors will try to characterize the processes taking place today on religious grounds in the Ukraine.

Kew words: the Ukraine, Ukrainian Orthodox Church, Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Kiev Patriarchate, Patriarchate of Constantinople, Autocephaly, Tomos, ecclesiastical church.

21 февраля 2019 г. исполнилось пять лет с того момента как после многомесячного противостояния в Киеве и других городах Украины, принявшего форму вооруженной борьбы, сопровождавшегося захватом административных зданий, в стране произошел государственный переворот, в результате которого состоялся захват власти националистами-радикалами. Переворот на Украине произошел в результате сочетания ряда факторов. Этноконфессиональное разнообразие, исторически сложившееся на Украине, приняло форму внутреннего разобщения. Оно несет в себе хроническую политическую нестабильность, ведет к росту межнациональной розни и в итоге расшатывает государство. Наряду с этим перманентную внутриполитическую нестабильность в украинском обществе поощряет и глубокая экономическая отсталость. Ведь на Украине за годы независимости так и не была начата модернизация. По сути, Украина все годы после распада СССР жила за счет его наследства, которое ныне исчерпано. К прочим факторам следует отнести отсутствие опыта государственного строительства, засилье олигархических кланов и их борьбу между собой, вмешательство внешних сил [Курылев в 2014: 35].

С тех пор украинский кризис прочно занял ведущие позиции среди проблем, решение которых оказывает непосредственное влияние на европейскую безопасность и всю систему международных отношений. Для Европы украинский кризис стал самым серьезным потрясением за последнее десятилетие. Он со всей очевидностью вскрыл несовершенство действующей в Европе системы безопасности, основанной на доминирующей роли НАТО и периферийности российского фактора, высветил ее ущербность и эфемерность прежней системы европейской безопасности [Курылев с 2014: 12]. Для Украины того времени стали переломными. Выбор украинских властей в пользу национально-идентификационного проекта государственности, в противовес реализовывавшегося ранее рационально-бюрократического, привел к краху прежнюю внешнеполитическую концепцию и

утверждению новой, альтернативной, по сути. Украина в течение всего постсоветского периода, балансируя между Россией и Западом, резко изменила вектор своей внешней политики и взяла четкий евроатлантический курс. Новое украинское руководство взяло курс на полный разрыв всех связей с Российской Федерацией, своим ближайшим соседом и важнейшим торговым партнером [Курылев, Семибратов, Шабловский 2018: 25]. Это повлекло за собой геополитическую декомпозицию Украины, выразившуюся в возвращении Крыма в состав России, создании непризнанных образований на Юго-Востоке Украины, Донецкой и Луганской Народных Республик, и начале гражданской войны в стране.

События пятилетней давности продолжают будоражить Украину, ее соседей, международное сообщество. Среди вопросов, которые вызывают в последнее время наибольшие споры и особо остро обсуждаются, является создание на Украине новой поместной церкви и получение ею автокефалии от Вселенского патриархата.

Что такое Поместная (Автокефальная) Церковь.

Поместная Церковь – это церковь, которая имеет единственный синод (или совет старейшин) и привязана скорее к месту, определенной территории, чем к нации, которая на ней проживает. Согласно «Православной энциклопедии», «автокефальной считается Поместная Церковь, вполне самостоятельная, не зависящая ни от какой иной Поместной Церкви, хотя все автокефальные Церкви, являясь частями Церкви Вселенской, взаимозависимы. Автокефальная Церковь имеет самостоятельный источник власти. Ее первый епископ, ее глава, поставляется своими архиереями» [Цыпин 2005]. Сейчас мировое православие состоит из 14 общепризнанных канонических поместных православных церквей, которые объединены духовно и имеют формальный общий центр в Константинополе.

Диптих Московского патриархата	Диптих Константинопольского патриархата
1. Константинопольская	1. Константинопольская
2. Александрийская	2. Александрийская
3. Антиохийская	3. Антиохийская
4. Иерусалимская	4. Иерусалимская
5. Русская	5. Русская
6. Грузинская	6. Сербская
7. Сербская	7. Румынская
8. Румынская	8. Болгарская
9. Болгарская	9. Грузинская
10. Кипрская	10. Кипрская
11. Элладская (Греческая)	11. Элладская (Греческая)
12. Албанская	12. Польская
13. Польская	13. Албанская
14. Чешских земель и Словакии	14. Чешских земель и Словакии
15. Православная церковь в Америке	15. Украинская

Православная церковь в Америке в автокефальном статусе признана только Московским патриархатом и некоторыми другими автокефальными церквями, в основном — славянскими, остальные автокефальные церкви признают Православную церковь в Америке либо самоуправляемой церковью Московского патриархата, либо церковью с неопределённым каноническим статусом. На 08 января 2018 г. Православная Церковь Украины признана только Константинопольским патриархатом.

Проблема дарования автокефалии и порядка ее провозглашения так или иначе возникала на протяжении практически всей истории христианской церкви. Порой одна поместная церковь могла не признавать акт дарования автокефалии, провозглашенный другой поместной церковью, что могло вызывать разрыв отношений между ними. В этой связи нынешняя ситуация на Украине не является с одной стороны чем-то особенным, а с другой стороны с учетом множества факторов, детерминирующих данные события, выделяют их на фоне аналогичных.

Православный «церковный узел» на Украине.

Процессы, связанные с демократизацией церковной жизни и распадом СССР, привели к нарастанию напряженности в православной религиозной среде на Украине. С 1921 г. на территории УССР действовал Украинский экзархат Московского патриархата. В 1989 г. в УССР возобновила легальную деятельность неканоническая Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), первоначально провозглашённая в Киеве в 1920 г. В 1990 г. Украинский экзархат Московского патриархата был преобразован в Украинскую православную церковь Московского патриархата (УПЦ МП). Её предстоятелем стал митрополит Киевский и всея Украины Филарет. В ноябре 1991 г. Собор УПЦ обратился к Московскому патриархату с просьбой о даровании Украинской церкви автокефалии. Весной 1992 г. на Архиерейском соборе в Москве большинство архиереев УПЦ отказались от подписей под этим обращением. После чего митрополит Филарет с частью клира и мирян покинул Московский патриархат, образовав Украинскую православную церковь Киевского патриархата (УПЦ КП), глава которой стал именоваться Патриархом Киевским и всея Украины. По инициативе главы УПЦ митрополита Филарета и главы УАПЦ патриарха Мстислава состоялся Объединительный собор, который создал на базе УПЦ и УАПЦ Украинскую православную церковь – Киевский патриархат (УПЦ-КП). Но решения этого собора не нашли поддержки среди части клира и мирян УАПЦ. Они не вошли в объединенную церковь. Судебным деянием Архиерейского собора РПЦ в июне 1992 г. Филарет был лишён сана, а впоследствии подвергнут анафеме. Тогда же в Харькове было проведено епископское собрание, на котором вместо митрополита Филарета главой УПЦ был избран митрополит Владимир. Возглавляемая им УПЦ МП – единственная признанная прочими поместными православными церквами православная церковная структура на Украине, самоуправляемая Церковь в составе Московского Патриархата с правами широкой автономии. Каноничность УАПЦ

и УПЦ КП не признавалась другими поместными православными церквями, включая Константинопольскую.

Таким образом, на Украине сформировался так называемый «церковный узел», состоявший из Украинской православной церкви Московского Патриархата во главе с митрополитом Онуфрием, Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата во главе с патриархом Филаретом и Украинской Автокефальной Православной церкви во главе с митрополитом Макарием [Курылев d 2014: 115].

УПЦ-МП за исключением трёх областей Галичины (Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской) является доминирующей конфессией на всей территории страны. УПЦ-КП имеет влияние среди верующих в основном на западе Украины – в Галиции и на Волини, а также в Киевской и Черкасской областях. Ни в одной области Украины УПЦ-КП не является доминирующей конфессией: на западе Украины таковой является Украинская греко-католическая церковь. В трёх областях Галиции УПЦ-КП имеет больше приходов, чем УПЦ-МП. Прихожане УАПЦ проживают в основном в Киевской, Харьковской, Полтавской, Одесской, Черкасской, Львовской, Винницкой, Ивано-Франковской и Тернопольской областях¹.

Самой большой Церковью по количеству зарегистрированных общин в Украине является УПЦ-МП. На сегодняшний день эта конфессия имеет 12069 приходов. Служение несут 12283 священнослужителя. В ведении УПЦ МП 251 монастырь и 4412 монашествующих. Второй по численности зарегистрированных общин на территории Украины является УПЦ-КП. Она насчитывает 5114 приходов и 3479 священнослужителей. В ее ведении 60 монастырей и 219 монашествующих. Третьей по величине Православной Церковью в Украине является УАПЦ, которая насчитывает 1195 приходов, в которых несут

¹ Курылев К.П. Почему Порошенко задумался о поместной церкви? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/52562.html>

служение 709 священнослужителей. 13 монастырей и 21 монашествующий¹.

История вопроса.

Стремление к самостоятельности внутри украинской церковной жизни были связаны с тем, что возникшая Киевская митрополия в эпоху монгольского нашествия активно расширялась на северо-восток. Политическое возвышение Москвы привело к переносу центра митрополии в XIV в. из Киева в Москву, а затем в XV в. к разделению митрополии на две: северо-восточную (Московскую) и юго-западную (Киевскую), которая находилась в юрисдикции Константинополя. В XVII столетии воссоединение Украины с Россией привело к возвращению Киевской митрополии в юрисдикцию Московской церкви, управляемой с конца XVI в. патриархом [Оленчак 2015: 65]. 8 июля 1685 г. в Софийском соборе в Киеве, несмотря на сопротивление части духовенства, на митрополичью кафедру был избран епископ Луцкий Гедеон. Затем Гедеон был возведен в сан митрополита Киевского в Москве Московским патриархом. После этого в Стамбул было отправлено посольство, которое летом 1686 г. вело переговоры со Вселенским патриархом Дионисием. После согласия патриарха митрополит Гедеон был утвержден во главе Киевской митрополии, объединенной с Московским Патриархатом². В Синодальную эпоху митрополия г. Киева являлась рядовой епархией Русской православной церкви. Распад Российской империи, активизация церковной жизни в начале XX в., созыв Церковных Соборов

вновь поставил вопрос о самостоятельности Церкви в Украине [Оленчак 2015: 65].

Идея создания в конфессионально расколотовой Украине единой поместной православной церкви, разумеется, не нова и витала в воздухе все годы независимости, откуда выхватывалась некоторыми политиками разного масштаба, правда, без каких-либо подвижек к реальному объединению церквей. До нынешнего президента Украины П.А. Порошенко идею поместной церкви вывел в мейнстрим высшей государственной политики другой президент Украины В.А. Ющенко, который обсуждал этот вопрос с Константинопольским патриархом Варфоломеем I, в том числе и в Киеве, куда приглашал последнего на празднование 1020-летия крещения Руси³.

В январе 2007 г. президент Украины В.А. Ющенко на встрече с представителями УПЦ КП заявил о необходимости создания на Украине единой поместной православной церкви. С этой целью была выдвинута инициатива создать совместную богословскую комиссию. В нее должны были войти по три епископа и по два священника от УПЦ КП и УПЦ МП. Представители Киевского патриархата заявили о готовности к диалогу, в то время как представители Московского патриархата отказались от переговоров, сославшись на то, что УПЦ КП является неканоничной церковью.

26 июля 2008 г. В. Ющенко напрямую обратился к Константинопольскому патриарху Варфоломею I с просьбой о благословлении на создание украинской поместной церкви. Именно Константинопольскому патриарху по этому сценарию была отведена роль «примирителя» и «создателя» поместной церкви Украины⁴. Уже тогда обсуждалась возможность принять

¹ Косенок А., Чернышева Е., Шкуренок О., Козичев Е. Что нужно знать о расколе православной церкви на Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://www.kommersant.ru/doc/3485919?fbclid=IwAR02XMQjnnF2ATxjXi3QQybNFvC7mU4xtWK0luXTrPgJUsskPRNVsjWUJeU#id1653212> (Дата обращения 10.03.2019)

² Гушин А.В. «Автокефалия раздора»: к чему приведет разрыв отношений РПЦ и Константинополя [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://eurasia.expert/avtokefaliya-razdora-k-chemu-privedet-razryv-otnosheniy-rpts-i-konstantinopolya/>?fbclid=IwAR1Z0zPq3jmsYidRMV Vv3gKcHyLKDtCUJmbcMF_CqFAONDfl3CVY001zVLW (Дата обращения 10.03.2019)

³ Ключко Т. Единая поместная церковь. Зачем Порошенко взялся нести крест Ющенко [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ukrudprom.ua/digest/Edinaya_pomestnaya_tserkov_Zachem_Poroshenko_vzyalsya_nesti_kres.html (Дата обращения 10.03.2019)

⁴ Коляда Е. Поместная церковь от Виктора Ющенко? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/07/31/pomestnaya_cerkov_ot_viktora_yuwenko/ (Дата обращения 10.03.2019)

УПЦ КП в лоно Константинопольского патриархата на правах митрополии, для чего было бы необходимо аннулировать томос о передаче Киевской митрополии Московскому патриархату, данную Вселенским патриархом Дионисием IV в 1686 г.

В августе 2009 г. в Свято-Успенской Почаевской лавре на Украине патриарх Кирилл призвал к объединению православных церквей. В частности, он заявил, что считает раскол в украинской церкви «реакцией, в том числе и на неправильную политику церковной Москвы». В сентябре была создана комиссия для проведения переговоров. Первую официальную встречу, проведенную в октябре, представители церквей оценили положительно и высказали надежду на дальнейший диалог. В ноябре отношения между церквями вновь осложнились из-за ситуации вокруг церкви в Тернопольской области¹.

Летом 2010 г. патриарх Филарет заявил о начале переговоров с Московским патриархатом, конечной целью которых должно было стать объединение церквей. Представитель Киевского патриархата епископ Евстратий скептически охарактеризовал их ход, заявив, что они лишь «имитируют диалог». Руководитель прессы патриарха протоиерей Владимир Вигилянский заявлял, что священники УПЦ КП, желающие вернуться в Русскую православную церковь, могут сделать это «через чин покаяния простыми верующими»².

16 июня 2016 г., Верховная рада Украины приняла постановление № 1422-VIII

¹ Косенок А., Чернышева Е., Шкуренок О., Козичев Е. Что нужно знать о расколе православной церкви на Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://www.kommersant.ru/doc/3485919?fbclid=IwAR02XMQjnnF2ATxjXi3QQybNFvC7mU4xtWK0luXTrPgJUsskPRNVsjWUJeU#id1653212> (Дата обращения 10.03.2019)

² Косенок А., Чернышева Е., Шкуренок О., Козичев Е. Что нужно знать о расколе православной церкви на Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://www.kommersant.ru/doc/3485919?fbclid=IwAR02XMQjnnF2ATxjXi3QQybNFvC7mU4xtWK0luXTrPgJUsskPRNVsjWUJeU#id1653212> (Дата обращения 10.03.2019)

«Об Обращении Верховной Рады Украины к Его Святейшеству Варфоломею, Архиепископу Константинополя и Нового Рима, Вселенскому Патриарху о предоставлении автокефалии Православной Церкви на Украине». В этом обращении Верховная рада просила Вселенского патриарха: признать недействительным акт 1686 г. на основании того, что он был принят с нарушением священных канонов Православной церкви; принять участие в преодолении последствий церковного разделения путём созыва под эгидой Вселенского патриархата Всеукраинского объединительного собора с целью решения всех спорных вопросов и объединения украинского православия; выдать томос об автокефалии Православной церкви в Украине³.

30 ноября 2017 г. РПЦ сообщила, что патриарх Киевский и всея Украины Филарет направил в адрес патриарха Кирилла и Архиерейского собора РПЦ письмо, в котором «попросил прощения» и изложил предложения о преодолении раскола. В свою очередь, патриарх Филарет пояснил, что слова о прощении являются традиционным обращением о молитве, а не признанием вины. УПЦ КП выступила с заявлением, что готовы к диалогу с Русской православной церковью с целью признания ее автокефалии, а не воссоединения⁴.

События 2018 г.

9 апреля 2018 г. президент Украины П. Порошенко в ходе визита в Турцию встретился со Вселенским патриархом Варфоломеем I и, согласно его позднему заявлению, получил от последнего заверения в том, что при наличии соответствующих к нему обращений автокефалия будет дана.

17 апреля 2018 г. президент Украины Петр Порошенко сообщил о своем намерении обратиться к патриарху Константинополя Варфоломею с призывом издать то-

³ Постановление Верховной Рады Украины № 1422-VIII.

⁴ Косенок А., Чернышева Е., Шкуренок О., Козичев Е. Что нужно знать о расколе православной церкви на Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://www.kommersant.ru/doc/3485919?fbclid=IwAR02XMQjnnF2ATxjXi3QQybNFvC7mU4xtWK0luXTrPgJUsskPRNVsjWUJeU#id1653212> (Дата обращения 10.03.2019)

мос о единой православной церкви на Украине и предоставлении ей автокефалии.

18 апреля 2018 г. П. Порошенко провел встречу с предстоятелями УПЦ КП, УАПЦ, УПЦ МП и официально принял Обращение для передачи Вселенскому патриарху Варфоломею о предоставлении томоса об автокефалии. К обращению присоединились представители двух непризнанных на Украине церквей (УПЦ КП и УАПЦ).

20 апреля 2018 г. заместитель главы Администрации президента Украины Р. Павленко посетил Стамбул и передал патриарху Варфоломею обращение президента Украины, постановление Верховной рады Украины, обращения от иерархов – о предоставлении томоса об автокефалии¹.

22 апреля 2018 г. Константинопольский патриархат принял это обращение к рассмотрению и начал процедуру, необходимую для предоставления автокефалии православной церкви на Украине.

27 июля 2018 г. представители Константинопольского патриархата в Киеве передали президенту Порошенко послание, в котором говорилось о единстве украинского православия и будущей автокефалии².

Летом 2018 г. Вселенский патриархат публично заявил, что полагает Украину своей канонической ответственностью, а притязания Московского патриархата неправомерными³.

31 августа 2018 г. состоялась встреча патриарха Варфоломея с патриархом Кириллом в Фанаре⁴, которая выявила отсутствие взаимопонимания по украинскому вопросу⁵.

1-4 сентября 2018 г. проходил Архиерейский Собор (Синаксис) Константинопольской Церкви, на котором патриарх Варфоломей сделал некоторые важные заявления. В частности, он сказал, что «Уже с начала XIV в., когда Киевская Митрополия перешла (была отдана) без канонического разрешения Материнской Церкви в Москву, наши киевские братья не оставляли попыток получить независимость от церковного контроля со стороны московского центра». Кроме того, Варфоломей отметил, что «Сколько бы некоторые ни хотели украсить ситуацию в Украине, история доказывает их неправоту и представляет бесспорные аргументы, свидетельствующие о том, что проблемы в Украине не являются ни недавним явлением, ни тем, что создано Вселенским Патриархатом». «Таким образом, поскольку Россия, как ответственная за нынешнюю болезненную ситуацию в Украине, не может решить проблему, Вселенский Патриархат взял на себя инициативу по решению проблемы в соответствии с полномочиями, предоставленными ей Священными Канонами и юрисдикционной ответственностью в отношении Киевской епархии...», заключил Вселенский патриарх⁶. Этими

¹ Вселенский Патриархат начинает процедуры, необходимые для предоставления автокефалии Украинской Православной Церкви [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ua/news/vselenskij-patriarhat-rozpochinaye-proceduri-neobhidni-dlya-47086> (Дата обращения 10.03.2019)

² Порошенко зачитали послание вселенского патриарха: Константинопольская церковь хочет восстановить единство православных украинцев [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unian.net/politics/10204428-poroshenko-zachitali-poslanie-vselenского-patriarha-konstantinopolskaya-cerkov-hochet-vosstanovit-edinstvo-pravoslavnyh-ukraincev.html> (Дата обращения 10.03.2019)

³ Ecumenical Patriarch Bartholomew: “As the Mother Church, it is reasonable to desire the restoration of unity for the divided ecclesiastical body in Ukraine” [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://www.patriarchate.org/news-archives/-/asset_publisher/N2gTPQxXwPIE/content/oikoumenikos-patriarches-einai-logikon-na-epithymomen-os-meter-ekkleisia-ten-apokatastasin-tes-enotetos-tou-enoukrania-dieremenou-ekklestikou-so-mat?_101_INSTANCE_N2gTPQxXwPIE_languageId=en_US (Дата обращения 10.03.2019)

⁴ В этом историческом районе Стамбула на южной стороне Золотого Рога, расположена резиденция Константинопольского патриарха.

⁵ Эксклюзив: Диалог Варфоломея – Кирилла по украинскому вопросу [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://orthodoxia.info/news/эксклюзив-диалог-варфоломея-кирилла/> (Дата обращения 10.03.2019)

⁶ Archbishop Daniel Participates in Synaxis of Hierarchs of The Ecumenical Patriarchate of Constantinople [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.uocofusa.org/news_180901_1.html (Дата обращения 10.03.2019)

словами Варфоломей фактически узурпировал право на вмешательство в дела других церквей, чего до этого не было: хоть Константинопольская патриархия и носила звание «Вселенской», это было право первого среди равных, но никак не право феода над своими сюзеренами. Уникальная позиция Константинопольского патриархата основана только на том, что Константинополь стал второй столицей мирового православия. До этого этим статусом обладал «вечный город» Рим. Константинополь и Византия стали «вторым Римом»¹.

7 сентября 2018 г. патриарх Варфоломей назначил в Киев двух экзархов – архиепископа Памфилийского Даниила (США) и епископа Эдмонтонского Илариона (Канада)². Выбор данных священнослужителей вовсе не случаен. Даниил является правящим епископом Западной епархии Украинской православной церкви в США (УПК). Иларион в свою очередь – епископ Украинской православной церкви в Канаде. Это важно отметить, так как помимо политических и церковных кругов Украины свои интересы в реализации проекта единой поместной церкви имеет и украинская диаспора, в особенности США и Канады, которая с начала 1990-х гг. стала играть одну из основных ролей в продвижении идеи национальной поместной церкви на Украине. Речь идет как раз о двух конфессиях украинской диаспоры – Украинской Православной Церкви США и Украинской Православной Церкви Канады. К рассмотрению этого влияния мы вернёмся позже.

11 октября 2018 г. Священный синод Константинопольской церкви отменил томос 1686 г. о переходе Киевской митрополии под юрисдикцию Московского патриархата. Также с глав неканонических церквей на Украине – УПЦ КП и УАПЦ – была

снята анафема³. Отмена Фанаром своего решения более чем 300-летней давности, мотивируется тем фактом, что оно, якобы, не передавало права Москве на Киевскую митрополию в полном объеме, а только отдельные права, в первую очередь на хиротонию митрополита⁴.

15 октября 2018 г. Священный синод Русской православной церкви заявил о прекращении евхаристического общения с Вселенским патриархатом в Константинополе⁵.

3 ноября 2018 г. в Стамбуле президент Украины П. Порошенко заключил соглашение о сотрудничестве и взаимодействии Украины со Вселенским патриархатом. Это соглашение о сотрудничестве в создании независимой православной Церкви в Украине, Вселенский Патриарх предоставляет Томос, признавая независимость украинской Церкви, и вручает его избранному на Соборе Предстоятелю⁶.

10 ноября 2018 г. украинские СМИ сообщили, что предстоятели УПЦ КП и УАПЦ в письмах патриарху Варфоломею подтвердили своё согласие не выдвигать свои кандидатуры на пост предстоятеля единой автокефальной церкви⁷.

³ The Ecumenical Patriarchate of Constantinople: Announcement (11/10/2018) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.patriarchate.org/-/communiq-1> (Дата обращения 10.03.2019)

⁴ Гуцин А.В. «Автокефалия раздора»: к чему приведет разрыв отношений РПЦ и Константинополя [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://eurasia.expert/avtokefaliya-razdora-k-chemu-privedet-razryv-otnosheniy-rpts-i-konstantinopolya/?fbclid=IwAR1Z0zPq3jmsYidRMVVv3gKcHyLKDtCUJmbcMF_CqFAONDf13CVY001zVLw (Дата обращения 10.03.2019)

⁵ Журналы заседания Священного Синода от 15 октября 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5283687.html> (Дата обращения 10.03.2019)

⁶ Украина и Вселенский Патриархат подписали Соглашение о создании независимой украинской Церкви [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ua/ru/news/ukrayina-ta-vselenskij-patriarhat-pidpisali-ugodu-pro-stvore-50794> (Дата обращения 10.03.2019)

⁷ СМИ сообщили об отказе Филарета и Макария возглавить автокефальную церковь на Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/world/2018/11/10/1745506.html> (Дата обращения 10.03.2019)

¹ Торбиев Э. О тайнах томоса: Как США организовали церковный раскол на Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ukraina.ru/exclusive/20180910/1021081871.htm> 1 (Дата обращения 10.03.2019)

² Константинопольский патриарх назначил на Украину двух своих экзархов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.newsru.com/religy/07sep2018/uaorthodox.y.html> (Дата обращения 10.03.2019)

13 ноября 2018 г. в Киево-Печерской лавре прошел Собор епископов УПЦ МП, который принял решение, что епископы, духовенство и миряне УПЦ не будут участвовать в создании автокефальной церкви Украины¹.

27-29 ноября 2018 г. СМИ распространили информацию о содержании проекта устава «единой поместной церкви» на Украине, утвержденном на заседании Священного синода Вселенского патриархата. Среди основных моментов, нашедших отражение в уставе, то, что украинская церковь «неразрывно связана» с Константинопольским патриархатом, а через него - со всеми иными автокефальными Церквями. В проекте говорится, что высшим титулом в автокефальной церкви будет митрополит Киевский. При том что многие автокефальные православные церкви возглавляются патриархами. Архиерейскому Собору церкви предписано по всем глобальным вопросам связываться с Константинопольским патриархом, а тот, реагируя на обращение, сообщит Собору «необходимое». Будет лишена новая церковь и права самостоятельно канонизировать святых. Вместо этого, как говорится в утвержденном проекте устава, украинская церковь будет подавать их имена в Константинопольский патриархат для утверждения. При том что право канонизации является частью полномочий автокефальных церквей. Кроме того, будущая украинская церковь будет получать миро, используемое в таинствах, только у Константинопольского патриархата, что является одним из главных признаков отсутствия настоящей автокефалии. Наконец, Константинопольский патриархат, согласно уставу, становится высшей апелляционной структурой. Это значит, что Константинопольский патриарх становится последней инстанцией по всем важнейшим вопросам новой церкви. Иными словами, именно он

будет неформальным главой Православной церкви на Украине².

А теперь сравним статус будущей «единой поместной церкви» на Украине со статусом нынешней УПЦ Московского Патриархата. Согласно Уставу РПЦ, куда в ноябре 2017 г. была внесена отдельная Глава X: «Украинская Православная Церковь», подчеркивающая особый статус УПЦ, Украинская Православная церковь абсолютно самостоятельно решает кадровые, финансовые, хозяйственные, имущественные, судебные вопросы, а также и внешние связи. В частности, избрание всего духовенства, начиная от иподиаконов и заканчивая предстоятелем УПЦ; все вопросы финансирования приходов, монастырей, епархий и самой митрополии УПЦ; образование и упразднение епархий, определение их границ, создание в случае необходимости митрополичьих округов, создание и упразднение синодальных отделов, определение их полномочий и т.д.; в Украинской Православной Церкви действует собственная высшая церковно-судебная инстанция. В чем тогда УПЦ подчиняется РПЦ? В вопросах вероучения, нравоучения, канонических вопросах. Это значит, что УПЦ не может самостоятельно излагать или объяснять православные вероучительные истины; что является грехом, а что нет; Глава РПЦ же одобряет Устав УПЦ³.

5 декабря 2018 г. П. Порошенко сообщил, что «объединительный Собор, который должен провозгласить создание автокефальной поместной православной церкви в Украине», утвердить её устав и избрать её предстоятеля, состоится 15 декабря в Киеве, в соборе Святой Софии; приглашения принять участие в соборе патриарх Варфоломей направил всем иерархам УПЦ КП, УАПЦ и УПЦ МП, включая

¹ Постановление Собора епископов Украинской Православной Церкви от 13 ноября 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://news.church.ua/2018/11/13/postanovlenie-sobora-episkopov-ukrainskoj-pravoslavnoj-cerkvi-ot-13-noyabrya-2018-goda/?lang=ru> (Дата обращения 10.03.2019)

² Курьлев К.П. Константинопольский патриархат - пидманула, пидвела... [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://realtribune.ru/news/world/1368> (Дата обращения 10.03.2019)

³ Курьлев К.П. Константинопольский патриархат - пидманула, пидвела... [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://realtribune.ru/news/world/1368> (Дата обращения 10.03.2019)

предстоятеля УПЦ митрополита Онуфрия¹.

7 декабря 2018 г. Священный синод УПЦ МП под председательством митрополита Онуфрия заявил, что патриарх Константинопольский не имеет права созывать какое-либо собрание в Украине. Синод отметил, что никто не уполномочен представлять Украинскую православную церковь на таком собрании. Синод выразил обеспокоенность «многочисленными случаями давления» на епископов УПЦ «с целью заставить их принять участие в так называемом объединительном соборе»².

8 декабря 2018 г. митрополит Онуфрий и ряд других епископов УПЦ МП вернули приглашения патриарха Варфоломея обратно отправителю³.

15 декабря 2018 г. в киевском соборе Святой Софии состоялся «объединительный собор», в котором приняло участие 192 человека, треть из которых епископы, треть – священники и треть – монахи или миряне. Большинство участников были из УПЦ КП, участвовали и два епископа УПЦ МП. Перед началом собора УПЦ КП и УАПЦ приняли решение о самороспуске⁴. Голосование по выборам предстоятеля проходило в два тура, при этом во втором

туре право голоса имели 66 представителей духовенства. По итогам тайного голосования предстоятелем, с титулом митрополита Киевского и всея Украины, был избран представитель УПЦ КП, митрополит Переяславский и Белоцерковский Епифаний, получивший 36 голосов, в то время как его ближайший конкурент митрополит Винницкий и Барский Симеон, один из двух представителей УПЦ МП на «объединительном соборе» набрал 25 голосов. Голосование проходило в закрытом режиме⁵. Глава УПЦ КП Филарет не выдвигал свою кандидатуру.

5 января 2019 г. в Георгиевском соборе на Фанаре, патриарх Константинопольский Варфоломей подписал томос (свидетельство об автокефалии) Православной церкви Украины (ПЦУ). Текст томоса каллиграфически оформлен на пергаменте с благословения игумена Ксенофонтского монастыря на Афоне, архимандрита Алексея. В Стамбул приехала делегация во главе с президентом П. Порошенко, а также спикером Верховной Рады А. Парубием, экс-президентом В. Ющенко, министром обороны С. Полтораком, предстоятелем ПЦУ Епифанием.

Документ определяет Православную церковь Украины «духовной дочерью» Константинопольского патриархата и призывает все мировые православные церкви признать украинскую автокефалию. Томос указывает, что юрисдикция ПЦУ ограничивается территорией Украины. Это означает, что зарубежных приходов новая церковь открывать не сможет. А уже существующие приходы отныне подчиняются Константинополю. Для решения важных церковных вопросов предстоятель ПЦУ должен обращаться к Константинополю. Кроме того, именно Вселенский патриарх является конечной инстанцией для решения всех споров внутри ПЦУ. В Томосе специально прописано, что титул главы ПЦУ - блаженнейший митрополит Киевский и всей Украины. И менять без позво-

¹ Объединительный Собор, который должен провозгласить создание автокефальной поместной православной церкви, состоится 15 декабря – Президент [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ua/ru/news/obyednavchij-sobor-yakij-maye-progolositi-stvorennya-avtokef-51746> (Дата обращения 10.03.2019)

² Священный синод УПЦ: Патриарх Варфоломей не имеет прав созывать на Украине церковные собрания [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/117758.html> (Дата обращения 10.03.2019)

³ Блаженнейший Митрополит Онуфрий вернул письмо Патриарха Варфоломея обратно в Стамбул [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://news.church.ua/2018/12/08/blazhennejshij-mitropolit-onufrij-vernul-pismo-patriarha-varfolomeya-obratno-v-stambul/?lang=ru#more-247176> (Дата обращения 10.03.2019)

⁴ Перед Объединительным собором КП и УАПЦ постановили самороспуске, новая церковь является их наследницей — спикер КП [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hromadske.ua/posts/pered-obyednavchim-soborom-kp-ta-uapc-postanovili-samorozpusk-nova-cerkva-ye-yihnoyu-spadkojemiceyu-rechnik-kp> (Дата обращения 10.03.2019)

⁵ Объединительный собор Украинской церкви: как все прошло, и кто такой митрополит Епифаний [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-46582237> (Дата обращения 10.03.2019)

ления Константинополя ПЦУ не вправе. В тексте томоса говорится, что «Автокефальная церковь Украины признает главой Святейший Апостольский и Патриарший вселенский престол, как и другие патриархи и предстоятели». В тексте упомянуто и прямое подчинение отдельных храмов и монастырей Константинополю. "Права Вселенского престола на экзархат в Украине и священные ставропигии сохраняются и не могут быть уменьшены". Также оговаривается монополия Фанара на предоставление мира для отправления церковных служб в Украине. В конце документа упоминается П. Порошенко. Там определено, что томос предоставляется не только Епифанию, но и президенту Украины.

6 января 2019 г. состоялась официальная передача томоса предстоятелю ПЦУ митрополиту Епифанию. Вечером того же дня в Киеве приземлился самолет с томосом об автокефалии Православной церкви Украины.

7 января 2018 г. томос представили украинцам и разместили в Софии Киевской.

Таков исторический контекст разворачивающегося на Украине православного раскола, который ведет к разобщению и мировое православие. Посмотрим теперь на политическую подоплеку происходящих событий.

Внутренний и внешний факторы событий на Украине.

Начиная с 1990-х гг. последовательно отстаивают идею создания на Украине независимой от Московской Патриархии поместной церкви. Обе претендующие на национальный характер конфессии за неполные тридцать лет своего существования обрели поддержку со стороны государственной власти Украины и политических элит англо-саксонского мира, рассматривающих «самостийные» церкви, а также саму идеологию раскола, как средство вычленения Украины из единого с Россией цивилизационного пространства. Запрос национальных и политических элит Украины на создание «национального религиозного продукта» во многом определил развитие церковно-государственных

отношений на Украине после распада СССР. Вопреки закреплённому в украинской Конституции принципу отделения церкви от государства украинская власть сделала ставку на создание единой поместной церкви, которая в юридическом плане не имела бы связей с Русской Православной Церковью [Серебрич 2016: 218]. Среди причин возникшего на Украине в 1990-е гг. внутрицерковного конфликта в первую очередь выделяется проблема строительства Украиной независимого национального государства, проблема отношений Украины с Россией. Таким образом, в основе конфликта – появление украинской государственности и активная деятельность украинского национального движения по формированию нации. Проблема автокефалии украинской церкви покоится на том же фундаменте противопоставления русскости, что и все национальное украинское движение в целом [Чибисова 2013: 99]. Данному проекту изначально отводилась одна из важнейших ролей в качестве легитимирующего существование самого украинского государства фактора. Достаточно показательным в данном контексте является высказывание главы УПЦ КП Филарета Денисенко о том, что «возникновение государства связано с возникновением независимой Церкви... Без единой церкви нет и единого государства» [Серебрич 2016: 218].

Рассматривая внутривнутриполитический аспект, отметим, что на Украине приближаются президентские выборы. Нынешний глава государства П. Порошенко стремится переизбраться на второй срок. Как отмечает, А.В. Гуцин для этого действующий президент использует в качестве фундаментальной платформы своей кампании триаду «Церковь, Армия, Язык». Церковь занимает в ней, пожалуй, центральное место... шансов на завоевание симпатий электората юго-востока страны у Порошенко практически нет. Таким образом, основная задача перед первым туром – сплотить вокруг себя электорат центра страны и западной Украины. Сделать это можно... осуществив размывание голосов таким образом, чтобы никто из кандидатов условного запада и центра не мог набрать

значительной поддержки, что в условиях близости прогнозных показателей кандидатов может обеспечить выход во второй тур со второго места с результатом 10-12%. Для достижения такого результата нужно не просто способствовать дроблению электората, но и обеспечить перехват традиционной национальной повестки. Здесь церковный вопрос как раз очень кстати, и надо отметить, что до настоящего времени Порошенко пользовался темой автокефалии довольно эффективно и активно¹.

Подтверждением тому, что президент Украины намерен использовать получение томоса в предвыборной президентской гонке служит информация о намерении П. Порошенко вместе с главой новой Православной церкви Украины Епифанием отправиться в тур по 17 областям Украины после получения Томоса. Поездки планируются по регионам, где П. Порошенко имеет перспективы набрать голоса на мартовских выборах 2019 г.²

При этом интересен сюжет, связанный с отношениями самого П. Порошенко с религией. Как известно, он был воцерковлен именно в УПЦ МП. В 2009 г. на праздник Троицы П. Порошенко был рукоположен в диаконы и тоже в УПЦ МП. Диакон – базовый «уровень» иерархии в «белом священстве» ортодоксального обряда, которое доступно женатым. Более того П. Порошенко является православным образца Ионинского монастыря, который известен своим русофильством. Однако после 2014 г. глава украинского государства встречает Православное Рождество с прихожанами УПЦ КП в Ивано-Франковской области. В 2015 г. он посе-

¹ Гушин А.В. «Автокефалия раздора»: к чему приведет разрыв отношений РПЦ и Константинополя [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://eurasia.expert/avtokefaliya-razdora-k-chemu-privedet-razryv-otnosheniy-rpts-i-konstantinopolya/?fbclid=IwAR1Z0zPq3jmsYidRMV Vv3gKcHyLKDtCUJmbcMF_CqFAONDf13CVY001z VLw (Дата обращения 10.03.2019)

² В январе Порошенко отправится в предвыборный Томос-тур с Епифанием по 17 областям [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://strana.ua/news/178718-posle-tomosa-6-janvarja-poroshenko-nachnet-vozit-epifaniya-porehionam-ukrainy.html> (Дата обращения 10.03.2019)

щал службу в Крестовоздвиженском монастыре. А в 2016 г. – в церкви Святых Апостолов Петра и Павла³. Иными словами, за П. Порошенко давно тянется шлейф прихожанина Московского патриархата, который совсем не соответствует его нынешнему реальному статусу самого националистичного президента Украины и принципиального борца с российской агрессией. В новых же условиях, когда он выступил главным закоперщиком «крестового похода» за «автокефалию» украинской церкви, его крайне сложно будет считать частью верной паствы «единственной канонической украинской православной церкви». Образ националистического президента, на который П. Порошенко работает в последние годы, не может быть полным и убедительным без четкой позиции по вопросу церкви. И позиция тут может быть только одна — независимое от Москвы православие⁴.

Для патриарха же Варфоломея в украинском «церковном пазле» главное – усилиться самому. То в какой форме была предоставлена «автокефалия» украинской церкви это в полной мере подтверждает. Фактически произошло не предоставление какой-либо самостоятельности УПЦ, а ее перевод фанариотами под свою юрисдикцию. Это позволяет Константинополю резко усилить свой вес в православном мире. Ведь с одной стороны, под церковной юрисдикцией Фанара находятся целых 234 епархии в тридцати двух странах. По данным Всемирного Совета Церквей у Константинопольского патриархата – 5,255 млн. чел. (2,8 млн. паствы в Северной Америке, 1,5 млн. в Европе, 800 тыс. в Азии и Океании, 150 тыс. в Латинской Америке). Совсем немного для четверть миллиардного православия. Но количество не отражает качество. С другой стороны, в

³ Курылев К.П. Почему Порошенко задумался о поместной церкви? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/52562.html> (Дата обращения 10.03.2019)

⁴ Клочко Т. Единая поместная церковь. Зачем Порошенко взялся нести крест Ющенко [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ukrrudprom.ua/digest/Edinaya_pomestnaya_tserkov_Zachem_Poroshenko_vzyalsya_nesti_kres.html (Дата обращения 10.03.2019)

более, чем миллиардной Индии православных не более шести тысяч человек, да и те разделены между РПЦ и Константинопольским патриархатом. Та же ситуация в Китае, где православных не более пятнадцати тысяч. Нет конкурентов у Константинопольского патриархата, например, на Фиджи, Тонга, Мальдивах. Так что «живет» Фанар в основном за счет диаспор (греческой, албанской, русской, украинской) в Европе, Северной и Южной Америках. Ну и, естественно, «торгуя влиянием». При том, что, в самой 83-миллионной Турции проживает не более 0,008% (примерно 6500) православных¹. В связи с чем, принимая во внимание тот факт какое количество приходов, священнослужителей, монастырей и монашествующих (об этом шла речь в начале статьи) будет теперь, после предоставления «автокефалии» украинской церкви, оказывается в сфере влияния Вселенского патриарха, становится понятным его упорство и непреклонность.

Таким образом, на современном этапе имеют место попытки Константинопольского Патриархата занять лидирующие позиции в православном мире, добиться официального признания за собой статуса лидера всего мирового православия с правом представлять православный мир в рамках меж религиозного диалога и на внешнеполитической арене. Как отмечает священник А. Мазырин, «современная ситуация с церковными расколами (на Украине прежде всего) и притязаниями Фанара на первенство не только чести, но и власти в православном мире» требует предъявить Константинопольскому патриархату «надлежащий счёт» [Мазырин, Кострюков 2017: 12]. Начиная с первой половины XX в., Константинопольские патриархи стремятся расширить зафиксированное за Константинопольской в церковных канонах «первенство чести» до «первенства власти». Названное «первенство власти» предполагает присвоение себе прав контроля над православной диаспорой, про-

возглашение церковной автокефалии, межправославного «арбитража» и т.д. [Маслов, Серебрич и др. 2017: 152]. По сути, речь идет немного немало о том, кто, Москва или Константинополь, будет контролировать православные приходы на Украине, зависит их лидерство в православном мире [Чибисова 2014: 25].

Ранее мы упоминали о таком факторе, воздействовавшем на ситуацию с церковным расколом на Украине, как фактор двух конфессий украинской диаспоры – Украинской Православной Церкви США и Украинской Православной Церкви Канады, чьи представители в качестве экзархов были направлены Фанаром осенью 2018 г. на Украину готовить объединительный собор. Данные церкви, деятельность которых носит подчёркнуто антироссийский характер, активно лоббируют на разных уровнях интересы украинских раскольнических структур, декларируют пребывание УПЦ МП под юрисдикцией Московского Патриархата как «не природное, искусственное и не каноничное», и отстаивают идею объединения «украинского православия» в поместную церковь [Серебрич 2016: 221]. В 2007 г. Совет митрополии УПЦ США призвал Патриарха Варфоломея I принять конкретные меры для установления в украинском государстве национальной поместной церкви. В том же году на очередном соборе УПЦ США провозгласили курс на утверждение единой поместной церкви на Украине. Согласно планам иерархов украинской диаспоры Северной Америки, национальная поместная церковь на Украине должна объединить не только православные церкви, но и католиков с униатами. Еще в середине XX в. в богословской мысли украинской диаспоры получил прочное основание взгляд на необходимость объединения и экуменического диалога между украинской православной и греко-католической церквями диаспоры, что должно послужить «примером для украинцев на Родине». Параллельно украинские епископы США и Канады во время своих визитов на Украину продолжали активно транслировать миф о «незаконном» вхождении Киевской митрополии

¹ Сидорив М. О бедном Варфоломее замолвите слово... Учись византийству, дикари! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2499901.html> (Дата обращения 10.03.2019)

в состав Московского Патриархата в 1686 г. [Серебрич 2016: 230].

Продолжая рассматривать линию внешнего вмешательства в церковные дела Украины, остановимся на американском следе. Еще в 1922 Вселенский патриарх Мелетий II издал томос, провозгласивший право Константинопольского патриархата на «непосредственный надзор и управление всеми без исключения православными приходами, находящимися вне пределов поместных православных Церквей, в Европе, Америке и других местах». В состав Константинопольского патриархата включили Американскую архиепископию в состав которой входят православные приходы в США; Украинскую православную церковь в Канаде, которая образовалась в 1918 в году; а также Западноевропейский экзархат русской традиции, в состав которого в основном входят приходы на территории Франции. Таким образом, основными источниками доходов для Фанара стали приходы на территории США, что обусловило тесное сотрудничество с государственным департаментом и Белым домом¹.

С 17 по 26 июня 2016 г. на Крите проходил Вселенский православный собор. Православная церковь ныне признаёт семь Вселенских соборов, последний из которых состоялся в VIII в. (Второй Никейский собор). Таким образом, Вселенский православный собор 2016 г. должен был стать первым более чем за тысячу лет. Во время проведения собора на Крите в Конгрессе США принимались резолюции, в которых выражалась поддержка патриарху Варфоломею. Базирующийся в США орден святого Андрея, который помогает Фанару, включает в себя членов, имеющих тесные контакты с финансовыми и политическими элитами США. Константинопольский патриархат, очень сильно зависимый от США, стал средством для продвижения геополитических интересов Белого дома. Вашингтону же выгодно вбить клин между Укра-

иной и Россией, придать существующему конфликту религиозное измерение. Как известно, религиозные конфликты носят более глубинный характер, их будет сложнее урвать в дальнейшем. В течение последних месяцев высокопоставленные чиновники из Государственного департамента США публично выражали свою поддержку совместным действиям Варфоломея, Порошенко и Филарета по созданию ПЦУ². Показательно, что за несколько недель до начала Вселенского православного собора от участия в нем отказались четырёх из существующих автокефальных церквей – Антиохийская, Русская, Грузинская и Болгарская [Маслов, Серебрич и др. 2017: 152].

Государственный секретарь США М. Помпео заявил о решительной поддержке США свободы вероисповедания православной общины Украины и других религиозных групп, и желания управлять своей религией в соответствии с убеждениями, без вмешательства извне. «Мы поддерживаем право украинцев придерживаться веры по своему выбору и надеемся, что это будет уважаться всеми», — сказано в его заявлении. Также М. Помпео подчеркнул, что толерантность, сдержанность и понимание являются ключом к тому, чтобы люди с разной религиозной принадлежностью могли жить и процветать вместе в мире. «Мы призываем церковных и правительственных чиновников активно продвигать эти ценности в связи с движением к созданию автокефальной Украинской православной церкви», - говорится в заявлении³.

Специальный представитель Государственного департамента США по делам Украины К. Волкер заявил в октябре 2018

¹ Торбиев Э. О тайнах томоса: Как США организовали церковный раскол на Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ukraina.ru/exclusive/20180910/1021081871.htm> 1 (Дата обращения 10.03.2019)

² Серебрич А. Украинская власть будет силой загонять священников в новую структуру [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://stbasil.center/2016/11/13/uchastie-ukrainskih-cerkvej-severnoj/> (Дата обращения 10.03.2019)

³ Томос для Украины: Госсекретарь Помпео подержал предоставление автокефалии украинской церкви [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fakty.ua/284293-tomos-dlya-ukrainy-gossekreter-pompeo-podderzhal-predostavlenie-avtokefalii-ukrainskoj-cerkvi> (Дата обращения 10.03.2019)

г., что США поддерживают стремление украинцев к признанию своей собственной единой поместной церкви. Также он сказал, что решение Вселенского патриарха Варфоломея о возможности предоставления Украинской православной церкви Томоса является религиозным решением. «С американской точки зрения, единственное, что мы можем сказать, что мы верим в принцип религиозной свободы. Наша страна основывается на этом, и поэтому мы поддерживаем стремление всех людей исповедовать свою религию так, как они хотят, и иметь свободу, и признание, и делать это мирно», - заявил К. Волкер¹.

Но при этом, по словам украинского политолога К. Бондаренко, «... Госдеп США давит на Фанар. У Варфоломея есть большая проблема с американскими приходами Константинополя, где архиепископы все больше и больше стремятся стать независимыми от Фанара. Госдеп шантажирует Варфоломея этим вопросом»².

Вселенский патриарх Варфоломей в общении с политической элитой США всегда заявляет о том, что его функция – «координация межправославного единства», объединение и сплочение 300 млн православных христиан под началом Константинополя. В этой связи можно предположить, что эта поместная церковь необходима США не только в качестве средства подчинения многосоставного православия в мире (15 канонических церквей и масса раскольнических структур), но и в качестве центра притяжения на территории США для православных эмигрантов из разных стран, который мог бы стать ключом к вселенскому православию. патриарх Варфоломей, адаптированный к американ-

ским ценностям, мыслящий в рамках задач американской мировой политики, потенциально должен стать ключом к европейскому консервативному православию, тяготеющему к традиционализму, монархизму, иерархичности, консервативной идеологии и не признающему протестантское понимание свободы. Потому патриарх Варфоломей с позиции США потенциально может не только объединить православный мир, но и способствовать восприятию им американских («универсальных») ценностей [Филянова 2013: 190, 194].

В контексте внешнего фактора в деле о создании Константинопольским патриархатом «новой» православной церкви на Украине следует осветить и турецкий сюжет. Ряд экспертов полагает, что премьер-министр Турции Т.Р. Эрдоган влияет на Варфоломея с помощью дела о поддержке попытки госпереворота в 2016 г. (тогда патриарх, говорят, за три часа до пугча спешно выехал из Турции в Словакию). Спецслужбы Турции подозревают Вселенского патриарха в связях с оппозиционным исламским проповедником Ф. Гюленом и разведкой США³. Как отмечает греческое издание *Ekiraia*, «главной и наиболее значимой проблемой, от которой зависит существование и выживание православия в его колыбели - бывшем Константинополе, а сейчас Стамбуле, является неоосманизм и угроза радикального суннитского ислама. У Эрдогана есть рычаги, чтобы усмирить радикалов, и они не трогали православный патриархат. Варфоломей периодически встречается с Эрдоганом для обсуждения разных вопросов, в том числе, безопасности»⁴.

Определенный свет на происходящее и роль в этом Турции проливает интервью BBC News Украина М. Джемилева, в котором он рассказал роли крымских татар в

¹ США поддерживают стремление украинцев иметь свою единую поместную церковь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unian.net/politics/10295889-volker-sshapodderzhivayut-stremlenie-ukraincev-imet-svoyu-edinuyu-pomestnuyu-cerkov.html> (Дата обращения 10.03.2019)

² Харченко А. Турецкий гамбит. Какова роль Эрдогана в решении Варфоломея по Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://strana.ua/articles/165947-kakova-rol-erdohana-v-predostavlenii-ukraine-avtokefalii.html> (Дата обращения 10.03.2019)

³ Харченко А. Турецкий гамбит. Какова роль Эрдогана в решении Варфоломея по Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://strana.ua/articles/165947-kakova-rol-erdohana-v-predostavlenii-ukraine-avtokefalii.html> (Дата обращения 10.03.2019)

⁴ Ο Βαρθολομαῖος στο στόχαστρο ΜΙΤ – Ервтоγάν [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.epikaira.gr/article/o-vartholomaios-sto-stoxastro-mit-erntogan> (Дата обращения 10.03.2019)

создании поместной православной церкви в Украине. По его словам, «у нас была очень серьезная работа. Мы системно работали и объясняли Эрдогану, как важно для Украины и крымских татар, чтобы в Украине была независимая поместная православная церковь. Я Эрдогану в таких популярных терминах объяснял: мол, сейчас Мекка для православных - Москва, а после Томоса и автокефалии украинской церкви ей станет Стамбул, так что и для вас это имеет политическое значение. Когда мы летали 12 июля в Турцию, при мне прямо с самолета Порошенко поговорил сначала с Варфоломеем, а затем и с Эрдоганом. Эрдоган твердо сказал, что сделает все возможное, и он уверен, что у него это получится, и у нас будет автокефалия»¹. Напомним, что М. Джемилев в 2016 г. был объявлен в федеральный розыск, против него было возбуждено уголовное дело по трем статьям УК России, связанных с терроризмом и подрывом основ государственной безопасности России.

По мнению экспертов, тема автокефалии может стать «украинским церковным козырем» в переговорах Турции с Россией по вопросам геополитики, в частности по Сирии, где есть интересы обеих стран. Есть даже версия, что Анкара религиозным кризисом в Украине попытается отвлечь Москву от Ближнего Востока. Как отметил политолог Р. Бортник. «слухов много, но доказательств нет. Думаю, что тут ключевая роль может лежать в русле переговоров Турция-США на тему Сирии, Гюлена и денег». По одной из версий автокефалия для Украины — это одно из условий примирения США с Турцией и укрепления турецкой валюты лиры, которая этим летом рекордно обвалилась на фоне напряженности с США².

¹ Мустафа Джемилев: "С удовольствием наблюдаю, как бесится Кремль из-за Томоса" [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-45561944> (Дата обращения 10.03.2019)

² Харченко А. Турецкий гамбит. Какова роль Эрдогана в решении Варфоломея по Украине [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://strana.ua/articles/165947-kakova-rol-erdohana-v-predostavlenii-ukraine-avtokefalii.html> (Дата обращения 10.03.2019)

Церковно-религиозная ситуация, которая сложилась на Украине после распада СССР является крайне сложной и противоречивой. Причин тому немало. Среди них следует отметить, что история различных украинских регионов складывалась по-разному. Если на восток и юг украинцы продвигались в ходе переселенческой деятельности, то западные украинские территории долгое время входили в состав различных государств (Австро-Венгрии, Речи Посполитой, Румынии) [Курылев 2018: 15]. Это привело к формированию региональных культурно-исторических особенностей. С Запада пришли традиции индивидуализма и самоуправления, а от России — общинные традиции и достижения индустриализации. Рубежность традиций коллективизма и индивидуализма, неприятие «духа капитализма» для большинства людей с советским менталитетом затрудняют выбор «чисто» социалистического, капиталистического или традиционалистского путей развития»³. Можно сказать, что сторонники Московского Патриархата своей религиозной идентичностью олицетворяют население, поддерживающее развитие отношений с Россией, а сторонники Киевского, сохраняя православную веру, перестают отождествлять ее с Россией [Курылев 2018: 22]. Это подтверждается опросом населения Украины, проведенного фондом «Демократические инициативы» имени И. Кучерива и Центром Разумкова в июне 2018 г. Создание автокефальной поместной православной церкви на Украине поддерживает 31% граждан, против выступают 20%. Среди сторонников УПЦ МП) идею создания поместной церкви поддерживают лишь 23%, выступают против – 40%. И только 11% украинцев считают, что создание поместной церкви относится к первоочередным вопросам жизни страны⁴.

³ Дергачев В. А. Геополитическая судьба Украины // Всеукраинская газета «День». № 124. 17.07.2001.

⁴ Создание поместной автокефальной православной церкви в Украине: что думают украинцы? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dif.org.ua/article/stvorennya-pomisnoi-avtokefalnoi-pravoslavnoi-tserkvi-v-ukraini-shcho-dumayut-ukraintsi> (Дата обращения 10.03.2019)

Создание пусть и номинально «автокефальной» церкви на Украине призвано не просто углубить кризис в отношениях между нашими странами, но и содержит в себе и другие масштабные негативные последствия. Однозначно укрепляется конструкт так называемого украинства, как современной идеологической основы официального Киева. Кроме того, речь может идти о возможном кризисе внутри самой Русской Православной Церкви. Здесь и символическая и историческая важность Украины для РПЦ. Киев – не просто «мать городов русских», но и долгое время был духовным центром русского православия. В связи с чем уже сейчас звучат алармистские прогнозы экспертов о возможной опале Патриарха Кирилла, что без Украины РПЦ теряет не просто имидж «церкви империи», но и перестает ею быть, по существу¹. Крайне негативные процессы, которые не могут не настораживать, происходят в Беларуси. Белорусский экзархат Московского патриархата — каноническое подразделение РПЦ на территории Республики Беларусь. Там остро стоит вопрос распространения влияния польской католической церкви. За последние 5 лет в Беларуси было построено 108 католических храмов. Объем инвестиций в католическую религиозную инфраструктуру составил 1 млрд. 83 млн. белорусских рублей. Если взять более широкий контекст, то события на Украине фактически раскалывают мировое Православие. По состоянию на 8 января ни одна из канонических православных церквей не признала раскольническую Православную Церковь Украины, но что будет дальше не известно. Возможно дальнейшее «выдавливание» РПЦ из содружества православных поместных церквей, в котором Экуменический патриархат желает играть роль «восточного папы».

Вместе с тем, в контексте разворачивающихся событий в церковной сфере се-

годня на Украине, мы в очередной раз сталкиваемся с тем, что эта страна с ее уникальным географическим и цивилизационным расположением становится ареной острого геополитического соперничества, имеющего теперь еще и религиозную окраску. При этом сама Украина не рассматривается как самостоятельная геополитическая единица. В связи с этим главная ее ценность состоит в использовании как объекта для оказания давления на Россию. Представляется уместным привести известные слова Зб. Бжезинского, которыми он еще в 1997 г. весьма образно определил значение Украины для России: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром потому, что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и, скорее всего, была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией...» [Бжезинский 1998: 62]. Иными словами, Украина в условиях нового церковного раскола явила собой инструмент, позволяющий в той или иной степени воздействовать на процессы в нашей стране, добиваясь их трансформации в сторону, выгодную Западу [Курылев а 2014: 407]. При всей своей искусственности томос для украинской церкви существенно ограничивает Россию на том поле, на котором ранее ее влияние было безусловным. Происходит дальнейшее геополитическое отступление Москвы, так как томос многократно усиливает отрыв Украины. Конфликт с Фанаром может осложнить и отношения России с другими православными странами. Наконец, томос это удар в единство духовного пространства Русского мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. С. 62.

¹ Эггерт К. Комментарий: 7 последствий украинской автокефалии для Путина, Порошенко и РПЦ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/комментарий-7-последствий-украинской-автокефалии-для-путина-порошенко-и-рпц/a-45862622> (Дата обращения 10.03.2019)

2. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 496 с.
 3. Курылев К.П. а Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М. Изд-во РУДН, 2014. С. 114.
 4. Курылев К.П. б Украинский кризис 2013-2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25-38.
 5. Курылев К.П. Украинский кризис и международная безопасность. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 272 с.
 6. Курылев К.П. с Фактор Украины в обеспечении международной безопасности: региональный и глобальный уровни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 2. С. 12-22.
 7. Курылев К.П., Станис Д.В. д Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
 8. Курылев К.П., Семибратов Е.В., Шабловский В.С. Взаимодействие Украины со странами ГУАМ на примере голосования в Генеральной Ассамблее ООН // Дипломатическая служба. 2018. № 3. С. 25-34.
 9. Мазырин А. (свящ.), Кострюков А.А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке / Священник А. Мазырин, А.А. Кострюков. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 367 с.
 10. Маслов И.М., Серебрич А.А., Иванов Е.О., Рогатин В.Н. Итоги Всеправославного собора в контексте международной безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2 (41). С. 152-170.
 11. Оленчак Я.Л. Автокефальные тенденции в Украинской церкви: историко-политическая проекция // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 3. С. 64-70.
 12. Оленчак Я.Л. К вопросу о политической предпосылке автокефалии Украинской церкви в начале III тысячелетия // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 12 (66). С. 122.
 13. Серебрич А.А. Участие украинских церквей Северной Америки в реализации проекта поместная церковь на Украине // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 218-238.
 14. Филянова В.Н. Его Святейшество Варфоломей – Константинопольский патриарх и проамериканский политик // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16). С. 189-200.
 15. Чибисова А.А. Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата как религиозно-политическая структура в освещении украинских и российских исследователей // Причерноморье. История, политика, культура. 2013. № 12. С. 99-105.
 16. Чибисова А.А. «Украинский вопрос» в отношениях Константинополя и Москвы в начале XXI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. № 5 (55). С. 9-25.
- Сведения об авторе:** Курылев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: kurylev_kp@rudn.university); Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления РУДН, (e-mail: stanis-dv@rudn.ru).

REFERENCES

1. Bzhezinskij Zb. Velikaya shahmatnaya doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy). M., 1998. S. 62.
2. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost.

- D. A. Degterev, K. P. Kurylev. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. — 496 s.
3. Kurylev K.P. a Vneshnyaya politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional'noj sistemy bezopasnosti v Evrope. M. Izdo-vo RUDN, 2014. S. 114.
 4. Kurylev K.P. b Ukrainskij krizis 2013-2014 gg. i «arabskaya vesna» 2011 g.: skhodstvo i razlichie // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 4. S. 25-38.
 5. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost'. — M.: LENAND, 2018. — 272 s.
 6. Kurylev K.P. c Faktor Ukrainy v obespechenii mezhdunarodnoj bezopasnosti: regio-nal'nyj i global'nyj urovni // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 2. S. 12-22.
 7. Kurylev K.P., Stanis D.V. d EHtnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoj nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
 8. Kurylev K.P., Semibratov E.V., SHablovskij V.S. Vzaimodejstvie Ukrainy so strana-mi GUAM na primere golosovaniya v General'noj Assamblee OON // Diplomaticheskaya sluzhba. 2018. № 3. S. 25-34.
 9. Mazyrin A. (svyashch.), Kostryukov A.A. Iz istorii vzaimootnoshenij Russkoj i Konstan-tinopol'skoj Cerkvej v XX veke / Svyashchennik A. Mazyrin, A.A. Kostryukov. M.: Izd-vo PSTGU, 2017. 367 s.
 10. Maslov I.M., Serebrich A.A., Ivanov E.O., Rogatin V.N. Itogi Vsepravoslavnogo sobo-ra v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti Rossii // Problemy nacional'noj strate-gii. 2017. № 2 (41). S. 152-170.
 11. Olenchak YA.L. Avtokefal'nye tendencii v Ukrainskoj cerkvi: istoriko-politicheskaya proekciya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 2015. № 3. S. 64-70.
 12. Olenchak YA.L. K voprosu o politicheskoj predposylke avtokefalii Ukrainskoj cerkvi v nachale III tysyacheletiya // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2013. № 12 (66). S. 122.
 13. Serebrich A.A. Uchastie ukrainskih cerkvej Severnoj Ameriki v realizacii proekta pomestnaya cerkov' na Ukraine // Problemy nacional'noj strategii. 2016. № 5 (38). S. 218-238.
 14. Filyanova V.N. Ego Svyatejshestvo Varfolomej – Konstantinopol'skij patriarh i pro-amerikanskij politik // Problemy nacional'noj strategii. 2013. № 1 (16). S. 189-200.
 15. CHibisova A.A. Ukrainskaya Pravoslav-naya Cerkov' Kievskogo Patriarhata kak religioz-no-politicheskaya struktura v osveshchenii ukrainskih i rossijskih issledovatelej // Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura. 2013. № 12. S. 99-105.
 16. Chibisova A.A. «Ukrainskij vopros» v otnosheniyah Konstantinopolya i Moskvy v nacha-le XXI v. // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. 2014. № 5 (55). S. 9-25.

About the author: Kurylev Konstantin P. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: kurylev-kp@rudn.ru); Stanis Daria V. – PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University (e-mail: stanisdv@rudn.ru).

КЕРЧЕНСКИЙ КРИЗИС И СТАТУС АЗОВСКОГО МОРЯ

Д.В. Малышев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. В межгосударственных отношениях России и Украины большое значение придается в последнее время вопросам, связанным с проблемой Азово-Черноморского региона. Там в связи с керченским инцидентом, произошедший 25 ноября 2018 г. в Керченском проливе Азовского моря, в очередной раз обострились отношения двух стран. Анализируя современное состояние российско-украинских отношений в преддверии, намеченных на 31 марта 2019 г. президентских выборов на Украине, автор уделяет основное внимание политико-правовому статусу Азовского моря, развитию здесь ситуации в контексте продолжающегося керченского кризиса. Проанализированы договоры и соглашения, которые действуют в Азовском море между Россией и Украиной. Рассмотрено влияние ноябрьского кризиса в Керченском проливе на российско-украинские отношения; выявлена реакция мирового сообщества на происходящие в связи с керченским кризисом события.

Ключевые слова. Российская Федерация, Украина, Азовское море, Азово-Черноморский регион, Керченский пролив, кризис, политико-правовой статус.

KERCH CRISIS AND THE STATUS OF THE AZOV SEA

D.V. Malyshev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relation, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The current state of Russian-Ukrainian relations in the context of the Kerch crisis is examined in the article. In interstate relations between Russia and the Ukraine, great importance has recently been attached to the issues related to the problem

of the Azov-Black Sea region. There, due to the Kerch incident, which occurred on November 25, 2018 in the Kerch Strait of the Sea of Azov, relations between the two countries once again aggravated. The author analyzes the current state of Russian-Ukrainian relations on the eve of the presidential elections in the Ukraine scheduled for March 31, 2019. The main attention is paid to the political and legal status of the Azov sea, as well as to the development of the situation here in the context of the ongoing Kerch crisis. The article analyzes the treaties and agreements that operate in the Sea of Azov between Russia and the Ukraine. The author examines also the impact of the November crisis in the Kerch Strait on the Russian-Ukrainian relations. The author examines the impact of the November crisis in the Kerch Strait on Russian-Ukrainian relations and reveals the reaction of the world community to the events occurring in connection with the Kerch crisis.

Keywords. Russian Federation, the Ukraine, the Azov Sea, the Azov-Black Sea region, the Kerch Strait, crisis, political and legal status.

25 ноября 2018 г. к Керченскому проливу в районе 7 часов утра подошли три корабля Военно-морских сил (ВМС) Украины: артиллерийские катера «Бердянск» и «Никополь» и буксир «Яны Капу» (само название обозначает город на севере Крыма, бывший Краснопереконск, и буквально переводится с крымско-татарского языка как «Новые ворота»; сам буксир был возвращен Украине Россией в мае 2014 г.). Что касается названий двух остальных судов, то Бердянск – это портовый город на Азовском побережье в Запорожской области, а Никополь – город в Днепропетровской области Украины.

Этот инцидент еще серьезнее усугубил отношений между Россией и Украиной, приблизив их к разрыву. Приобрел он также еще характер не только межгосударственного, но и международного конфликта, так как на сторону Украины, как по команде, встал «коллективный Запад», а данная проблема обсуждалась в рамках ООН. Попытаемся же разобраться в предыстории, сути и последствиях этого

инцидента, который, получив название – «керченский», продолжает оказывать влияние на ситуацию в регионе постсоветского пространства (ПСП).

Азово-черноморский регион: политико-правовой аспект.

Необходимо напомнить, что в течение нескольких столетий Азовское море окружала территория только одного государства – сначала Российской империи, а потом СССР. Это продолжалось с конца XVIII в., после событий, вошедших в историю под названием «три раздела Польши», которые пришлось на царствование российской императрицы Екатерины II и привели к исчезновению с политической карты Европы такого государства как Речь Посполитая, и до начала 90-х годов XX в., за исключением небольшого периода 1917-1921 гг. (Гражданской войны и попытки создания на территории современной Украины независимых от России государств). Распад СССР в декабре 1991 г. привел к тому, что в регионе Азовского моря образовались два независимых государства, бывших до этого союзными республиками – Российская Федерация (РФ) и Украина. Вследствие этого Азовское море перестало попадать под категорию «внутреннего моря», то есть окруженного только территорией одного государства.

Россия изначально отстаивала необходимость сохранения прежнего правового статуса Азово-Керченской акватории, что подразумевало, в частности, запрет её открытия для беспрепятственного доступа третьих стран и, тем более, захода туда иностранных военных кораблей¹. Иными словами, позиция РФ сводилась к тому, чтобы сохранить за данным регионом статус внутренних вод, как это было во времена существования СССР. Позиция же Украины постоянно менялась. С одной стороны, она демонстрировала своё согласие на сохранение здесь внутренних вод.

¹О переговорах по определению правового статуса Азовского моря и Керченского пролива и разграничению морских пространств в Черном море. О делимитации российско-украинской госграницы (Справочная информация) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/595928 (дата обращения: 28.01.2019).

Но, с другой стороны, официальные ведомства страны постоянно пытались отвлечься от этой позиции, установить суверенитет Украины над частью Азовского моря, провести линии делимитации между Россией и Украиной [Васильев 2016: 10-11].

В конечном итоге Россия и Украина подписали в декабре 2003 г. Договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива, который, в частности, разрешил заход иностранных судов, в том числе, и военных, через Керченский пролив в Азовское море для следования в порты России или Украины и обратно по приглашению одной из сторон².

Но ситуация начала резко меняться после так называемой «оранжевой революции» на Украине 2004 г. и прихода к президентской власти В. Ющенко, который вместе со своим окружением сразу же занял крайне антироссийскую позицию; она касалась многих аспектов российско-украинских отношений, в том числе, и статуса Азовского моря. Летом 2006 г. Украина предложила пересмотреть упомянутый выше Договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря, рассматривать Азов сугубо через призму норм международного права, то есть не как внутренние воды. Это предложение озвучил занимавший тогда пост первого заместителя министра иностранных дел Украины А. Бутейко³.

Новый импульс обострению проблемы Азовского моря и Керченского пролива был дан событиями на Украине в февралемарте 2014 г.: фактическим свержением легитимного президента В. Януковича и его вынужденным бегством в Россию. На Украине эти события были названы «рево-

²Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. 24 декабря 2003 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1795> (дата обращения: 28.01.2019).

³По вопросу Азовского моря Украина рассчитывает на помощь третьих стран [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20060605/49093665.html> (дата обращения: 29.01.2019).

люцией Гідности» («революция достоинства»), а в восприятии российской стороны стали рассматриваться не иначе как государственный переворот. В марте 2014 г. произошло и воссоединение с Россией Крымского полуострова.

Новые украинские власти, помимо многочисленных антироссийских выпадов, стремились разыграть и карту о денонсации Договора между Россией и Украиной об использовании Азовского моря и Керченского пролива (законопроект по этому поводу был внесен в Верховную Раду 16 июля 2015 г.)⁴.

Что касается Керченского пролива, то в период существования СССР он тоже, как и Азов, являлся внутренними водами одного государства. Но после распада СССР здесь появились два припроливных государства – РФ и Украина. Что касается последней, то ссылаясь на то, что Керчь на тот момент являлась неотъемлемой частью территории Украины, последняя применила к его наиболее глубоководной части – Керчь-Еникалийскому каналу (КЕК) – свои законы и правила, касающиеся всех судов, заходящих в КЕК [Теория и практика 2004: 59-63]. Эта ситуация кардинальным образом изменилась после вхождения в марте 2014 г. Крыма в состав России, после чего КЕК стал являться внутренними водами РФ, что потребовало определенной ревизии ранее достигнутых соглашений.

Украинская сторона изначально настаивала на проведении линии разграничения как в Азовском море в целом, так и в Керченском проливе, в частности. Кроме того, после распада СССР Украина неоднократно настаивала на том, что именно она имеет исключительное право на использование Керчь-Еникалийского канала и определения там режима судоходства. Эти претензии неоднократно отвергались российской стороной по ряду причин. Прежде всего, КЕК был сооружен в 1874 г., когда

такой страны, как Украина, не было и в помине [Колодкин и др.: 245]. Кроме того, упор делался и на то, что КЕК должен находиться в совместном управлении РФ и Украины. Российская сторона исходила из положений морского права и учитывала, что порядка 65-80% всех судов, которые шли через КЕК, направлялись либо в порты РФ, либо из них. Подобные примеры в мировой практике существуют: например, залив Ла-Плата, управление которым осуществляет уругвайско-аргентинская комиссия; Дуврский пролив, находящийся в совместном управлении Великобритании и Франции; пролив Хуан-де-Фука, которым совместно управляют США и Канада [Суржин 2011: 204-205]. Но, как уже отмечалось выше, воссоединения с Россией Крыма сняло проблему разграничения Керченского пролива, так как теперь он, как это было до 1991 г., оказался окружен территорией одного государства – РФ. А строительство Россией Керченского моста еще и связало Крым сухопутным путем с континентальной Россией, в частности, с Таманским полуостровом.

Что касается самого Черного моря, то и здесь существовало и существует большое количество проблем во взаимоотношениях между Россией и государствами Черноморского бассейна. Для России Черное море является, прежде всего, базой сосредоточения морского флота, формирование которого начинается со второй половины XVIII в., со времени правления императрицы Екатерины II (1762-1796 гг.); оно открывает России выход в Средиземное море и в Атлантику через проливы Босфор и Дарданеллы. Но нельзя забывать, что в последнее время этот регион играет большую роль и в политике США/НАТО, прежде всего, в двух аспектах. Во-первых, оно обеспечивает им связи со своими союзниками по Альянсу (Турция, Румыния, Болгария), границы которых выходят в акваторию Черного моря, где находятся натовские базы. Во-вторых, облегчает контакты в регионе ПСП с потенциальными союзниками – Грузией и Украиной, которые все активнее вовлекаются в орбиту влияния США/НАТО и непосредственно выходят в Черноморский регион.

⁴Проект Закону про денонсацію Договору між Україною та Російською Федерацією про співробітництво у використанні Азовського моря і Керченської протоки [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56077 (дата обращения: 29.01.2019).

Есть здесь и ряд других проблем, которые объективно влияют на уровень конфликтности данного региона: до конца неразрешенная проблема делимитации морской границы между Россией и Украиной, а также между Россией и другими черноморскими государствами – Румынией, Турцией, Абхазией; непризнание Киевом юрисдикции России над водами вокруг Крымского полуострова, которые официальные украинские власти продолжают считать своими; постоянно возрастающее стремление Турции усилить контроль над судоходством через проливы. Кроме того, Черное море, попадая с точки зрения морского права, под категорию «замкнутых морей», не совсем таковым является: его связь с мировым океаном осуществляется через черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, которыми владеет Турция. Правовой режим проливов и, как следствие, режим связи Черного моря с мировым океаном, определяется Конвенцией о режиме проливов, которая была подписана 20 июля 1936 г. в швейцарском городе Монтрё и вошла в историю под названием «Конвенции Монтрё»⁵. Эта конвенция является пока единственным договором, который регулирует режим проливов. Она обеспечивает в соответствии с ним полную свободу торгового мореплавания и прохода гражданских судов и вводит одновременно с этим ряд ограничений для военных кораблей. Последнее касается, например, формального прохода через проливы авианосцев, ряда ограничений по тоннажности судов и прохода подводных лодок. Таким образом, можно констатировать тот факт, что Черное море, особенно в последнее время, становится узлом противоречий между Россией и НАТО (до этого в данном сегменте безусловная пальма первенства принадлежала Балтийскому морю).

Украину и Россию в Азовском регионе связывают и договорные обязательства. 24 декабря 2003 г. в Керчи был подписан Договор между Российской Федерацией и

Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива (РФ ратифицировала этот договор 22 апреля 2004 г.). Его суть сводилась к следующему утверждению: Азовское море и Керченский пролив исторически являются внутренними водами РФ и Украины. Суда России и Украины, проходящие через них в некоммерческих целях, пользуются полной свободой судоходства. Что касается прохода военных судов, то он должен быть согласован между двумя государствами⁶.

Но международные реалии оказались таковы, что в угоду политическим амбициям и решению своих внутренних проблем за счет переформатирования внимания граждан Украины на образ врага в лице России, нынешнее руководство Украины сознательно, рискуя жизнью и здоровьем своих моряков, пошло на обострение отношений с Россией в Азово-Черноморском регионе (АЧР).

Азовский кризис: суть и развитие. Начало инциденту, как уже было отмечено выше, положили события 25 ноября 2018 г., когда три украинских судна фактически вторглись в российские территориальные воды. За месяц до этого имели место схожие события, в ходе которых Киев как бы проводил пробу сил: два украинских судна прошли из Черного моря в Азовское. Но тогда украинские власти все-таки действовали в рамках сложившихся правил – уведомили Россию заранее и воспользовались услугами лоцманов. События конца ноября напоминали собой небольшое военное столкновение: украинские корабли в нарушении всех международных норм и двусторонних соглашений решили пробижаться в украинскую часть Азовского моря самостоятельно, намереваясь, в том числе, пройти под опорами Крымского моста, который относится к особо охраняемым объектам РФ. Итог этой «операции» хорошо известен: украинские суда были обстреляны, трое моряков ранены, получив легкие ранения конечностей, а сами суда были

⁵Конвенция о режиме проливов (Монтрё, 20 июля 1936 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=839 (дата обращения: 01.02.2019).

⁶Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901888664>.

захвачены спецназом ФСБ и отбуксированы в Керчь. Украина отправила в помощь своим судам несколько катеров из Бердянска, но они, лишь отплыв из порта, вскоре вернулись в территориальные воды Украины.

Все это сопровождалось медийным шумом в украинских и западных СМИ, а вечером 25 ноября в дело вступил и сам президент П. Порошенко, который спешно созвал Совет национальной безопасности и обороны и по его итогам объявил о намерении ввести на Украине военное положение сроком на два месяца. В какой-то мере это стало развязкой кризиса, который инициировали киевские власти, захватив 25 марта 2018 г. российское судно «Норд», несколько месяцев спустя в порту Херсона был арестован российский танкер «Механик Погодин», после чего Россия усилила досмотр украинских судов, входящих и выходящих из Азовского моря через Керченский пролив⁷.

У этих событий, которые иначе, как провокация, назвать нельзя, явно просматриваются две цели – внешнеполитическая и внутривнутриполитическая. Начнем со второй, тем более что она очень активно обсуждалась в СМИ – срыв намеченных на весну 2019 г. президентских выборов на Украине. К концу ноября 2018 г. стало совершенно очевидно, что по большинству позиций П. Порошенко проигрывает не только склонной к популистским слоганам и имеющей богатый опыт административной работы Ю. Тимошенко, но даже комику В. Зеленскому. Все ходы президента, связанные с автокефалией Украинской православной церкви (УПЦ), получением томоса и т.д. в итоге не возымели того эффекта, на который явно рассчитывали политтехнологи, с которыми консультировался П. Порошенко, т.е. поднятие его рейтинга. И провокация в Азовском море как нельзя оказалась, кстати.

Что касается внешнеполитической цели, то и она просматривается здесь доста-

точно четко – усилить и без того значимое санкционное давление Запада против России, еще больше разжечь там антироссийскую истерию. Но и здесь П. Порошенко просчитался: непосредственно Украину поддержала только Польша, призвавшая ввести новые санкции против РФ; ОБСЕ призвала к сдержанности, с крайне умеренных позиций выступила Германия, а президент США Д. Трамп заявил, что он не в восторге от произошедшего⁸. Но сами эти события на первый взгляд локального конфликта между Россией и Украиной, тем не менее, имели далеко идущие последствия.

Со своей стороны Украина постаралась возложить на Россию ответственность за инцидент. Украинские СМИ просто пестрели заголовками типа «Российский военный корабль протаранил украинский буксир в Азовском море»⁹. Официальный представитель МИДа РФ М. Захарова назвала действия Киева «морским терроризмом», а действия украинских кораблей «бандитскими»¹⁰.

Понятно, что принять решение о подобной авантюре на Украине могли, прежде всего, три человека: президент П. Порошенко, министр обороны Украины С. Полторак и начальник Генерального штаба Украины В. Муженко. Но это формально. Учитывая тот факт, что «незалежная» в последние несколько лет все больше попадает под внешнее управление, здесь явно просматривается влияние иных лиц. Прежде всего, это спецпредставитель Гос-

⁸ Лизан И. Азовский кризис [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sonar2050.org/publications/azovskiy-krizis/> (дата обращения: 03.02.2019)

⁹ См., напр.: Российский военный корабль протаранил украинский буксир в Азовском море [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.tsn.ua/ukrayina/rossiyskiy-voennyu-korabl-protaranil-ukrainskiy-buksir-v-azovskom-more-1254816.html> (дата обращения: 03.02.2019)

¹⁰ ФСБ сообщило о задержании трех кораблей ВМС Украины [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ria.ru/world/20181126/1533479576.html?referer_block=index_main_1; Захарова назвала действия украинских кораблей бандитскими [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20181125/1533478598.html?inj=1> (дата обращения: 04.02.2019).

⁷ Захват судна «Норд»: Украине отрежут выход к морю [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ruspravda.info/Zahvat-sudna-Nord-Ukraine-otrezhut-vihod-k-moryu-31604.html> (дата обращения: 03.02.2019).

депа США по Украине К. Волкер, уже зарекомендовавший себя рядом антироссийских высказываний и играющий на Украине роль своеобразного «хозяина», к которому явно прислушиваются киевские власти. Но он в данном случае далеко не одинок. Еще более примечательной фигурой является отставной генерал вооруженных сил США Джон Филип Абизайд, получивший даже за глаза прозвище «Безумный Араб». Этот обладатель Ордена Австралии и бывший глава Центрального командования США (CENTCOM), имеет богатый послужной список – контролировал проведение военных операций в 27 странах, начиная с Африканского Рога, Аравийского полуострова и заканчивая Южной и Центральной Азией. Под командованием Абизайда находилось порядка 250 тыс. американских военнослужащих; известен он еще и тем, что командовал американским вторжением в Гренаду, руководил операциями в Боснии, Косово и Ираке. Генерал в свое время возглавлял и одну из военных академий США и единственный в стране вуз сухопутных войск – Вест-Пойнт (West Point). Послужной список этого офицера можно продолжать и дальше, но он, в любом случае, впечатляет. Кроме того, он имеет 4 звезды, по классификации нашей армии – генерал армии, в США – высший воинский чин. Касаемо рассматриваемой проблемы, примечательно то, что Д. Ф. Абизайд был направлен США в качестве советника министра обороны Украины С. Полторака. Есть и другие советники у киевских властей, главным образом, американские и британские. А встречи представителей вооруженных сил Украины и Соединенного Королевства вообще стали доброй традицией. Так, в ноябре 2018 г., за несколько дней до провокации в Керченском проливе, замминистра обороны Украины по европейской интеграции генерал-лейтенант А. Петренко и командующий военно-морскими силами (ВМС) адмирал И. Воронченко посетили базу королевских ВМС в Портсмуте, а в это же время министр обороны Украины С. Полторак встречался в Лондоне с начальником штаба обороны Великобритании генералом Н. Картером и госсекре-

тарем по вопросам обороны Великобритании Г. Уильямсоном (что касается последнего, то именно он в сентябре 2018 г. во время визита на Украину пообещал разместить английских морпехов в Одессе, а патрули королевского флота – в Черном море)¹¹. Таким образом, иностранный след в мероприятии, организованном Киевом в Керченском проливе, виден невооруженным взглядом.

Далее события развивались по заранее намеченному сценарию. Ночью 25 ноября 2018 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины (СНБО) принял решение о введении в стране военного положения сроком на 60 дней. Одновременно СНБО, даже не дожидаясь решения по этому вопросу Верховной Рады, распорядился привести в полную боевую готовность вооруженные силы (ВСУ) и Службу безопасности (СБУ). С утра 26 ноября Россия восстановила судоходство под Крымским мостом и в Керченском проливе, которое после инцидента было временно приостановлено. П. Порошенко потребовал от России вернуть корабли и их экипажи, задержанные после инцидента и отшвартованные в порт Керчи¹². Что касается команд с трех украинских кораблей, то суды Керчи и Симферополя арестовали их на два месяца за нарушение государственной границы РФ.

Последствия кризиса и реакция мирового сообщества. Достаточно резкую оценку произошедшего инцидента и действиям киевских властей дал президент РФ В. Путин. Выступая на инвестфоруме ВТБ Капитал «Россия зовет» глава российского государства, в частности, отметил: «Что касается инцидента на Черном море: это провокация, безусловно, которая органи-

¹¹ Самойленко Д. Кто надумил Киев на керченскую провокацию? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://odnarodyna.org/content/kto-nadoumil-kiev-na-kerchenskuyu-provokaciyu> (дата обращения: 05.02.2019).

¹² «Экспромт» Киева в Черном море оказался заранее спланированным – обзор событий [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.fondsk.ru/news/2018/11/26/eksprompt-kieva-v-chernom-more-okazalsja-zaraneesplanirovannym-obzor-sobytij-47189.html?print](https://www.fondsk.ru/news/2018/11/26/eksrompt-kieva-v-chernom-more-okazalsja-zaraneesplanirovannym-obzor-sobytij-47189.html?print) (дата обращения: 05.02.2019).

зована действующей властью, в том числе президентом действующим в преддверии президентских выборов на Украине в марте следующего года». А наличие среди членов экипажа двух сотрудников СБУ, по словам президента, является явным признаком «заготовленной заранее провокации, рассчитанной именно на то, чтобы воспользоваться этим как предлогом для того, чтобы ввести военное положение в стране»¹³. Российский президент напомнил, что когда в 2014 г. Крым вернулся в состав России, а на востоке Украины началась фактически гражданская война, Киев военного положения не вводил¹⁴. И это явно подчеркивает факт именно сознательной провокации, чтобы сорвать на Украине выборы президента. Тем более, что рейтинги П. Порошенко в стране настолько низки, что он может даже не выйти во второй тур.

Позицию по данному конфликту «коллективного Запада», прежде всего США, НАТО и ЕС, наиболее четко сформулировал Специальный представитель Государственного департамента США по вопросам Украины К. Волкер. В частности, по словам американского дипломата, у Запада есть долгосрочная стратегия усиления Украины, которая подразумевает поддержку в стране реформ, экономики, информационного пространства, кибербезопасности, обороны и военных закупок. Кроме того, К. Волкер безапелляционно обвинил Россию в агрессии в отношении Украины. «Изображение этого конфликта как российско-американского ничего не даст России. Это не так. Это агрессия России против Украины. И это то, что влияет на всю Европу». США, НАТО и их партнеры в ЕС работают над совместным «трансатлантическим ответом на агрессию

России»; предусматривается и оказание военной помощи Украине в 2019 г., что найдет соответствующее отражение в американском бюджете¹⁵. Таким образом, если верить словам К. Волкера, США явно планируют вернуться сами и склонить к этому своих союзников к худшим временам «холодной войны», повторить основные постулаты, изложенные в знаменитой Фултонской речи У. Черчилля 1946 г., только перевести их на качественно новый уровень.

США предприняли и практические шаги. В начале января 2019 г., впервые после инцидента в Керченском проливе, десантный корабль ВМС США FortMcHenry направился в Черное море в целях обеспечения безопасности и укрепления прочных отношений с союзниками по НАТО и партнерами в регионе, о чем заявило командование 6 флота США и, в частности, его командующая вице-адмирал Л. М. Франчетти¹⁶. Необходимо напомнить, что в 2018 г. подобные маневры американских кораблей в акватории Черного моря осуществлялись неоднократно.

Возвращаясь к международным последствиям керченского инцидента, необходимо отметить, что он вызвал серьезный международный резонанс. Запад, что и следовало ожидать, единым фронтом встал на сторону Украины, а Россию обвинил в агрессивных действиях. По инициативе России и Украины 26 ноября 2018 г. был срочно созван Совет Безопасности ООН, члены которого не приняли повестку дня, предложенную РФ, «по нарушению Украиной российских границ». Семь стран, прежде всего, США и Великобритания, проголосовали против, четыре страны воздержались, Россию поддержали Китай, Казахстан и Боливия. Великобритания обви-

¹³ Путин назвал Керченский конфликт провокацией Порошенко накануне выборов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/639832> (дата обращения: 07.02.2019).

¹⁴ Путин впервые прокомментировал инцидент в Керченском проливе [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://iz.ru/817702/2018-11-28/putin-pervyye-prokommentiroval-intsident-v-kerchenskom-prolive?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 07.02.2019).

¹⁵ Родионов Д. Керченская провокация: США снова накажут Москву и усилят Киев [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://svpressa.ru/war21/article/220157/> (дата обращения: 08.02.2019).

¹⁶ Мосалов Г. «Для укрепления отношений с союзниками по НАТО»: десантный корабль ВМС США направился в Черное море [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/590076-korabl-shha-chyornoe-more> (дата обращения: 08.02.2019).

нила Россию в стремлении получить полный контроль над Азовским морем, а Франция назвала конфликт прямым следствием «аннексии Россией Крыма». Поддержку официальному Киеву высказал также Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, эта же идея была озвучена в заявлении ЕС¹⁷. 24 января 2019 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПА-СЕ) приняла резолюцию по инциденту в Керченском проливе, в которой содержался призыв не обострять ситуацию, освободить всех задержанных Россией моряков, а в пролив направить группу международных наблюдателей¹⁸. Россия, что было абсолютно ожидаемо, текст этой резолюции восприняла отрицательно.

С 26 ноября по 26 декабря в десяти областях Украины действовал режим чрезвычайного положения, который не только ни улучшил ситуацию в стране, но еще больше обострил отношения Украины и России. С начала этого года на Украине стартовала предвыборная президентская гонка, в ходе которой П. Порошенко активно разыгрывает антироссийскую карту и опять стремится использовать керченский инцидент для поднятия своих шансов в итоге избирательной кампании.

Кризис в Керченском проливе стал одним из наиболее серьезных после 2014 г. в отношениях России и Украины. Имея полную поддержку со стороны Запада, украинские власти и в дальнейшем, безусловно, будут пытаться провоцировать подобные конфликтные ситуации, и маловероятно, что эта политическая линия претерпит серьезные изменения после президентских выборов, которые Верховная Рада Украины назначила на 31 марта 2019 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев В.Я. К вопросу правового статуса Азово-Керченской акватории.

¹⁷Писня Н., Горяшко С. Инцидент в Керченском проливе: Запад поддержал Украину в новом витке конфликта с Россией [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/amp/features-46350537> (дата обращения: 09.02.2019).

¹⁸ПАСЕ приняла резолюцию по Азову: о чем идет речь в документе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-46990399> (дата обращения: 10.02.2019).

Морские вести России, 2016, № 8, с. 10-11.

2. Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. Москва, Статут, 2007. 637 с. С. 245.
3. Суржин А.С. Международно-правовой режим Черного моря (включая Азово-Керченскую акваторию и Черноморские проливы). Дисс. канд.юр.наук. Москва, РУДН, 2011. 239 с. С. 204-205.
4. Теория и практика морской деятельности. Вып.2. Реферативный очерк. Москва, СОПС РАН, 2004. 168 с. С. 59-63.

Сведения об авторе: Малышев Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, доцент факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова (e-mail: dimal.68@mail.ru).

REFERENCES

1. Vasil'ev V.Y. K voprosu pravovogo statusa Azovo-Kerchenskoi akvatorii. Morskievesti Rossii, 2016, № 8, ss. 10-11.
2. Kolodkin AL., Gutsulyak V.N., Bobrova Y.V. Mirovoi okean. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim. Osnovnye problemy. Moskva, Statut, 2007. 637 s. S. 245.
3. Surzhin A. S. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim Chernogomorya (vklyuchaya Azovo-Kerchenskuyu akvatoriyu i Chernomorskie prolivy). Diss.kand.yur.nauk. Moskva, RUDN, 2011. 239 s. S. 204-205.
4. Teoriya i praktika morskoi deyatel'nosti. Vyp.2. Referativnyi ocherk. Moskva, SOPS RAN, 2004. 168 s. S. 59-63.

About the author: Malyshev Dmitry Valerievich — Candidate of Historical Sciences, leading researcher in the Centre for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relation, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dimal.68@mail.ru).

**УКРАИНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТРЕНДЫ: ОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ
МЕТОДОЛОГИЮ GOOGLE TRENDS
И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
Г. ЛЕБОНА**

С.Н. Федорченко

Московский государственный областной
университет, Москва, Россия

Аннотация. Целью статьи является изучение украинских политических трендов через возможности новых методов в рамках существующих концептов. Автором применяется прием ансамблирования (ensembling), когда сочетаются различные методологические подходы и теоретические модели, в данном случае – анализ больших политических данных (Political Big Data) Украины и концепт политического управления Густава Лебона. Показано, что изучение политических трендов в виде популярных запросов интернет-пользователей способно помочь политологу, во-первых, выявить существующие проблемы украинских регионов, во-вторых, прогнозировать популярность/непопулярность кандидата, партии, конкретной политики власти в этих самых регионах. Согласно авторскому выводу, политические тренды невозможно понять без учета их каузального механизма. Концепт политического управления Г. Лебона как раз позволяет анализировать массовое сознание, политическую культуру украинцев, на которые пытаются воздействовать политтехнологи и их заказчики посредством приемов утверждения, пропаганды и заражения. Обнаружено, что Лебон предвидел важную роль политического дискурса, который может изменить значение некоторых понятий, слов в обществе и заложить тренды делегитимации политического режима.

Ключевые слова: Big Data, Украина, методология, Google Trends, политические тренды, Г. Лебон, выборы, электорат, политические технологии, Интернет.

**UKRAINIAN POLITICAL TRENDS:
UNDERSTANDING THROUGH THE
GOOGLE TRENDS METHODOLOGY
AND CONCEPTUAL HERITAGE OF
G. LEBON**

S.N. Fedorchenko

Moscow State Region University
Moscow, Russia

Abstract. The aim of the article is to study Ukrainian political trends through the possibility of new methods within the existing concepts. The author applies the technique of ensemble, when different methodological approaches and theoretical models are combined, in this case – psychometric analysis of Political Big Data of Ukraine and the concept of political governance by Gustav Lebon. It is shown that the study of political trends in the form of popular requests of Internet users can help the political scientist, firstly, to identify the existing problems of the Ukrainian regions, and secondly, to predict the popularity/unpopularity of the candidate, the party, a particular policy in these very regions. According to the author's conclusion, political trends cannot be understood without taking into account their causal mechanism. The concept of political governance G. Lebon just allows you to analyze the mass consciousness, political culture of Ukrainians, who are trying to influence political strategists and their customers through the methods of approval, propaganda and infection. It is found that Lebon foresaw the important role of political discourse, which can change the meaning of some concepts, words in society and lay the trends of delegitimization of the political regime.

Key words: Big Data, the Ukraine, methodology, Google Trends, political trends, G. Lebon, elections, electorate, political technologies, Internet.

Big Data и теория Густава Лебона. В силу столкновения геополитических интересов, внутреннего политического и социально-экономического кризиса современная Украина превратилась в своего рода экспериментальный полигон по апробации различного рода политических технологий и манипуляций. Политологическое исследование

дование процессов, происходящих в этой постсоветской стране, является стратегической необходимостью для России. Нестабильность политической системы, процессы децентрализации, связанные с интересами местных элит, гражданская война на Востоке Украины, а также серьезные отличия политической культуры восточных, центральных и западных регионов страны создают определенные сложности для глубокого и объективного анализа сложившейся в ней ситуации. Между тем выявление электоральных предпочтений – принципиально важная задача для современного политолога [Ильиных А.В., Ярулин И.Ф. 2018: С. 21-32]. Без этого невозможно грамотно понять причины и последствия геополитической декомпозиции Украины, а главное – вывести данную постсоветскую страну из опасно затянувшегося кризиса.

Рассуждая системно, необходимо назвать ряд важнейших причин, препятствующих аналитическому осмыслению украинского политического процесса. Во-первых, если принять за основу тезис, согласно которому нынешний украинский кризис – это цепная реакция после демонтажа Советского Союза, то нужно учитывать фактор геополитических кодов США, продолжающих после «холодной войны» активно вмешиваться не только в межгосударственные дела постсоветских стран, но и в их внутривнутриполитическое положение. Отсюда возникает проблема надежности метода социологических опросов населения. Вашингтон, не желая здесь возрождения геополитического влияния Москвы, ведет с ней информационное противоборство, используя медийные механизмы формирования массового сознания среди украинского населения, в том числе среди местной элиты. Ведь традиционное присутствие воинских контингентов – довольно затратная и спорная в легитимном плане процедура, поэтому остается влияние через дипломатические контакты, информационное воздействие посредством традиционных медиа (телевидение, радио, пресса), новых медиа (социальные сети, форумы, мессенджеры, тлоги, микроблоги, блоги и авторитетные блогеры, видеохо-

стинги и видеоблогеры). Во-вторых, условия военного конфликта на Востоке Украины также затрудняют для исследователя сбор информации путем традиционного социологического анкетирования. Следовательно, кроме соцопросов политологу необходим дополнительный методологический инструментарий, чтобы лучше понять политическое положение Украины.

Западная политическая наука переживает важную методологическую революцию. С одной стороны, американские и европейские политологи стремятся к большей объективности данных, с другой – они стали переориентироваться с традиционных научных методов (социологический опрос, интервьюирование) на психометрические методы. Последние обрели популярность в западной политической науке сравнительно недавно, с начала 2000-х гг., когда в сегмент социальных наук стали проникать методологические оптики, направленные на выявление и анализ так называемых «больших данных» – Big Data.

Большие данные означают довольно крупные информационные массивы в основном двух типов – online или offline. Если с последними (отчеты учреждений, ведомств, статическая информация) возникают сложности в плане доступности, отсутствия единой базы и сплошной оцифровки, то с первыми ситуация сдвинулась кардинальным образом. Как правило, это данные клубных, потребительских карт клиентов, а также сведения, которые можно получить из интернет-коммуникаций, попытавшись обработать с помощью специальной компьютерной программы. Какие же это сведения? В первую очередь это цифровые следы, оставляемые человеком при чтении контента – комментарии на форумах, блогах, лайки и эмодзи в социальных сетях и их социальных сообществах, журналы просмотров сайтов и каналов на видеохостингах.

Категорией Big Data в номере журнала Nature за 2008 г. было предложено называть специальные методы и инструменты по обработке крупных объемов информационного контента и презентации его в понятном заказчику виде. В 2012 г. М. Ко-

сински, сотрудник Центра психометрии Кембриджского университета, выяснил, что достаточно всего лишь 68 лайков в сети Facebook, чтобы определить цвет кожи изучаемого человека (в 95% случаях), его гомосексуальность (88%), а также приверженность к Республиканской либо Демократической американской партии (85%). В итоге подобной процедуры выявляются и анализируются психометрические портреты пользователей [Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. 2016: P. 493-506]. Следовательно, чтобы попытаться спрогнозировать украинские политические процессы или политические процессы любой другой страны, необходимо проводить комплексные научные исследования, подразумевающие параллельное применение разных научных методов:

- классических социологических опросов (с репрезентативной выборкой начиная от 1000 - 1500 человек опрошенных граждан);

- фокус-групп (7-10 граждан);

- экспертных интервью (количество опрашиваемых экспертов зависит от степени изученности научной проблемы в академической политологии, социологии и характера исследовательских задач);

- психометрических замеров на основе методологических оптик, изучающих большие данные (к примеру, Google Trends может обрабатывать огромное количество поисковых запросов).

В случае, если, к примеру, при комплексном политологическом исследовании украинских политических процессов различные методологические оптики (психометрия больших данных, соцопросы, фокус-группы и экспертные интервью) приводят в чем-то к схожим результатам, следовательно, политолог приближается к сути научной проблемы. Благодаря комплексному исследованию становится возможным лучше понять текущую динамику политических процессов [Володенков С.В. 1999: С. 36-47] такой страны как Украина.

Необходимо учитывать тот факт, что современный человек живет в условиях активно развивающегося сетевого общества. Цифровизация социально-экономических процессов и политического

универсума заставляет политических субъектов (группы интересов, политические лидеры, государства, партии, элиты, политконсультанты) применять технологии манипулятивного воздействия по отношению к политическим объектам (граждане, целевые аудитории, социальные слои) через интернет-коммуникации. На основании психометрического портретирования индивидов можно создать внушительную базу потенциальных сторонников либо противников кандидата на предстоящих выборах. В этот психометрический портрет интернет-пользователя войдут те или иные потребительские предпочтения, в том числе и политические взгляды. И, так как с развитием Интернета появились огромные массивы данных, то политические субъекты стали ориентироваться не только на традиционные социально-демографические приемы изучения общественного мнения, но и более инновационные методики сбора и анализа больших политических данных (Political Big Date) целевых аудиторий электоральных масс. В принципе, используя такого рода массивы данных, вполне реально выявить определенные тенденции в развитии того или иного общества конкретной страны.

Несмотря на безусловную инновационность больших данных в методологии политической науки, такая специфическая и перспективная область для прогнозирования как политические тренды стала осмысливаться еще в конце XIX веке французским социологом, психологом и антропологом Густавом Лебоном. Труды Лебона на полном серьезе представляют собой практическое руководство по управлению массовым сознанием, сравнимые по своей значимости с работами Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Дж. Ботеро, Ф. Гвиччардини, Ж. Бодена, М. Вебера, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Кожева, К. Шмитта, К. Юнга, М. Фуко, А. Камю, У. Эко, Э. Фромма, Н. Лумана, Г. Лассуэлла, М. Кастельса и других авторов, затрагивающих фундаментальную проблематику политических манипуляций. Достаточно привести в качестве примера тот факт, что Г. Лебон, проводя детальный анализ толпы, обращал внимание на следующие ее признаки: из-

менчивость, импульсивность, раздражительность; легковерие и податливость; односторонность чувств и преувеличение; консерватизм, авторитетность и нетерпимость; нравственность (значимость ценностей и традиций). Подобный перечень хорошо объясняет современные политические тренды, существующие в сетевых коммуникациях Интернета. В данной статье будет применен прием ансамблирования (ensembling) [Ын А., Су К. 2019: С. 138], когда сочетаются различные методологические подходы и теоретические модели, в данном случае – психометрический анализ больших политических данных (Political Big Data) Украины и концепт политического управления Густава Лебона.

Политические тренды можно выявлять исходя из существующего политического дискурса, который складывается из конкретных распространенных политизированных слов, употребляемых гражданами в комментариях, хэштегах, мемах, месседжах, заголовках контента популярных сайтов, блогов, форумов, тлогов, каналах видеохостингов. Политизированный контент употребляется и журналистами на сайтах телеканалов, газет, радио. Тогда как политизированный контент, управляемый массовым сознанием, выводит нас на актуальную проблему конструирования политической повестки. По глубокому замечанию Лебона, «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу» [Лебон Г. 2018: С. 270-271]. Кстати, здесь фактически мы видим предсказание тесной связи и роли двух элементов современного политического интернет-дискурса – хэштегов и мемов (слова и образы в лебоновской интерпретации). Книга Лебона «Психология масс» была написана аж в 1895 году, однако уже в ней он делает настоящие прозрения и отмечает, что словами, влияющими на политические предпочтения масс, могут стать такие неоднозначные категории как «демократия», «свобода», «равенство».

Примечательно, что Лебон указывает на непостоянство интерпретации политических слов в различные времена и у разных народов. Он советует, что если актору нужно воздействовать подобного рода словами на толпу, то он должен знать, что они означают на данный момент для индивидов. Удивительно, но Лебон буквально предрек важную роль политического дискурса в Интернете, который может изменить значение некоторых слов и заложить тренды делегитимации политического режима: «...Когда после разных политических переговоров и перемен религиозных верований в толпе возникает глубокая антипатия к образам, вызываемым известными словами, то первой обязанностью настоящего государственного человека должно быть изменение слов». [Лебон Г. 2018: С. 274]. Не случайно Лебон отмечает, что важно буквально ежеминутно предусматривать те чувства в массах, которые интересант сам породил в их среде.

Лебон в своих работах («Психология народов» и «Психология масс») использует довольно специфический термин «душа толпы», который можно приблизительно связать с феноменом, представляющим нечто общее между массовым сознанием и политической культурой. Лебон пишет, что именно эта «душа толпы» влияет на характер политических учреждений (политических режимов), включая сеть верований, традиций, привычек и мнений, управляющих людьми. Как видно, уже Лебон использует в анализе политических явлений сетевой подход [Лебон Г. 2018: С. 316-319]. Важно отметить, что Лебон фактически предлагает свой концепт политического управления, используя категории «утверждения», «повторения» (пропаганды) и «заражения». Рассмотрим эту теоретическую модель более досконально – ведь она тесно связана с политической практикой трендов.

Во-первых, представляет интерес лебоновская трактовка политической технологии убеждения. Согласно Г. Лебону, чем проще и более бездоказательно утверждение, тем лучше проникает какая-либо идея в «душу толпы». При этом, делая поправку на эпоху, в условиях которой писал Лебон

(отсутствие современных сетевых коммуникаций), технология утверждения сейчас может вполне применима и к явлению политических трендов, подразумевающих целый комплекс простых политизированных слов, политических месседжей, политических хэштегов, мемов в интернет-коммуникациях, традиционных массмедиа, популярных в конкретный временной интервал, определяющих текущую политическую повестку и влияющих на массовое сознание (и, гипотетически – воздействующих на трансформацию политической культуры, но за более длительные хронологические рамки).

Во-вторых, лебоновская политическая технология повторения на деле подразумевает типичные пропагандистские приемы, так популярные в современных сетевых коммуникациях Интернета: «...часто повторяемая идея в конце концов врезается в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков» [Лебон Г. 2018: С. 294]. Действительно, если стоит задача применять таргетированную микроцелевую политическую пропаганду в Интернете, к примеру, для убеждения электората отдать свои голоса за кандидата или партию, то требуется целый комплекс мер. Так, для начала важно знать, каковы политические предпочтения у конкретной целевой аудитории. В сложной политической ситуации такой страны как Украина поможет разобраться комплексное политологическое исследование с различными методологическими оптиками (психометрия больших данных, соцопросы, фокус-группы и экспертные интервью). После выявления пула проблем и политических предпочтений конкретной целевой аудитории разрабатывается соответствующий политический контент (хэштеги, месседжи, слоганы, мемы, видеоролики, рингтоны, рекламные тизеры и плизеры, обзорные статьи и т.п.).

В-третьих, политическая технология заражения, описанная Лебоном, означает, что после многократного повторения какая-либо идея начинает распространяться эмоциональным образом путем подражания чему-либо [Лебон Г. 2018: С. 294-297]. В этом случае мы как раз и начинаем стал-

киваться с таким феноменом как политические тренды, которые означают совокупность поисковых запросов, политических хэштегов, политических мемов, названий заголовков контента, статей, используемых блогерами и журналистами. Российский исследователь С.В. Володенков пишет: «...активное использование таких инструментов цифровой стигматизации, как мемы и хэштеги позволяет придать новые смысловые значения даже изначально нейтральной информации (вспомним, например, хэштеги #госдура и #взбесившийся принтер, #партия жуликов и воров и т.д.)» [Володенков С.В. 2018: С. 1-8]. Эти слова подтверждаются исследованиями Д.С. Жукова, который пришел к выводу, что «...одним из факторов, ответственных за возникновение лавин в сетях, является склонность пользователей делать репосты трендовых – наиболее популярных – сообщений. В результате возникает петля обратной связи: сообщение набирает популярность, поскольку оно репостится, а репосты делаются, потому что сообщение популярно...» [Жуков Д.С. 2018: С. 18-40].

Однако Д. Жуков предупреждает, что множество «...трендовых сообщений, каждое из которых имеет все возможности занять все инфопространство, конкурируют друг с другом за внимание пользователей. И в ходе такой конкуренции те или иные сообщения достигают разной степени успеха, пока одно из них не захватит внимание всех. Это происходит просто в силу критического состояния системы...». Лебон, описывая явление «избирательной толпы», фактически говорит о дискурсивных практиках воздействия на целевую аудиторию [Лебон Г. 2018: С. 348-349]. Он пишет, что современные дискуссии приводят к оспариванию прежних истин, мнений и ценностей, а преувеличенные предвыборные обещания ни к чему не обязывают, поэтому политические лидеры вынуждены льстить массам, чтобы произвести на них впечатление.

Политические тренды Украины

Фактор «больших политических данных» открыл новые перспективы для анализа политических трендов. Если выявить, к примеру, конкретные политические

тренды Украины, то можно попытаться изучить электоральные предпочтения граждан, спрогнозировать итоги предвыборной гонки, проводить регулярный мониторинг общественного мнения. Не так давно корпорация Google разработала интересное web-приложение Google Trends, которое помогает исследовать объемы поисковых запросов в сравнительном ключе по нескольким поисковым словам, аббревиатурам или фразам [Стивенс-Давидовиц С. 2018: С. 23]. Данный ресурс способен помочь современному политологу выявить новостной контент, пересекающийся с конкретными поисковыми словами (фразами).

Но главное, что дает Google Trends, – это корреляция переменных [Calahorra L., Seithe M. 2014: P. 1-25]. Все итоги анализа представляются в графике, показывающем особенности влияния новостей на возникновение топовых поисковых запросов. К примеру, политические поисковые запросы украинцев можно анализировать через популярные в их среде политизированные слова (фамилии политиков, названия партий, стран, заголовков топовых новостных тем и т.п.). Итак, какие политические тренды Украины можно выявить и анализировать через инструментарий Google Trends?

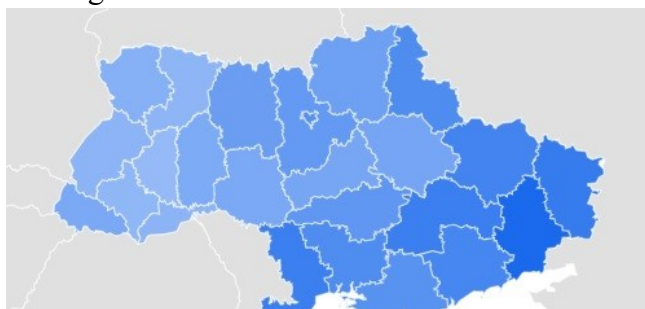
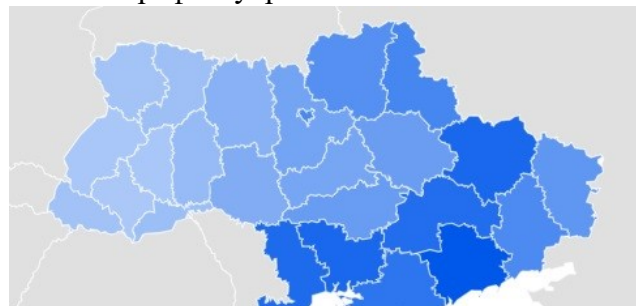

Рис. 1. Политическая география украинских поисковых запросов по слову «конфликт»

Анализ больших данных украинских политических трендов проводился автором в январе 2019 г.¹ Полученные тренды были ограничены одним годом. Методология сбора больших данных через ресурс

¹ Google Trends. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://trends.google.com/trends/explore?geo=UA> (дата обращения: 10.01.2019).

Google Trends предполагает, что поисковым запросам присваиваются баллы от 0 до 100. При этом 100 баллов дается украинскому региону с наибольшим объемом популярности запроса (на рисунке выглядит как темно-синий цвет). Если баллов меньше, то это означает, что уровень популярности запроса в этом регионе Украины также меньше (светло-синий цвет на рисунке). На рисунке 1 видна политическая география украинских поисковых за-

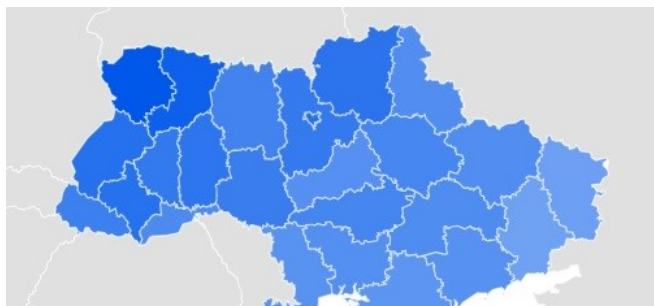
просов по слову «конфликт». Из графики понятно, что политический тренд конфликта больше всего волнует население на Востоке Украины (Донецкая область – 85, Луганская область – 69, Днепропетровская область – 67 баллов).

Рис. 2. Политическая география украинских поисковых запросов по слову «военное положение»

На рис. 2 видно, что политический тренд разрастания военного положения больше всего беспокоит не жителей ДНР и ЛНР (там конфликт идет давно), а украинских граждан соседних с ним юго-восточных регионов (Запорожская область – 100, Харьковская область – 81, Одесская область – 79, Николаевская область – 77, Днепропетровская область – 69, Донецкая область – 49 и Луганская область – 44 балла).

Интересно, что тема «томоса» серьезно взволновала украинцев западных и отчасти центральных регионов страны (Волинская область – 100, Ровенская область – 91, Ивано-Франковская область – 85, Львовская область – 82, Киевская область – 82). Это свидетельствует о том, что у жителей западных регионов страны есть своя идентичность и им интересно все то, что может породить дополнительный раскол на Украине (рис. 3). З. Бжезинский был прав, когда писал, что Россия испытала геополитических шок после провозглашения на

Украине независимости, однако он не совсем корректен, когда видит сохранение суверенитета Украины лишь в отрыве от России – в сближении с Центральной Европой, Европейским союзом и НАТО [Бжезинский З. 2018: С. 212]. Проблема гораздо сложнее – ведь политическая сборка Украины имеет серьезную этноконфессиональную и региональную специфику. Г. Лебон давно отмечал, что именно «душа народа» (ценности, традиции, цивилизация) определяет политиче-

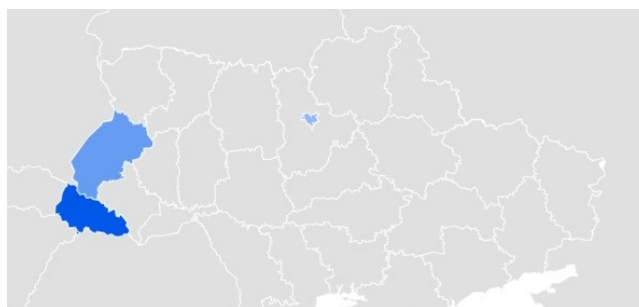

скую надстройку (учреждения), а вовсе не наоборот [Лебон Г. 2018: С. 10]. Об этой особенности пишут и современные авторы [Абрамов А.В. 2017: С. 136-148].

Рис. 3. Политическая география украинских поисковых запросов по слову «томос»

Как свидетельствуют другие исследования, сохраняющееся этноконфессиональное разнообразие, сложившееся исторически на Украине, приняло форму внутреннего разобщения, а также усилилось интересами местных элит, олигархических кланов и вмешательством внешнеполитических акторов (что, наблюдается во многих странах со схожей моделью политической сборки). Иногда говорят даже не о «балканизации», а «латиноамериканизации» Украины [Курылев К.П., Мачавариани Г.Г. 2017: С. 101-122]. Действительно, анализ Бжезинского не учитывает давление исторического фактора в современной политической географии Украины. Западные и центральные регионы сегодняшней Украины (к примеру, территории Галицко-Волынского княжества) после краха Киевской Руси и монгольского вторжения отошли к Литве, потом к Речи Посполитой, позже – к Австрийской империи. В них определенное распространение получил католицизм. Восточно-украинские регионы и ряд центрально-украинских террито-

рий геополитически тяготели к Московскому царству, затем к Российской импе-

рии. Местная идентичность всегда связывалась с Россией через ценностную память об общей Руси, схожую культуру и православие. Поэтому исключать Россию из судьбы Украины полностью бессмысленно.

Рис. 4. Политическая география украинских поисковых запросов по слову «русини»

Актуальность трендов политической регионализации понятна на примере проблемы русинов (кстати, данный этномим также отсылает к единству Русского мира и исторической Руси). Так, если набрать их самоназвание «русини» (см. рис. 4), то локализация интереса к этой проблеме больше всего проявляется именно в западно-украинских регионах (Закарпатская область – 100, Львовская область – 42 балла).

Выводы

Делая выводы, важно подчеркнуть, что в сложной политической ситуации такой страны как Украина поможет разобраться комплексное политологическое исследование с различными методологическими оптиками (психометрия больших данных, соцопросы, фокус-группы и экспертные интервью). Конечно, размер данной статьи не позволяет попробовать совместить данные социологических опросов и других замеров с результатами Google Trends, однако изучение политических трендов в виде популярных запросов интернет-пользователей способно помочь политологу, во-первых, выявить существующие проблемы украинских регионов, во-вторых, прогнозировать популярность/непопулярность кандидата, партии, конкретной политики в этих самых регионах. Подобным образом, к примеру, медицинские работники используют большие

данные для прогнозирования разрастания эпидемии в различных регионах.

Но политические тренды невозможно понять без учета их каузального механизма. Ведь так называемые топовые поисковые запросы, выявленные с помощью инструментов наподобие Google Trends, во все не исключают манипулятивной, искусственной их природы формирования. Вместе с тем, если понимать под политической повесткой управление массовым сознанием целой страны через конструирование нужных политическим субъектам политических трендов, то полностью отделить манипуляцию от так называемого общественного мнения совершенно невозможно. Концепт политического управления Г. Лебона как раз позволяет анализировать массовое сознание, политическую культуру украинцев (их «душу толпы»), на которые пытаются воздействовать политтехнологи и их заказчики посредством приемов утверждения, повторения (пропаганды) и заражения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов А.В. К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества //Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №3. С. 136-148.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. /Пер. с англ. О. Уральской. М.: АСТ. 2018. 384 с.
3. Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций //Журнал политических исследований. 2018. Т.2. №3. С. 1-8.
4. Володенков С.В. Модели динамики политических процессов в условиях переходного периода //Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1999. № 6. С. 36–47.
5. Жуков Д.С. Прерывистый эквilibrium: как самоорганизованная критичность в Сети влияет на политическую повестку дня //Журнал политических исследований. 2018. Т.2. №4. С. 18-40.
6. Ильиных А.В., Ярулин И.Ф. Электоральные предпочтения молодежи на выборах Президента Российской Федерации

//Журнал политических исследований. 2018. Т.2. №3. С. 21-32.

7. Курылев К.П., Мачавариани Г.Г. Развитие отношений между докризисной Украиной и странами Латинской Америки //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №3. С. 101-122.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. /Пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М.: АСТ. 2018. 384 с.
9. Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все. Пер. с англ. Л.И. Степановой. М.: Эксмо. 2018. 384 с.
10. Ён А., Су К. Теоретический минимум по Big Data. Все, что нужно знать о больших данных. /Пер. с англ. А.В. Тимохин. СПб.: Питер. 2019. 208 с.
11. Calahorrano L., Seithe M. Analysing Party Preferences Using Google Trends //CESifo Working Paper. 2014. №4631. P. 1-25.
12. Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes //Psychological Methods. 2016. Vol. 21. №4. P. 493-506.

Сведения об авторе: Федорченко Сергей Николаевич – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (sn.fedorchenko@mgou.ru).

REFERENCES

1. Abramov A.V. K voprosu o duhovnyh regulyatorah politicheskoy zhizni sovremennogo rossijskogo obshchestva //Zurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T. 1. №3. S. 136-148.
2. Bzhezinskij Z. Velikaya shahmatnaya doska. /Per. s angl. O. Ural'skoj. M.: AST.2018. 384 s.
3. Volodenkov S.V. Massovaya kommunikaciya i obshchestvennoe soznanie v usloviyah sovremennyh tekhnologicheskikh transformacij //Zurnal politicheskikh issledovaniy. 2018. T.2. №3. S. 1-8.
4. Volodenkov S.V. Modeli dinamiki politicheskikh processov v usloviyah perekhodnogo perioda //Vestnik Mos-

- kovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 1999. № 6. S. 36–47.
5. ZHukov D.S. Preryvistyj ehkvilibrium: kak samoorganizovannaya kritichnost' v Seti vliyaet na politicheskuyu povestku dnya //Zurnal politicheskikh issledovanij. 2018. T.2. №4. S. 18-40.
6. Il'inyh A.V., Yarulin I.F. Elektoral'nye predpochteniya molodezhi na vyborah Prezidenta Rossijskoj Federacii //Zurnal politicheskikh issledovanij. 2018. T.2. №3. S. 21-32.
7. Kurylev K.P., Machavariani G.G. Razvitie otnoshenij mezhdru dokrizisnoj Ukrainoj i stranami Latinskoj Ameriki //Zurnal politicheskikh issledovanij. 2017. T.1. №3. S. 101-122.
8. Lebon G. Psihologiya narodov i mass. /Per. s fr. EH. Pimenovoj, A. Fridmana. M.: AST. 2018. 384 s.
9. Stivens-Davidovic S. Vse lgut. Poiskoviki, Big Data i Internet znayut o vas vse. Per. s angl. L.I. Stepanovoj. M.: Eksmo. 2018. 384 s.
10. Yn A., Su K. Teoreticheskij minimum po Big Data. Vse, chto nuzhno znat' o bol'shih dannyh. /Per. s angl. A.V. Timohin. SPb.: Piter. 2019. 208 s.
11. Calahorrano L., Seithe M. Analysing Party Preferences Using Google Trends //CESifo Working Paper. 2014. №4631. P. 1-25.
12. Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes //Psychological Methods. 2016. Vol. 21. №4. P. 493-506.

About the author: Fedorchenko Sergey Nikolaevich – Associate Professor, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science and law Moscow Region State University (sn.fedorchenko@mgou.ru).

АКАДЕМИЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

М.А. Шепелев

Крымский федеральный университет им.
В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются существенные характеристики и основные проявления процесса академической колонизации украинской политической науки, в частности – признаки колониального режима воспроизводства и ретрансляции научного знания. На институциональных и дискурсивных примерах показано, что состояние украинской политической науки в полной степени соответствует признакам академического колониализма. Академический колониализм проявляется в масштабной «европеизации» образовательных программ, которая на практике сопровождается дерусификацией и уже привела к массовому оттоку студентов в вузы европейских стран, прежде всего соседней Польши и Литвы, и к росту эмиграции научных кадров высшей квалификации. Также она выражается в концептуально-методологической зависимости и некритическом восприятии положений западной науки, подчинении дискурсивных практик «европейским стандартам» и в целом в укоренившейся сервильности украинской политической науки. Особенностью академической колонизации украинской науки является то, что оно осуществляется в благоприятных для него условиях неопатримониального режима, который после 2014 г. стал приобретать некоторые черты «султанистского» режима (по М. Веберу).

Ключевые слова: академический колониализм, колониальный режим производства знания, «европеизация» образовательных программ, концептуально-методологическая зависимость, неопатримониализм.

ACADEMIC COLONIZATION OF THE UKRAINIAN POLITICAL SCIENCE

M.A. Shepelev

Crimean Federal University of V.I. Vernadsky,
Simferopol, Russia

Abstract. The article discusses the essential characteristics and main manifestations of the process of academic colonization of Ukrainian political science, in particular, signs of the colonial mode of reproduction and retransmission of scientific knowledge. Institutional and discursive examples show that the state of Ukrainian political science fully corresponds to the characteristics of academic colonialism. Academic colonialism manifests itself in large-scale “Europeanization” of educational programs, which in practice is accompanied by de-Russification and has already led to a massive outflow of students to universities in European countries, primarily neighboring Poland and Lithuania, and to an increase in the emigration of highly qualified scientific personnel. It is also expressed in conceptual and methodological dependence and uncritical perception of the provisions of Western science, the subordination of the discursive practices to “European standards” and, in general, the ingrained servility of Ukrainian political science. The peculiarity of the academic colonization of Ukrainian science is that it is carried out in favorable conditions of the neo-patrimonial regime, which after 2014 began to acquire some features of the “sultanist” regime (according to M. Weber).

Keywords: academic colonialism, colonial regime of knowledge production, “Europeanization” of educational programs, conceptual and methodological dependence, neo-patrimonialism.

Возникшее сравнительно недавно понятие «академический колониализм», тем не менее, отражает давние практики культурной экспансии, присущие политике великих держав как носителей глобальных или трансрегиональных цивилизационных и идеологических проектов. В XIX – первой половине XX вв. обучение в английских и французских вузах было инструментом формирования сознания туземных колониальных элит, во второй половине XX в. за доминирование в мировом интеллектуальном пространстве («ноосфере») соперничали США и СССР. Сегодня международная академическая мобильность (совместные образовательные программы,

научные обмены, стажировки и т.п.) является инструментом академического колониализма в условиях обостряющейся конкуренции на мировом рынке образовательных услуг. Современное мировое интеллектуальное (научно-образовательное) пространство, во-первых, полицентрично, во-вторых - характеризуется неэквивалентным обменом между несколькими центрами и обширной периферией, в-третьих – усилением дифференциации периферии, т.е. попытками одних стран вырваться из периферийного положения и погружением других в пропасть интеллектуальной деградации и непреодолимой зависимости, которая, собственно, и именуется витиеватым словом «академический колониализм».

Академический колониализм – традиционный инструмент политики вестернизации, применяемый в отношении незападных обществ. Применение этого концепта позволяет обнаружить новые грани в процессах, происходящих в последние годы в интеллектуальном пространстве Украины. Целью данной статьи является раскрытие специфики академической колонизации украинской политической науки в условиях системного кризиса в стране, вызванного событиями 2014 г.

Украинская политическая наука – типичный пример практического воплощения постулатов теории академической зависимости, причем это обстоятельство признают и сами украинские политологи.

В одном из масштабных исследований, посвященных теме «власти-знания» и «политике знания» на Украине, в частности, обосновывается соответствие состояния т.н. «постсоветской Академии» выделяемым С. Алатасом шести признакам колониального режима производства знания: эксплуатация, опека, конформизм, вторичная роль ведущих интеллектуалов и академических ученых, рационализация цивилизационной миссии и низший талант исследователей из центра, специализирующихся на изучении колоний [Внешняя политика стран СНГ: 2017: С. 496].

Однако едва ли этот перечень является исчерпывающим, поскольку он не в полной мере учитывает мировоззренческие и

когнитивные признаки академического колониализма. К ним относятся, в частности, методологическая зависимость от вырабатываемого в «метрополии» инструментария научного познания, периферийность областей научных исследований и производность достигаемых в них результатов по отношению к разрабатываемым в «центре» научным теориям, общая неспособность генерировать передовые идеи и самостоятельно внедрять инновации фундаментального характера.

Интеллектуальная маргинальность местного научного сообщества дополняется признанием собственной роли «обслуживающего персонала» по отношению к действующей в данный момент власти (отсюда – постоянная идеологическая мимикрия). Собственно, прямая связь процесса становления и развития науки с процессами государственного строительства прямо подчеркивается в соответствующих тематических изданиях [Політична наука 1991-2016: С. 656].

Состояние украинской политической науки в полной степени соответствует этим признакам академического колониализма. На протяжении двух десятилетий ведущий (и единственный монопрофильный) политологический центр академической науки – Институт политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса НАН Украины – занимался, в сущности, двумя направлениями: исследованиями гражданского общества (в особенности в контексте посткоммунистических трансформаций) и этнопологией. Если первое направление однозначно относится к инструментарию идеологической индоктринации, то второе – к классическим приоритетам колониальной науки (подобно культурной или социальной антропологии).

Одним из наивысших «достижений» на этом поприще стала созданная в канун Евромайдана членом-корреспондентом НАН Украины, многолетним президентом (с 2012 г. – почётным президентом) Украинской академии политических наук Н.И. Михальченко концепция «украинской региональной цивилизации», пройти мимо которой невозможно. Описание её как

«цивилизации «второго» эшелона» отсылает к образу булгаковской осетрины «второй свежести» и отличается невообразимой путаницей значений базовых понятий (цивилизация, этнос, нация, государство и т.п.), чудовищными искажениями исторических сюжетов, равно как приписыванием другим теориям чуждых им смыслов. Чего стоит хотя бы утверждение, будто С. Хантингтон считал Украину «расколотой» цивилизацией [Михальченко 2013: С. 7], когда он вообще не считал её отдельной цивилизацией, а описывал как расколотую страну на стыке двух цивилизаций?

Собственная колонизация западной наукой и маргинализация прикрывается в украинской политологической мысли попытками «доказательства» цивилизационной ущербности, неполноценности, вторичности России вообще (из-за чего якобы «каждый правитель Москвы искал родственников в Украине» [Михальченко 2013: С. 104] и разрабатываемых её политической наукой идей и концепций – в частности.

В довольно примитивном виде воспроизводя западные представления и ретранслируя вбрасываемые оттуда идеи, украинская политологическая мысль старается изобразить Россию уже полностью проигравшей борьбу с Западом, превратившейся в его «сырьевой придаток», всё больше обороняющейся в глобальной игре и не замечающей, что её истинным врагом якобы являются не США, а Китай, так что «очень скоро России придётся просить помощи у США и их союзников, чтобы остановить экспансию с Востока» [Михальченко 2013: С. 40].

Что же касается российской политологии, то из ее дискурсивных практик отбираются либо идеи ученых, принадлежащих к радикальной оппозиции, либо (в качестве «жупелов») – те идеи, которые могут служить иллюстрацией агрессивных экспансионистских замыслов России. Благо, в вузах и научных организациях подписки на академические издания РАН, из которых можно было бы получить более-менее сбалансированное представление о палитре научных идей российских политологов,

давным-давно свёрнуты. Наряду с постепенным свертыванием непосредственных научных контактов это создало благоприятный фон для разгула, как раньше бы выразились, махрового мракобесия.

Например, судя по содержанию книги Н.И. Михальченко, в 2013 г., то есть ещё до начала официальной и агрессивной демонизации России, ведущие киевские политологи уже убеждали, что «сибиряки Москву считают «чужим» городом» [Політична наука 1991-2016: С.105,], что «в России идёт криминальная и этническая война» и «неизвестно, когда начнутся антиукраинские погромы» [Михальченко 2013: С.105]. И это не уровень телеинтервью или статьи в Интернете, а научная монография, прошедшая официальное рецензирование и в марте 2013 г. рекомендованная к печати Ученым советом Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса НАН Украины! Кстати, обращает на себя внимание фантастический уровень книжной и политической культуры почетного президента Украинской академии политических наук, который наглядно проявляется в следующей фразе: «Московия, а потом Россия, как акула с огромным желудком, заглатывала всё новые территории и народы, надеясь переварить всё и всех, а потом выплюнуть (или выс...) обкорнутых, одинаково постриженных и одетых рабов империи, покорно ей служащих?» [Михальченко 2013: С. 105].

Колониальная периферийность позволяет некоторые вольности, чем можно объяснить то, что украинская политология не гнушается и латентной пропагандой антисемитизма. Так, описывая характер межэтнических отношений на землях Гетманщины XVII в., Н.И. Михальченко заключает: «Выходило, что непосредственный их (местных жителей – М.Ш.) враг-притеснитель – это еврей. Не напрасно у восставших казаков, в том числе и под предводительством Б. Хмельницкого, на знаменах было написано: «бей панов и жидов» [Михальченко 2013: С. 58]. Далее академик подчеркивает, что «изгнав поляков и их прихлебателей – евреев, крестьяне стали свободными и делили земли своих

бывших господ, становясь новым слоем – свободных хлебопашцев» [Михальченко 2013: С. 66]. Показательно, что при изложении этих сентенций автор двусмысленно оговаривается: мол, «это не нагнетание антипольских и антисемитских настроений, а констатация фактов, которые в остаточном виде, до сих пор отражены в мировоззрении части украинского этноса» [Михальченко 2013: С. 58].

Разумеется, в этом потоке фальсификаций, передергиваний, эскапад и обвинений встречаются отдельные здравые мысли. Так, нельзя не согласиться с тезисом о том, что «современная Россия лишилась главного – цели» [Михальченко 2013: С. 107], который справедливо указывает на отсутствие у России выработанного и продвигаемого мироустроительного проекта. Но за этой мыслью следует очередная подмена понятий: «Россия не имеет глобальной цели, глобальных перспектив». На самом деле отсутствие сформулированного проекта сегодня отнюдь не означает отсутствия перспектив завтра, тем более что другие мироустроительные проекты переживают не лучшие времена и запрос на альтернативу лишь возрастает. В сущности же этот тезис призван обосновать «безальтернативность» интеграции Украины в западные структуры и включения в западный политический дискурс в качестве реципиента смыслов.

Оправданность колониальной интерпретации развития политической науки и в целом обществознания и гуманитаристики в Украине подкрепляется как отсутствием собственной национальной традиции и её значимых достижений, так и некритическим позитивным восприятием положений западной науки (здесь вполне уместно использовать известное выражение - «низкопоклонство перед Западом»). Зарубежные гранты и стажировки, вызывающие в украинском научном сообществе лишь положительные эмоции и восхищение, как раз и знакомят украинских исследователей с идеями и ценностями западной политической науки, прямо или косвенно внушая им мысль о её «передовом» характере, «лидирующем» положении и «безусловной» связи с демократическим путем раз-

вития. Так происходит научная индоктринация, поскольку усваиваются исследовательская повестка дня, предпочтительные методы «сбора и анализа данных», риторические стратегии, задействованные при оформлении и продвижении полученных результатов.

Одним из важнейших проявлений академической колонизации является структура учебных планов профильных направлений подготовки. Нельзя не признать, что академические «дисциплины являются политическими институтами, которые разграничивают области академической территории, распределяют привилегии и ответственность за компетенцию, а также структурные притязания на ресурсы» [Внешняя политика стран СНГ 2017: С. 23]. В связи с этим обращает на себя внимание ряд аспектов.

Прежде всего речь идет о масштабной «европеизации» образовательных программ, начавшейся довольно давно, в рамках Болонского процесса и курса на европейскую интеграцию, но до 2014 г. происходившей неравномерно (лидерами в этом процессе были вузы Киева и Западной Украины). Стоит упомянуть, в частности, что ещё с конца прошлого столетия в структурах ведущих украинских вузов стали создаваться информационные центры ЕС и НАТО, а по линии программ Темпус/Тасис, Фулбрайта и т.п. стали активно формироваться механизмы академической зависимости украинской науки.

Этот процесс не только заметно усилился после февраля 2014 г., но и дополнился процессом «дерусификации», когда не просто стали сокращаться и изыматься немногочисленные дисциплины, связанные с изучением истории России, но и переименовываться и перепрофилироваться остававшиеся кафедры. Так, например, в Днепропетровском национальном университете имени Олеса Гончара (ранее – ДГУ имени 300-летия Воссоединения Украины с Россией) кафедра российской истории была переименована в кафедру восточно-европейской истории. Попытки объяснить это «ведущейся Россией против Украины гибридной войной» выглядят неуместными хотя бы потому, что в США во времена

«холодной войны» кафедры и курсы советологии и русистики росли как грибы после дождя. Истинной причиной происходящего является именно академическая колонизация Украины, направленная на закрепление не только институциональной, но и концептуально-методологической зависимости украинского научно-образовательного пространства от Запада, на подчинение дискурсивных практик «европейским стандартам».

Главным же итогом «европеизации» украинских образовательных программ стал массовый отток студентов в вузы европейских стран, прежде всего соседней Польши и Литвы. Если в 2012/2013 уч. г. в польских вузах обучалось менее 10 тысяч украинских студентов, то по данным 2016/2017 уч. г. их численность превысила 35,8 тысяч. Помимо целенаправленной политики Польши и Литвы, этому способствуют совместные магистерские программы и даже программы бакалавриата украинских вузов. Так, программа «Мировая политика и экономика», открытая в Национальном университете «Днепропетровская политехника» (бывший Национальный горный университет Украины) предусматривает двухгодичное обучение в вузе и такое же двухгодичное обучение в вузе-партнере в Литве, причем начинается учебный процесс как раз за границей, что, по сути, ставит украинский вуз в положение «перевалочной базы». Проводившиеся опросы показывают, что лишь явное меньшинство обучающихся за рубежом украинских студентов собирается возвращаться домой.

Аналогичный процесс «европеизации» давно стал характерной чертой украинской научной жизни, проявляясь в тематике диссертационных исследований, где европейская и евроатлантическая проблематика преобладает абсолютно, превращая в маргинальные все остальные направления научных исследований. Особенно это стало очевидно после февраля 2014 г.: так, с тех пор по российской проблематике в стране по политическим наукам была защищена лишь одна докторская диссертация (И.Н. Мельничук, «Интеграционные проекты Российской Федерации на постсо-

ветском пространстве», Черновцы, 2015) и несколько кандидатских, а в их текстах, разумеется, в той или иной степени нашла отражение официальная позиция киевского режима. Правда, следует учесть при этом общий спад научной активности в условиях кризиса и в обстановке «реализации евроинтеграционных устремлений Украины», что выразилось в снижении количества защит, сокращении численности диссертационных советов и росте эмиграции научных кадров высшей квалификации.

Сара Амслер дополняет перечень ключевых проблем колониального режима производства знания: институциональная бедность; отсутствие квалифицированных кадров и учебных материалов; утечка мозгов и продажа степеней; личная бедность; экзистенциальный и интеллектуальный кризисы; разрушенные или прерванные карьеры. Эти тенденции давно подмечались отдельными украинскими учеными. Так, например, Сергей Рябов обращал внимание на сервильность украинской политической науки. Под ней иногда понимается реактивная «роль украинских ученых относительно вопросов государственной политики», а иногда – «искушение подчинить знание власти, превратить его в способ обслуживания и таким образом достичь причастности к власти» [Рябов 2005: С. 103].

В свою очередь, Сергей Куделя и Юрий Мациевский указывают на отсутствие в украинской политологии агентов перемен и/или инновационного академического сообщества [Куделя 2012: С. 24-25.] [Мацієвський 2012: С. 10-12.].

Что же касается институциональной бедности, то ещё накануне Майдана был ликвидирован Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины, где до этого сложились довольно серьезные философская и политологическая школы. В результате «закрылась» целая отрасль политической науки, разрушились завязанные на институте междисциплинарные связи в области глобалистики и цивилизационных исследований, составлявшие реальную альтернативу продукции вроде опусов академика Н.И. Михальченко

(достаточно упомянуть фундаментальный труд покойного Ю.В. Павленко по истории мировых цивилизаций). Теперь же ИПиЭНИ им. И.Ф. Кураса остался единственным профильным академическим институтом – можно сказать, «монополистом».

На фоне общей политической и социально-экономической ситуации в стране это дополнительно усиливает отмеченную сервильность украинской политической науки. Последняя позволяет продуцировать весьма нестандартные идеи, сегодня едва ли воспринимаемые научными сообществами где-либо за пределами Украины.

Так, в стремлении оправдать февральский государственный переворот 2014 г. дважды доктор наук (исторических и политических) И.А. Хижняк прямо утверждает, что «власть завоёвывается прежде всего легитимностью доверия народа, а не только выборами» (не уточняя источники и критерии определения этой легитимности), что «Евромайдан – это субъективизированное выражение воли народа, являющегося сувереном и только поручающего власти свои полномочия», и что результатом «украинской революции на Евромайдане» стало «создание национального государства нового типа» (опять же без уточнения, в чём состоит эта новизна) [Хижняк: 2014: С. 504].

Академическая колонизация украинской политической науки осуществляется в специфических условиях неопатримониального политического режима. Согласно Ш. Эйзенштадту, суть неопатримониализма заключается в независимости политического центра от периферии, управлении государством как частным владением немногочисленных правящих групп, а также в патронажных отношениях, в рамках которых воспроизводятся клановые, региональные, семейные и прочие связи в виде системы современных экономических и политических отношений [Эйзенштадт 1999: С. 324-359].

Наиболее концептуально осмысленную попытку объяснения специфики украинского и в целом постсоветских вариантов неопатримониализма предложил харьковский политолог А. Фисун. Характер-

ными чертами именно постсоветских неопатримониальных режимов он считает: «1) формирование класса рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности; 2) частное – в той или иной степени – использование государственно-административных ресурсов...; 3) решающая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса» [Фисун: 2006: С. 164-165].

Ф. Кураса НАН Отношения патримониального типа, и прежде всего связи «патрон - клиент», целиком пронизывают политическую систему государства, которая лишь формально строится на принципах рационально-легального господства.

По мнению А. Фисуна, «украинский политический режим на протяжении большей части своего существования является неопатримониальным. Для него характерно нечеткое разделение на публичную и частную сферу социума, а государство управляется как частное владение правящих групп, которые в этой системе приватизируют различные общественные функции и государственные институты» [Фисун 2006: С. 154]. Описывая украинскую политическую реальность после 2004 г. в качестве специфического гибридного режима неопатримониальной демократии, он обращает внимание на то, что природа украинской политической системы остается ориентированной не на производство «общего блага», а на неопатримониальные практики рентоизвлечения и «захвата государства». В условиях этого режима политические партии «в зависимости от результатов выборов осуществляют раздел государственного аппарата и исполнительной вертикали, а потом превращают их в ресурсы извлечения ренты и феодального кормления» [Фисун 2011: С. 124].

Следует отметить, что после 2014 г. украинский неопатримониализм приобрел некоторые черты султанизма – описываемой М. Вебером крайней формы патримониализма, основывающейся на «свободном от традиционных ограничений произволе»

правителя, в условиях которой «экстремально расширяется сфера проявления открытого произвола и милости» со стороны правителя. Согласно М. Веберу, «чистый султанизм опирается прежде всего на возможности фискального произвола» [Weber 1978: СС. 231-232, 240].

Как показывает А. Фисун, институциональная аморфность и политическая неструктурированность в условиях неопатримониализма компенсируются прямыми межличностными отношениями солидарности, доминирования и подчинения. По своей форме такие социальные отношения напоминают догосударственную и внегосударственную потестарность – архаичную власть старейшины, основанную в основном на традиции и личном авторитете. Потестарная власть буквально «патриархальна», и хотя в современном обществе она проявляется и функционирует иначе, чем в древности, типологическая близость с архаической догосударственной социальной системой позволяет характеризовать постсоветскую социальную среду в категориях неопатримониализма.

Структура научного поля Украины в основных чертах воспроизводит структуру её политического поля, и на их пересечении возникает неопатримониальная наука. Она определяется как «система значимых взаимодействий академических исследователей, представителей бизнеса и власти, обусловленную или даже детерминированную в основных чертах сущностными характеристиками неопатримониального политического режима, конечным итогом чего становится исключительно перформативный ритуал обретения научной степени (и превращение её в симулякр)» [Внешняя политика стран СНГ 2017: С. 20]. К числу её важнейших характеристик В. Осин, С. Шуляк и А. Зеленски относят следующие четыре.

Во-первых, научный капитал формируется посредством административного ресурса. Успех в научной деятельности связывается с контролем над должностными позициями, позволяющими получать научные степени и делать это, игнорируя обязательные атрибуты или нивелируя значение формальных процедур. Высокий

уровень кандидатов и докторов наук, вызванный релевантными профессиями, сменяется более масштабным «остепенением», обусловленным должностью или приобретенными в связи с занятием должности финансовыми возможностями.

Во-вторых, место исследователей с нормальными (типичными) академическими карьерами занимают представители политики и/или бизнеса. В основании научной карьеры последних лежит отсутствие «ясно определенных сфер компетенции, которые являются объектом имперсональных правил», вследствие чего не имеет особого значения «специальная подготовка в качестве необходимого условия» для выполнения той или иной деятельности. В неопатримониальной науке самые экзотические и сюрреалистические карьеры не только возможны, но и стремятся к тому, чтобы стать правилом. В среде высокопоставленных чиновников должность превращает инженера-электрика в доктора экономических наук, а специалиста в области физического воспитания – в кандидата и доктора юридических наук.

В-третьих, шансы получить научную степень повышаются прямо пропорционально длительности пребывания на ответственном посту, и наоборот. Частный характер власти при неопатримониальных режимах предполагает рассмотрение практически всех социальных институтов в качестве собственной вотчины, характер операций с которой не ограничен соглашениями или договоренностями.

В-четвертых, неопатримониальная наука картографируется по принципу «центр/периферия». Предполагается, что наименее «сильные» (прежде всего, в плане переплетения бизнеса и политики) регионы Украины характеризуются наибольшим количеством защит не по месту работы – даже при условии существования собственных специализированных ученых советов [Внешняя политика стран СНГ: 2017].

Однако «захват государства» не только порождает такого рода встроенные в местные «системы обмена» карьерные практики, на которых сосредоточили внимание В. Осин и другие авторы данного исследова-

ния, но и создает ситуацию, когда качество научного продукта оказывается даже не вторичным, а третичным (после сопутствующих приобретению научных степеней статусных «симулякров» и демонстрации политической лояльности, которая может быть обменена на новые карьерные и финансовые преференции). В политической науке это проявляется особенно остро, поскольку ключевые административные позиции в ней часто занимали и занимают либо вчерашние чиновники, либо политтехнологи, тесно связанные с властными структурами.

Таким образом, неопатримониальная наука сама по себе крайне ограничивает возможность свободного развития критического научного знания, в особенности в области политической науки, которую власть естественным образом рассматривает в качестве собственной «служанки». Это по крайней мере отчасти объясняет, почему почти никогда украинская политология не продуцировала эвристического знания, но полностью следовала в фарватере «генеральной линии», оперируя сервильно-конформистской риторикой. Она подразумевала прямую, некритическую ретрансляцию установок и смыслов, продуцируемых западной наукой, поэтому исследования «посткоммунистического общества» оказывались весьма далеки от реального общества, в котором живут их авторы. В том числе этот конформизм касается оценок внешнеполитического курса, обоснованность которого за последние два десятилетия практически никем из политологов, занятых в академической науке и высшем образовании, публично не ставилась под сомнение. Это также создавало исключительно благоприятные условия для активной академической колонизации украинской науки Западом.

Лишь отдельные украинские ученые, даже из «евроатлантического лагеря», демонстрируя способность к критическому мышлению, иногда всё же находили в себе силы констатировать проблематичность прямой экстраполяции западных интеллектуальных конструкций на украинскую действительность. Так, покойный Е.Е. Каминский ещё до первого «обострения» ев-

роинтеграционных устремлений Украины и активного вмешательства Запада в украинскую внутреннюю политику в ходе Майдана 2004 г. отмечал: «Западные экономические школы преимущественно осуществляют свой анализ на основе сугубо экономических показателей и статистических данных, которые выводятся из классических и неоклассических теорий и концепций реформирований рыночных систем, а также с учётом доминирующих на Западе стратегий экономического развития. Со своей стороны, ведущие западные политологические школы основывают свои позиции и общие оценки преимущественно на данных, связанных с воздействиями гражданского общества, в частности, наличием законодательной и политико-системной возможностей осуществления контроля над разработкой и реализацией решений общегосударственного характера. В обоих случаях заложены теоретико-методологические исходные данные, порождающие очевидную предвзятость выводов и рекомендаций. Дело в том, что рекомендации и критериальные требования основываются на анализе не просто "идеальной" ситуации, взятой из жизни, но именно искусственно формируемой на уровне мышления и представления людей, воспитанных в радикально иных условиях. Отсюда, закономерно наблюдаем постепенное отчуждение между воображаемой системой в представлении западных аналитиков и реальными позициями значительной части украинской общественности» [Каминський 2004: СС. 243-249].

Немногие украинские ученые (тем более «евроатлантисты») смогли, подобно Е.Е. Каминскому, открыто признать, что западные политологи настолько заидеологизированы в своих воззрениях, что реальные факты окружающей действительности выступают для них вторичными, «и приводятся в подтверждение или для отрицания определенных заготовленных концептуальных постулатов». Также обращает на себя внимание своего рода мягкое признание этим украинским ученым очевидной зависимости «научной позиции» западных исследователей от грантовой и иной финансовой поддержки. По его словам, «за-

падные экономисты и политологи, не связанные финансированием и иными формами зависимости с международными валютно-финансовыми организациями, склонны более выразительно учитывать национальные особенности развития переходных обществ» [Камінський 2004: С. 246]. Это довольно редкий для Украины пример фактического отрицания за западным знанием статуса эталона научности.

В 2016 г. Секция общественных и гуманитарных наук НАН Украины представила Национальный доклад «Цивилизационный выбор Украины: парадигма осмысления и стратегия действия» (руководитель авторского коллектива – академик НАН Украины С.И. Пирожков). Знакомство с его текстом, подготовленным коллективом сотрудников нескольких академических институтов, оставляет странное впечатление.

Констатируя рубежное положение Украины в цивилизационном пространстве и проистекающую из него «цивилизационную двухвекторность» населения, авторы доклада при этом заявляют: «внутренние же интересы общества и национальные интересы государства требуют совсем по-другому толковать позицию Украины, а именно – как противоречивую целостность, интегрируемую в неделимое государственное единство» [Цивілізаційний: С. 270]. Как говорится, начали за здравие, а вышла... «единая и неделимая».

Как же осуществить эту задачу достижения «неделимого государственного единства»? В выводах из доклада украинские ученые предлагают комплекс мер, который можно назвать «за всё хорошее против всего плохого»: «Это опора на общие для всех регионов культурные ценности, сформировавшиеся веками, взаимоуважение, взаимодоверие и взаимная толерантность между представителями всех регионов, взаимное признание каждой из частей социума своеобразие (язык, традиции, история) и равноправности других, недопустимость возвеличивания одной из частей, постоянный диалог между всеми элементами общества» [Цивілізаційний: С. 270]. Отвергая «роль буфера между Западом и Востоком», в качестве его альтернативы

предлагается некий «проект цивилизации гуманистических инноваций – проект достойной самореализации человека», в котором «Украина должна выступать как инновационно-информационное общество» [Цивілізаційний: СС. 273-274].

Но что скрывается за этим фасадом из благих пожеланий? Не более чем готовность к интеллектуальному обслуживанию текущего политического курса. По мысли ученых, поликультурность Украины, обусловленная её рубежным положением, не может считаться непреодолимым препятствием для изменения её цивилизационной парадигмы (следовало добавить: «если это изменение продиктовано генеральной линией партии, тогда можно и реки вспять повернуть»). В полном соответствии с этой «генеральной линией» в докладе утверждается, что для Украины, якобы исторически проявлявшей большую склонность к западным цивилизационным ценностям, европейский цивилизационный вектор является приоритетом стратегического развития и дает возможность рассчитывать на мощную внешнюю поддержку для решения не терпящих отлагательств внутренних проблем. Разумеется, в тексте доклада ничего не говорится о том, что изменение цивилизационной парадигмы всегда чревато глубочайшими расколами и конфликтами внутри любого общественного организма, а за достигнутым такой ценой «неделимым государственным единством» обычно следует крах изначального замысла. Думается, после этого продолжать дальнейший разбор данного творения академической мысли не имеет большого смысла.

Однако всё же стоит обратить внимание на корни этих представлений о будто бы большей склонности украинцев к западным цивилизационным ценностям. Именно этот тезис давно стал типичной характеристикой представлений украинской науки о национальной идентичности и из истории и культурологии проник в политическую мысль, для которой стало характерным противопоставление либерализма украинцев и русского авторитаризма. Либерализм с его базовой идеей свободы как ценностное основание украинской

политической культуры выводится современными украинскими политологами из «сущностных черт славянской ментальности», характерных уже для древних славян и антов, которые представляются в украинских учебниках истории предками украинцев. Так, Г.М. Куц ссылается в связи с этим на отрывок 45 (кн. XI, 5) из византийского сочинения VI-VII вв. «Стратегикон», где говорится: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране». При этом она также обращает внимание на отрывок 44 (кн. IX, 3) «Стратегикона», в котором указано, что славяне не имеют военного строя и единого начальника, они не умеют ни подчиняться, ни сражаться в строю, из чего ею выводятся корни «определенного неприятия власти, неповиновения властям» и вообще анархичность украинской ментальности [Куц 2015: С. 139].

Парадоксальным образом эта анархичность связывается с влиянием «западной культурной традиции» и противопоставляется русской политической культуре, хотя «бунташный» дух как раз был отличительным свойством общерусской ментальности, проявляясь в особенности в казачьих восстаниях по всей территории исторической Руси, от Днестра до Урала. К тому же непонятно, почему следует считать, что в непокорном Великом Новгороде было меньше духа вольности, чем в захваченных татарами, литовцами и поляками Киеве и Львове.

Утверждается также, что русская культура якобы «в большей степени подвергалась воздействиям византийской традиции» в сравнении с украинской - при том, что история Ромейской (Византийской) империи завершилась в 1453 г., когда никакой украинской культуры не существовало. И даже попытки окатоличивания и ополячивания русских людей на территории нынешней Украины в середине XV в. еще не были заметны, они развернулись лишь после Люблинской унии 1569 г. и Брестской унии 1596 г. Это значит, что влияние византизма и православия было

до тех пор одинаковым на всей территории Русской земли, в состав каких государственных образований ни входили бы её части, и лишь в XVI в. начался процесс цивилизационной перекодировки западной части исторической Руси, проявившийся как раз в ослаблении там вышеупомянутых «воздействий византийской традиции».

Правда, стоит обратить внимание, что другие украинские политологи, напротив, развивают тезис западных авторов (например, Э. Кинана, позиционируемого как «разоблачителя российских исторических мифов» [Кінан 2001: С. 284] о незначительности исторических церковных связей между Москвой и Константинополем, в противоположность Киеву, подкрепляемое измышлениями, будто «московский вариант православия – это симбиоз христианства и язычества финно-угров» [Політична наука 1991-2016: С. 52]. Отсюда выводится, в частности, мысль о безосновательности самовосприятия Москвы в качестве «Третьего Рима».

Сегодня именно этот тезис служит обоснованию идеи естественности возвращения «единой поместной украинской православной церкви» в лоно Константинопольского патриархата.

Украинские политологи указывают на воплощение якобы укоренившихся в ментальности либеральных и даже либерально-демократических практик на обыденном уровне бытия, что, по их мнению, обеспечивает «стратегии выживания украинского народа» [Головка 2010: С. 248]. В такого рода утверждениях, апеллирующих к темам культурного родства (Україна – це Європа) и «благодатной» роли западного воздействия, явно просматривается общий колониальный характер современного украинского политического дискурса, отражающийся и в политологической литературе.

После февраля 2014 г. политологические издания Украины активно включились в развернувшуюся русофобскую политико-пропагандистскую кампанию, в том числе с подключением интеллектуальных ресурсов, в особенности из соседней Польши. В западноукраинских и столичных рецензируемых изданиях появилось

немало публикаций иностранных ученых о «дезинтеграционной роли России на постсоветском пространстве», «военных и невоенных методах ведения гибридной войны России против Украины» [17; 18] и т.п. Кстати, теперь статьи польских авторов все чаще печатаются в украинских журналах непосредственно на польском языке (тогда как статьи белорусских или казахстанских авторов давно публикуются на украинском, а не на русском), что, видимо, призвано в том числе показать, что западные украинцы не просто понимают польский язык, но и готовы на его основе интегрироваться в европейское научно-образовательное пространство.

Научные издания превратились в пусть не массовые по своей аудитории, но якобы авторитетные рупоры официальной пропаганды, призванные убедить, что «украинская и московская (российская) цивилизации — это кардинально расходящиеся европейская и евро-азиатская цивилизации» [Горелов 2018: С. 50].

Так, по утверждениям ведущих украинских ученых, «противостояние Украины с Россией олицетворяет противостояние России с Европой, в котором Украина выступает субъектом-частью Европы» [Цивілізаційний вибір України 2016: С. 275].

Ответственность за украинский кризис полностью возлагается на Россию и лично В.В. Путина, который, по уникальному в своей абсурдности утверждению Н. Горелова, «нелегитимно, но по всенародному согласию «рулит» страной» [Михальченко 2016: 35] и установил в ней «черносотенные порядки» [Михальченко 2016: С. 37].

При этом Россия, с одной стороны, изображается как «квазицивилизация» [Batins'kij 2014: С. 97], как отсталая, варварская страна, которая «живет нищенски, малокультурно, не имеет современных транспортных артерий, погубив сельское хозяйство и частично промышленность» [Михальченко 2013: С. 39], а с другой — всячески демонизируется и криминализируется в качестве «антицивилизации, противостоящей всему цивилизованному миру», «ревизионистской» и «реваншистской» страны, в которой якобы произошел «рецидив тоталитаризма».

Не только академик Н.И. Михальченко, но и, например, доктор исторических наук, профессор КНУ имени Тараса Шевченко Т.В. Орлова в монографическом описании «российской действительности» воспроизводит фантастические мифы о бедствующем населении, бездорожье и «полуразрушенных халупах», и о россиянах, которые «разжигают ненависть и угрожают миру уничтожением» [Орлова 2016: С. 5].

Со страниц «Научных записок» ИПиЭНИ им. И.Ф. Кураса НАН Украины украинские политологи объявили инструментом «имперской агрессии России против Украины» проект Русского мира [Здіюрук 2014: СС. 258-268]. Во многом на уверенности в том, что «Русский мир» — это «новая российская универсальная имперская идея» [Бульвінський 2016: С. 10], и зиждется политическое стремление к разрушению УПЦ МП как духовной основы принадлежности Украины к пространству исторической Руси, угрожающей проекту цивилизационной «перекодировки». Впрочем, в профильных научных журналах публикуются и статьи с «успокоительными» заявлениями о том, что «к счастью, путинский рейх не вечен» [Михальченко 2016: 37].

В западной литературе, в том числе в трудах классиков политической науки, стали активно изыскиваться тезисы, подтверждающие политические заявления представителей правящего режима о «российско-украинской войне». Для этого активно задействуются как пронафталиненные тексты XVIII — первой половины XX вв., так и современные «творения». Например, рассуждая на темы рисков евроинтеграции, на Украине обращаются за подтверждением к современным западным алармистам, таким как Б.-А. Леви, заявившему однажды, что «если потонет Украина — потонет и вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» [Леви 2014: С. 5].

В свою очередь, некто В. Бабка взял в качестве эпиграфа к своей статье «Российско-украинский конфликт: цивилизационные и мемориальные аспекты» слова Дж. Миршаймера: «Мрачная история, которая

прошла между этими двумя народами, становится взрывчатым веществом, способным привести к возгоранию конфликта между ними» [Бабка 2015: С. 105].

Заявляя о том, что прогноз С. Хантингтона в отношении Украины как цивилизационно расколота́й страны якобы не оправдался, В. Бабка отдает предпочтение подходу Дж. Миршаймера, приводя его утверждение, что «русские и украинцы имеют историю взаимной вражды», а это, наряду со смешением населения, повышает вероятность противостояния [Mearsheimer 1993: С. 53]. Правда, ни Дж. Миршаймер, ни В. Бабка так и не смогли объяснить, почему смешение населения в американском «плавильном котле» должно способствовать консолидации нации, а в пространстве исторической России – привести к силовому конфликту между русскими и украинцами. Не говоря уже о доказательстве «истории вражды».

Взятая на вооружение идея «цивилизационного движения Украины в направлении европейских демократических ценностей» заставляет украинских политологов принять европейскую модель политики памяти, рассматриваемой как инструмент реформирования ментальных основ жизни общества. В этом контексте заявляется, например, о крахе «Переяславского проекта» [Цивілізаційний 2017: 256], создавая тем самым почву для исторического ревизионизма в отношении не только советского прошлого или истории Российской империи, но и Освободительной войны середины XVII в. Активно звучат призывы «забыть прошлое», подкрепляемые ссылками на те или иные западные теории, даже несмотря на то, что выводы из этих теорий следуют прямо противоположные. Однако и в самих этих призывах проявляется приобретённый колониальный комплекс неполноценности. Его следы можно также обнаружить, например, в утверждении, что известный тезис Л. Кучмы «Украина – не Россия» воспринимается и закрепляется на уровне бессознательного как «Украина – это Россия» [Бабка 2015: С. 109], хотя здесь явно просматривается некое ощущение бесперспективности вы-

строенной на его основе идеологического курса.

Прямо провозглашается, что «построение украинской национальной памяти европейского образца требует системного прагматичного конструктивистского подхода к этому общественному феномену» [Бабка 2015: 113]. Лишь слабым фоном звучат сдержанные голоса, напоминающие, что «политика памяти лишь тогда может стать фундаментом общественной морали, если будет по максимуму деидеологизирована и соотнесена с непредвзятым историческим знанием» [Нагорна 2012: С. 150].

Правда, этот тезис относится еще к домайданной Украине, теперь же преобладают призывы обращать внимание не на то, «откуда мы пришли», а на то, «куда мы хотим попасть» [Бабка 2015: 113]. Именно после Евромайдана стала открыто и активно продвигаться мысль, что эту политику недопустимо строить на установках об этнической, культурной, исторической или цивилизационной близости Украины и России. Поэтому основанная на последнем тезисе цивилизационная теория С. Хантингтона и оказывается неприемлемой и дискриминируемой в современной Украине (и надо признать, что это восприятие формировалось задолго до 2014 г.).

В украинском политологическом обществе сегодня преобладает мнение, что вовсе не цивилизационный раскол, а сохранение единства Украины и рост гражданского сознания в стране за годы независимости стало одной из причин «войны с Россией», а она, в свою очередь, вызвала резкое обострение отношений между Россией и Западом, то есть Украина и украинский кризис воспринимаются как причина, а не следствие этого обострения. В этом состоит принципиальное отличие от позиции большинства российских аналитиков, исходящих из того, что кризис на Украине стал как раз результатом общего кризиса в отношениях России и Запада, что он является в сущности лишь локальным узлом глобальных противоречий (по С. Хантингтону, между Западом и остальным миром – the West and the Rest), а сама Украина –

лишь площадка для проецирования силы акторами мировой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 496 с.
2. Осин В. и др. Власть и знание на пост-советском пространстве: политический режим, научная степень, идеология и карьера в Украине и Молдове. – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – 376 с.
3. Політична наука в Україні 1991-2016: у 2 т. Т.1. Політична наука: західні тренди розвитку й українська специфіка / НАН України; Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса. – К.: Парлам. вид-во, 2016. – 656 с.
4. Михальченко Н. Украинская региональная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. Монография. – К.: ИПиЭНИ имени И.Ф. Кураса НАН Украины, 2013. – 340 с.
5. Рябов, С.Г. Політична наука в Україні ХХІ століття: стан та перспективи розвитку: Дослідження / Укл. С.Г. Рябов. - К. : Навч.-метод. центр "Консорціум із удосконалення менеджмент-освіти" в Україні, 2005. – 103 с..
6. Куделя С. Чи можлива в Україні політична наука? // Критика. 2012. № 1-2 (171-172). – С.24-25.
7. Мацієвський Ю. Чому в нас немає політичної науки // Критика. 2012. № 6 (176). – С.10-12.
8. Хижняк І.А. Другий етап “держави всупереч”: уроки Євромайдану vs реалій об’єктивних історичних обставин // Гілея. Історичні науки, філософські науки, політичні науки. – 2014. - Вип 84, № 4. - С. 503-507.
9. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. - М.: Аспект Пресс, 1999. - 416 с.,
10. Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006. – 351 с.
11. Фисун А.А. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития / А. Фисун // Ойкумена. – 2011. – Вып.8. – С. 119-127.
12. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Ed. By G. Roth and C. Wittich. – Berkeley: Univ. of California Press, 1978.
13. Камінський Є. Перехідні держави: особливості, суперечності й небезпеки розвитку // Антологія творчих досягнень. — К.: ІСЕМВ НАН України, 2004. - С. 243-249.
14. Цивілізаційний вибір України: парадигма осмислення і стратегія дії: національна доповідь / ред. кол.: С. І. Пирожков, О. М. Майборода, Ю. Ж. Шайгородський та ін.; Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. – К.: НАН України, 2016. – 284 с.
15. Куц Г.М. Ценностные основания украинской политической культуры // Політикус. – 2015. -. Вип.1. - С.138-142.
16. Кінан Е. Російські історичні міфи / Е. Кінан. – К.: Критика, 2001. – 284 с.
17. Головка І. Ліберальна демократія: умови формування та специфіка становлення: дис. ... канд. політ. наук: спец. 23.00.02 Політичні інститути та процеси / І. Головка; Чернівецький нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. – Чернівці, 2010. – 248 с.
18. Podsiadlo L. Dezintegracyjna rola Rosji na przestrzeni poradzieckiej na przykładzie Ukrainy // Вісник Львівського університету. Серія Міжнародні відносини. - 2015. - Вип.36. Ч.3. - С.75–84.
19. Wasiuta O., Wasiuta S. Militarne i niemilitarne metody prowadzenia wojny hybrydowej Rosji przeciwko Ukrainie // Вісник Львівського університету. Серія Міжнародні відносини. - 2016. - Вип. 39. - С. 3–17.
20. Горелов М. Цивілізаційна парадигма краху Переяславського процесу // Наукові записки ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2018. Вип. 1(75). -. С.32-38.
21. Михальченко Н. И. Великий цивілізаційний взрив на рубежі ХХ–ХХІ ве-

- ков / Н. И. Михальченко. – К.: Парламентское издательство, 2016. – 504 с.
22. Батинський С. Російська квазіцивілізація: історичний виклик для України і світу. – Дрогобич: Посвіт, 2014. – 97 с.
 23. Орлова Т.В. Росія: вчора, сьогодні, завтра? Монографія. – К.: Логос, 2016. – 232 с.
 24. Здіорук С., Яблонський В. Проект «Русского мира» як механізм імперської агресії Росії проти України // Наукові записки ІІІЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. - 2014. - Вип. 6(74) - С.258-268.
 25. Бульвінський А.Г. Вплив імперської державної традиції на перебіг політичного процесу в Росії // Країни пострадянського простору: виклики модернізації: збірник наукових праць / за заг. ред. А.Г. Бульвінського. – К.: Державна установа «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2016. – С.6-18.
 26. Леви Б.-А. «Если потонет Украина - потонет вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» // Зеркало недели. – 21.05. 2014, №18. - С. 5
 27. Бабка В. Російсько-український конфлікт: цивілізаційні та меморіальні аспекти // Наукові записки ІІІЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2015. Вип. 1(75). -С.104-114.
 28. Mearsheimer J. Case for Ukrainian Nuclear Deterrent / John J. Mearsheimer // Foreign Affairs. - 1993. - Vol. 72, № 3. – P. 50–66.
 29. Цивілізаційний крах Переяславського проекту (Україна і Московія: історія співіснування та ворожнечі) / М. Горелов, О. Моця, О. Рафальський. – К., ІІІЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2017. – 256 с.
 30. Нагорна Л.П. Історична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії / Л.П. Нагорна. – К.: ІІІЕНД ім. І.Ф.Кураса НАН України, 2012. – 328 с.

Об авторе: Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (ma_shepelev@mail.ru).

REFERENCES

1. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. — 496 s.
2. Osin V. i dr. Vlast' i znanie na postsovetskom prostranstve: politicheskij rezhim, nauchnaya stepen', ideologiya i kar'era v Ukraine i Moldove. – Vil'nyus: EGU, 2014. – 376 s.
3. Politichna nauka v Ukraïni 1991-2016: u 2 t. T.1. Politichna nauka: zahidni trendi rozvitku j ukraïns'ka specifiika / NAN Ukraïni; Institut politichnih i etnonacional'nih doslidzhen' im. I. F. Kurasa. – K.: Parlam. vid-vo, 2016. – 656 s.
4. 3/ Mihal'chenko N. Ukrainskaya regional'naya civilizaciya: proshloe, nastoyashee, budushchee. Monografiya. – K.: ІІІЕНІ імені І.Ф. Кураса НАН України, 2013. – 340 s.
5. Ryabov, S.G. Politichna nauka v Ukraïni HKHI stolittya: stan ta perspektivi rozvitku: Doslidzhennya / Ukl. S.G. Ryabov. - K.: Navch.-metod. centr "Konsorcium iz udoskonalennya menedzhment-osviti" v Ukraïni, 2005. – 103 s.
6. Kudelya S. Chi mozhliva v Ukraïni politichna nauka? // Kritika. 2012. № 1-2 (171-172). – S.24-25.
7. Macievs'kij YU. CHomu v nas nemaє politichnoï nauki // Kritika. 2012. № 6 (176). – С.10-12.
8. Hizhnyak I.A. Drugij etap “derzhavi vsuperech”: uroki Evromajdanu vs realij ob'ektivnih istorichnih obstavlin // Gileya. Istorichni nauki, filosof'ski nauki, politichni nauki. – 2014. - Vip 84, № 4. - S. 503-507.
9. Ejzenshtadt S. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv / Per. s angl. A.V. Gordona pod red. B.S. Erasova. - M.: Aspekt Press, 1999. - 416 s.,
10. Fisun A.A. Demokratiya, neopatrimonializm i global'nye transformacii. Har'kov: Konstanta, 2006. – 351 s.
11. Fisun A.A. Ukrainskaya neopatrimonial'naya demokratiya: formirovanie, specifiika i tendencii razvitiya / A. Fisun // Ojkumena. – 2011. – Vyp.8. – S. 119-127.

12. Weber M/ *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology* / Ed. By G. Roth and C. Wittich. – Berkeley: Univ. of California Press, 1978.
13. Kamins'kij Є. Perekhidni derzhavi: osoblivosti, superechnosti j nebezpeki rozvitku // *Antologiya tvorchih dosyagnen'*. — K.: ISEMV NAN Ukraïni, 2004. - S.243-249.
14. Civilizacijnij vibir Ukraïni: paradigma osmislennya i strategiya dii: nacional'na dopovid' / red. kol.: S. I. Pirozhkov, O. M. Majboroda, YU. ZH. SHajgorods'kij ta in.; Institut politichnih i etnonacional'nih doslidzhen' im. I. F. Kurasa NAN Ukraïni. – K.: NAN Ukraïni, 2016. – 284 s.
15. Kuc G.M. Cennostnye osnovaniya ukrainskoj politicheskoy kul'tury // *Politikus*. – 2015. -. Vip.1. - S.138-142.
16. Kinan E. Rosijs'ki istorichni mifi / E. Kinan. – K.: Kritika, 2001. – 284 s.
17. Golovko I. Liberal'na demokratiya: umovi for-muvannya ta specifika stanovlennya : dis. ... kand. polit. nauk : spec. 23.00.02 Politichni instituti ta procesi / I. Golovko ; CHernivec'kij nac. un-t im. YU. Fed'ko-vicha. – Chernivci, 2010. – 248 s.
18. Podsiadlo L. Dezintegracyjna rola Rosji na przestrzeni poradzieckiej na przykłdzie Ukrainy // *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya Mizhnarodni vidnosini*. - 2015. - Vip.36. CH.3. - C.75–84.
19. Wasiuta O., Wasiuta S. Militarne i niemilitarne metody prowadzenia wojny hybrydowej Rosji przeciwko Ukrainie // *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya Mizhnarodni vidnosini*. - 2016. - Vip. 39. - C. 3–17.
20. Gorelov M. Civilizacijna paradigma krah Pereyaslavs'kogo procesu // *Naukovi zapiski IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni*. - Vip. 1(75). -. S.32-38.
21. Mihal'chenko N. I. Velikij civilizacionnyj vzryv na rubezhe HKH–HKHI vekov / N. I. Mihal'chenko. – K.: Parlamentskoe izdatel'stvo, 2016. – 504 s.
22. Batins'kij S. Rosijs'ka kvazicivilizaciya: istorichnij viklik dlya Ukraïni i svitu. – Drogobich: Posvit, 2014. – 97 s.
23. Orlova T.V. Rosiya: vchora, s'ogodni, zavtra? Monografiya. – K.: Logos, 2016. – 232 s.
24. Zdioruk S., YAblyons'kij V. Proekt «Russkogo mira» yak mekhanizm impers'koï agresii Rosii proii Ukraïni // *Naukovi zapiski IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni*. - 2014. - Vip. 6(74) - S.258-268.
25. Bul'vins'kij A.G. Vpliv impers'koï derzhavnoï tradicii na perebig politichnogo procesu v Rosii // *Kraïni postradyans'kogo prostoru: vikliki modernizacii: zbirnik naukovih prac' / za zag. red. A.G. Bul'vins'kogo*. – K.: Derzhavna ustanova «Institut vsesvitn'oï istorii NAN Ukraïni», 2016. – C.6-18.
26. Levi B.-A. «Esli potonet Ukraina - potonet vsya Evropa. Nashi sud'by segodnya polnost'yu svyazany» // *Zerkalo nedeli*. – 21.05. 2014, №18. - S. 5
27. Babka V. Rosijs'ko-ukraïns'kij konflikt: civilizacijni ta memorial'ni aspekti // *Naukovi zapiski IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni*. - Vip. 1(75). -S.104-114.
28. Mearsheimer J. Case for Ukrainian Nuclear Deterrent / John J. Mearsheimer // *Foreign Affairs*. - 1993. - Vol. 72, № 3. – R. 50–66.
29. Civilizacijnij krah Pereyaslavs'kogo proektu (Ukraïna i Moskoviya: istoriya spivisnuvannya ta vorozhnechi) / M. Gorelov, O. Mocya, O. Rafal's'kij. – K., IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni, 2017. – 256 s.
30. Nagorna L.P. Istorichna pam'yat': teorii, diskursi, refleksii / L.P. Nagorna. – K.: IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni, 2012. – 328 s.

About the author: Shepelev Maximilian Albertovich - Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations of the Taurida Academy of the Crimean Federal University of V.I. Vernadsky (ma_shepelev@mail.ru).

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И РОССИЕЙ

А.Г. Ибрагимов

Бакинский Государственный Университет,
Баку, Азербайджан

Аннотация. В статье проанализирован украинский кризис в контексте противостояния Запад-Россия. Автором рассматриваются нынешнее положение на Украине и в Крыму, текущие геополитические процессы в черноморском регионе и динамика евроинтеграции страны.

В статье отмечено, что Москва в последние годы разработала и проводит стратегию уравнивания влияния США. Благодаря В. Путину Россия впервые за годы после развала СССР смогла использовать мягкую силу. Существуют некоторые важные факторы, которые позволяют укрепить позиции Российской Федерации, это такие факторы, как защита администрацией США военной стратегии на Ближнем Востоке, экономический спад Европейского союза, падение Японии, экономические проблемы Индии и внутренние проблемы Китая. Однако, России нелегко поддерживать эту ситуацию, потому что, несмотря на все свои усилия и шаги в трубопроводной дипломатии. Российская Федерация, пережившая крупный геополитический коллапс после развала Советского Союза, в последние годы предприняла некоторые шаги под руководством В. Путина. Однако эти шаги в основном оборонительные действия для защиты российского влияния в регионе. По этой причине в XXI в. США и Западу необходимо представить новую идеологию, которая будет обнадеживающей для стран и народов Запада. То, что Россия будет предпринимать перед лицом гигантской КНР, которая быстро выходит на рынок Центральной Азии, является еще одной важной проблемой.

Ключевые слова: Украина, украинский кризис, Крым, Российская Федерация, Черноморский регион.

UKRAINIAN CRISIS IN THE CONTEXT OF CONFRONTATION BETWEEN THE WEST AND RUSSIA

A.G. Ibrahimov

Baku State University, Baku, Azerbaijan

Abstract. The article analyzes the Ukrainian crisis in the context of the West-Russia confrontation. The author examines the current situation in the Ukraine and the Crimea, the current geopolitical processes in the Black Sea region and the dynamics of the country's European integration.

The article notes that Moscow in recent years has developed and is pursuing a strategy of balancing US influence. Thanks to V. Putin, Russia for the first time in the years after the collapse of the USSR was able to use soft power. There are some important factors that can strengthen the position of the Russian Federation, such factors as the US administration's defense of the military strategy in the Middle East, the economic downturn of the European Union, the fall of Japan, the economic problems of India and the internal problems of China. However, it is not easy for Russia to support this situation, because, despite all its efforts and steps in pipeline diplomacy. The Russian Federation, which experienced a major geopolitical collapse after the collapse of the Soviet Union, in recent years has taken some steps under the leadership of V. Putin. However, these steps are mainly defensive actions to protect Russian influence in the region. For this reason, in the 21st century, the USA and the West need to present a new ideology that will be encouraging for the countries and peoples of the West. The fact that Russia will undertake in the face of the giant People's Republic of China, which is rapidly entering the Central Asian market, is another important issue.

Keywords: the Ukraine, Ukrainian crisis, Crimea, Russian Federation, Black Sea region.

В начале 2014 г. внимание мирового сообщества было приковано к развитию событий на Украине. Крым перешел под контроль Москвы после референдума о присоединении полуострова к РФ. После референдума, на котором 96,8% крымчан

проголосовали за присоединение к России, Крымская администрация провозгласила независимость от Украины и обратилась к России с просьбой о включении в состав РФ свою, которая приняла это обращение, объявив Крым частью своей территории.

В своем телефонном разговоре с президентом США Б. Обамой, российский лидер В. Путин заявил, что голосование было законным и соответствовало международному праву, в то время как президент США Обама и европейские лидеры объявили, что не признают референдум. Временный президент Украины А. Турчинов заявил, что референдум не будет признан Украиной и цивилизованным миром, а временный премьер-министр А. Яценюк заявил, что процесс референдума напоминает цирковое представление¹. Министр иностранных дел Великобритании У. Хейг заявил, что его страна не согласится с результатами референдума. Верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности К. Эштон заявила, что «ЕС хочет послать самое резкое послание России и что в этом направлении могут быть введены экономические санкции против Москвы»². Таким образом, это событие еще более обострило противостояние между Западом и Россией.

Геополитические процессы начала 2000-х годов ознаменовались вторжением американских военных сил в Афганистан и Ирак с использованием огромного военного потенциала США, а также чередой «цветных» революций в Грузии, Украине и Кыргызстане, войной между Россией и Грузией в 2008 г. На Украине после «оранжевой» революции была установлена прозападная власть. Россия, используя карту природного газа, дала понять, что Москва не желает союзника НАТО у своих

границ и не допустит американской экспансии в Черное море.

Процесс «арабской весны», начавшийся в 2011 г., показал, что в период правления президента Б. Обамы американская стратегия геополитической экспансии продолжалась на Ближнем Востоке и в Северной Африке. России не потребовалось слишком много времени, чтобы сбалансировать этот процесс. Начиная с 2011 г. Россия вновь стала «звонить в колокола тревоги». После событий, которые привели к ужасной смерти Каддафи в Ливии, Россия приняла стратегию предупреждения захвата и расчленения Сирии. Фактически при поддержке России и Ирана правительство Б. Асада в Сирии дало отпор радикальным исламистским группировкам, таким как Свободная сирийская армия и Фронт ан-Нусра³. Сегодня ситуация в Сирии, по мнению военных экспертов, изменилась в пользу Б. Асада. Другим «фронтom борьбы» для России была Грузия. В результате смены власти и ухода М. Саакашвили произошло смещение баланса военных сил в регионе в пользу России.

Кризис на Украине: возможные сценарии. В отношении Украины, придерживающейся прозападного пути после «оранжевой» революции в 2004 г., Россия применяла иную стратегию. В 2009 г. была применена тактика сокращения поставок природного газа, в конечном итоге к власти в Киеве пришел пророссийский президент В. Янукович. В конце 2013 г. заявление Януковича об отказе от подписания соглашения с ЕС дало толчок массовым выступлениям в пользу евроинтеграции страны. В результате жесткого противостояния В. Янукович бежал в Россию на специальном вертолете, на Украине было создано переходное правительство, а спикер парламента А. Турчинов был объявлен временным президентом. Результаты украинских выборов 2010 г. раскрывали разделенную структуру страны П. Порошенко, украинский бизнесмен, известный своей антироссийской и проевропейской риторикой, заявил, что хотел бы сделать свою страну членом ЕС и НАТО, после

¹ “Crimean parliament formally applies to join Russia”, BBC. 17.03.2014, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-europe-26609667>.

² “La Crimée entame son rapprochement avec la Russie”, Le Monde, 17. 03. 2014, [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/03/17/crimee-le-parlement-ukrainien-approuve-une-mobilisation-partielle_4384161_3214.html

³ Деятельность организации запрещена на территории РФ

чего был избран новым президентом страны. Россия ответила на эти шаги в Крыму. Действия России в Крыму были призваны сдерживать Украину от возможного членства в ЕС или НАТО.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на тот факт, что после выборов Украина стала прозападным государством и впервые перешла к полноценному партнерству с ЕС и различным видам сотрудничества с НАТО. Это вызвало естественную обеспокоенность у России, которая вскоре укрепилась в виде санкций и резкого снижения цен на энергоносители – основной источник доходов РФ. Страны коллективного Запада, не признающие присоединение Крыма к России, также не только включились в санкционную войну против России, но и, что наиболее опасно, в новую гонку вооружений, инициированную США. Подобное развитие процессов может привести к очень опасной региональной или даже мировой войне.

Впрочем, внешнеполитический и политико-экономический инструментарий ЕС в противодействии России достаточно ограничен. Ведь для проведения решительной политики Европа должна иметь возможность заменить природный газ, который она получает от России. В такой ситуации наиболее важными альтернативами являются запасы природного газа в Азербайджане, Иране и Восточном Средиземноморье, за пределами Кипра и Израиля. В случае продолжения ядерного соглашения с Ираном Европа может получить иранский газ, но в отсутствие соглашения Израиль может не отдавать предпочтение этому пути. Европейские страны, вероятно, также рассмотрят возможность использования Ирана в качестве инструмента диверсификации, а не основного источника. Вторым важным источником являются недавно обнаруженные запасы природного газа у побережья Израиля и Кипра, хотя, похоже, он не будет таким продуктивным, как ожидалось. Однако необходимо обеспечить безопасность на Средиземном море и достижение на Кипре хотя бы одного энергетического соглашения. Эта альтернатива намного лучше и безопаснее для Запада, учитывая инвестиции американ-

ской компании Noble и израильской компании Delek в регионе. Тем не менее, Европа может не иметь возможности удовлетворять энергетические потребности Европы в течение длительного времени, даже если ресурсы Кипра и Израиля связаны с TANAP и обеспечены для Европы. Следовательно, при таком варианте попытка Европы направить азербайджанский газ и доставить туркменский газ через Азербайджан в Европу станет шагом, который может реально разрушить энергетическую зависимость Европы от России¹.

Другой сценарий заключается в том, что в будущем обе стороны снизят напряженность и вернут ситуацию в докризисное положение. В этом случае для Украины кажется неизбежным возвращение на орбиту России. Зависимость Украины от природного газа России составляет 66%². Более того, неизвестно, как долго ЕС сможет продлить свою помощь Украине в условиях экономического кризиса. Влияние Германии, которое усиливается в странах Восточной Европы, которые были включены в ЕС в последнее время не вызывает восторга у других глобальных актеров, в частности США. Поэтому для них нежелательно оставлять Украину полностью под контролем ЕС и Германии.

Крымский вопрос. А каковы перспективы признания легитимности присоединения Крыма к Российской Федерации по итогам референдума? Прежде всего, необходимо констатировать, что Москва уже предприняла аналогичный шаг в Южной Осетии и Абхазии и признала эти образования в качестве независимого государства. То же самое сделали такие страны, как Венесуэла, Никарагуа и Вануату. Однако в вопросе Крыма Москва предпочла независимости полуострова его присоединение к РФ. В самой России при этом напоминают пример Косово в прошлом.

¹ “Azerbaijan May Benefit from the Russia-Ukraine Crisis”, 14.03.2014, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.valuewalk.com/2014/03/azerbaijan-russia-ukraine-wwiii/>. (Дата обращения: 12.03.2019)

² Kisacik, Sinai (2013),-Ukraine: A Country Trapped Between the Russian Federation and the Euro-Atlantic Blocks Politika, International Politics Academy, 14.03.2014.

Косово провозгласило свою независимость в 2008 г. и его признали более 100 стран. Но такие страны, как Россия, Республика Кипр, Греция и Сербия не признают независимость Косово, утверждая, что Косово по-прежнему является автономным регионом Сербии. По мнению эксперта Брукингского института Ст. Пайфера, который работал в посольстве США в Киеве в период с 1998 по 2000 гг., было бы неправильно сравнивать Крым и Косово. В Косово прошел долгий период дипломатического процесса в течение 9-10 лет до признания независимости, и число стран, признавших эту страну, превысило 100¹. Независимость Крыма может затронуть и многие другие конфликтные зоны. Эта тактика может служить примером для регионов Северного Ирака, регионального правительства Курдистана, который сталкивался с различными проблемами с центральным правительством Ирака, и Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) и Приднестровья².

Однако инструменты в руках Запада также крайне ограничены. По словам Г. Киссинджера, для предотвращения дальнейшего углубления кризиса в Украине и Крыму необходимо учитывать следующие принципы:

- Украинский народ должен иметь возможность решить, с кем заключить соглашение о партнерстве;
- Украина не должна вступать в НАТО;
- Народ Украины должен иметь возможность привести к власти желаемое им правительство, и Украина не должна взаимодействовать с Россией, одновременно наращивая свои отношения с Европой и Западом, подобно Финляндии;

¹ "A new cold war? Why Crimea should matter to Americans", USA Today, 17. 03. 2014, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.usatoday.com/story/news/politics/2014/03/14/usa-today-capital-download-steven-pifer-ukraine-russia-crimea/6382965/>. (Дата обращения: 12.03.2019)

²Tüysüzoğlu, Göktürk (2014), "Kırım Sorunu ve eski Sovyet coğrafyasındaki 'Donmuş Çatışma Bölgeleri'", Al Jazeera Turk, 17.03.2014, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aljazeera.com.tr/gorus/kirim-sorunu-ve-eski-sovyet-cografyasindaki-donmus-catisma-bolgeleri>. (Дата обращения: 12.03.2019)

- Россия должна прекратить «аннексию Крыма»³.

Наконец, на этом этапе следует более внимательно взглянуть на концепцию самоопределения. Самоопределение как право определять свое будущее, было одним из 14 пунктов В. Вильсона, объявленных американским президентом В. Вильсоном после Первой мировой войны. Тем не менее, самоопределение, по-видимому, имеет значение в контексте политики силы и сталкивается с трудностями при распространении общепринятого понятия в международном праве. Можно сказать, что различия во взглядах западной общественности на Косово и ТРСК являются наиболее конкретным показателем этого. По этой причине очевидно, что международное право не может объединить страны мира, по крайней мере, на данный момент, и что существует мировая система, основанная на политике силы.

Москва в последние годы разработала и проводит стратегию уравнивания влияния США. Благодаря В. Путину Россия впервые за годы после развала СССР смогла использовать мягкую силу. В своей статье «Призыв к предостережению от России», опубликованной в американской газете «Нью-Йорк Таймс» он изложил аргументы против американской исключительности, став выразителем позиции всех стран, недовольных политикой этой страны. Конечно, существуют некоторые важные факторы, которые позволяют укрепить позиции России. По словам Дж. Адельмана, это такие факторы, как защита администрацией США военной стратегии на Ближнем Востоке, экономический спад Европейского союза, падение Японии, экономические проблемы Индии и внутренние проблемы Китая⁴. Однако, по сло-

³ Kissinger, Henry(2014), "How the Ukraine crisis ends", The Washington Post,17.03.2014, [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html. (Дата обращения: 12.03.2019)

⁴ Adelman, Jonathan (2013), "Russia is Back", Huffington Post, 02.11.2013, [Электронный ресурс] – Режим доступа:

вам Дж. Адельмана и многих других, России нелегко поддерживать эту ситуацию, потому что, несмотря на все свои усилия и шаги в трубопроводной дипломатии, российская экономика является лишь тенью по сравнению с былой советской экономикой и сегодняшней американской экономикой. Не следует забывать, что идеала коммунизма не существует, поскольку Россия была центром притяжения в прошлом. В этом случае привлекательность России и других альтернативных центров силы исходит только из тех возможностей, которые не могут реализовать США и страны Запада, столкнувшихся с проблемами. Россия, пережившая крупный геополитический коллапс в виде развала Советского Союза, в последние годы предприняла некоторые шаги под руководством президента страны В.В. Путина по реставрации своих позиций на международной арене. Однако эти шаги в основном оборонительные действия для защиты российского влияния в регионе. По этой причине в XXI в. США и Западу необходимо представить новую идеологию, которая будет обнадеживающей для стран и народов Запада. Вызовы, стоящие перед Россией перед лицом гигантской экономики КНР, которая быстро выходит на рынок Центральной Азии, является еще одной важной геополитической проблемой.

История международных кризисов учит нас, что самым плохим вариантом реакции на кризис является сворачивание налаженных контактов, замораживание привычных связей и отказ от диалога. Напротив, именно в кризисных ситуациях диалог важен как ни в каких других обстоятельствах. Вспомним, что один из самых опасных кризисов холодной войны – кубинский кризис 1962 г. – имел своим результатом резкую активизацию советско-американского взаимодействия по ядерным вопросам, что в конечном итоге привело к созданию современного режима контроля над ядерными вооружениями. Этот урок не стоит забывать всем тем, кто сегодня призывает к замораживанию поли-

тических контактов между Россией и Западом, к новым и новым санкциям, к отказу от попыток найти взаимоприемлемые решения общих проблем, стоящих перед всеми нами¹.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Romer J. The Weimar Triangle and The Ukrainian Crisis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014; (4). С. 7-12.
2. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 496 с.
3. Гайстлингер М. Крымский референдум: международно-правовой аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014; (4). С. 13-19.
4. Крылов А.Б. Постсоветское пространство: проблемы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018; 18(2). С. 247-258.
5. Курылев К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М. Изд-во РУДН, 2014. С. 114.
6. Курылев К.П. Украинский кризис 2013-2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25-38.
7. Курылев К.П. Фактор Украины в обеспечении международной безопасности: региональный и глобальный уровни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 2. С. 12-22.
8. Курылев К.П. Интеграция в ЕС как один из приоритетов внешнеполитического курса Украины // Вестник Рос-

http://www.huffingtonpost.com/jonathan-adelman/russia-is-back_b_4087429.html (Дата обращения: 12.03.2019)

¹ Украинский кризис в системе международных отношений [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/ukrain-skiy-krizis-v-sisteme-mejdunarodnyih-otnosheniy/> (Дата обращения: 12.03.2019)

- сийского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. № 2. С. 76-91.
9. Курьлев К.П. Украинский кризис и международная безопасность. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 272 с.
 10. Курьлев К.П., Станис Д.В. Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривнутриполитической нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
 11. Протопопов А.С. Исторические параллели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014; (4). С. 20-24.
 12. Сушенцов А.А., Силаев Н.Ю. Сценарный прогноз развития украинского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018; 18(1). С. 107-123.
 13. Худайкулова А.В. Эффективность международной системы защиты прав человека в контексте украинского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014; (4). С. 39-46.
 14. Чмырева В.А. Украинский кризис в исследованиях «фабрик мысли» США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014; (4). С. 59-69.
- Сведения об авторе:** Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского Государственного Университета (e-mail: ialimusa@mail.ru).
- ### REFERENCES
1. Romer J. The Weimar Triangle and The Ukrainian Crisis // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014; (4). S. 7-12.
 2. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. — М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. — 496 s.
 3. Gajstlinger M. Krymskij referendum: mezhdunarodno-pravovoj aspekt // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014; (4). S. 13-19.
 4. Krylov A.B. Postsovetskoe prostranstvo: problemy razvitiya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018; 18(2). S. 247-258.
 5. Kurylev K.P. Vneshnyaya politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional'noj sistemy bezopasnosti v Evrope. M. Izd-vo RUDN, 2014. S. 114.
 6. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis 2013-2014 gg. i «arabskaya vesna» 2011 g.: skhodstvo i razlichie // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 4. S. 25-38.
 7. Kurylev K.P. Faktor Ukrainy v obespechenii mezhdunarodnoj bezopasnosti: regional'nyj i global'nyj urovni // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 2. S. 12-22.
 8. Kurylev K.P. Integraciya v ES kak odin iz prioritetrov vneshnepoliticheskogo kursa Ukrainy // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2012. № 2. S. 76-91.
 9. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost'. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 272 с.
 10. Kurylev K.P., Stanis D.V. Etnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoj nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
 11. Protopopov A.S. Istoricheskie paralleli // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014; (4). S. 20-24.
 12. Sushencov A.A., Silaev N.YU. Scenarnyj prognoz razvitiya ukrainskogo krizisa // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018; 18(1). S. 107-123.

13. Hudajkulova A.V. Effektivnost' mezhdunarodnoj sistemy zashchity prav cheloveka v kontekste ukrainskogo krizisa // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014; (4). S. 39-46.
14. Chmyreva V.A. Ukrainskij krizis v issledovaniyah «fabrik mysli» SSHA // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014; (4). S. 59-69.

About the author: Ibrahimov Alimusa Gulmusa, Ph.D. in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University (e-mail: ialimusa@mail.ru).

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2014-2018 ГГ.: ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.В. Семибратов

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены российско-украинские отношения после государственного переворота 2014 г., в результате которого политическое сотрудничество между Москвой и Киевом сошло на нет. Период 2014-2018 гг. можно охарактеризовать как этап беспрецедентной деградации двусторонних контактов, заключающееся в сворачивании связей, разрыве соглашений и прекращении пассажирского транспортного сообщения между двумя странами.

Перспектива выравнивания российско-украинских отношений выглядит в настоящий момент весьма туманно. Во-первых, если Киев и Москва не смогут урегулировать конфликт в Донбассе, то в среднесрочной перспективе вообще не имеет никакого смысла говорить о перспективах нормализации двусторонних отношений. Проблема Донбасса не может быть вынесена за скобки ни Украиной, ни Россией. Поэтому, если конфликт в Донбассе будет продолжаться, то остается лишь анализировать различные сценарии развития конфликта между Россией и Украиной, в том числе не исключая сценарии прямого военного столкновения или опосредованной войны.

Во-вторых, влияние внешних факторов на отношения России и Украины всегда было значительным. Однако сейчас их роль становится еще более заметной. Лица, принимающие решения на Украине, считают, что Кремль рассматривает их страну как арену противостояния с Западом и Соединенными Штатами, в частности. Со своей стороны, российское общественное мнение поддерживается в убеждении, что за политикой украинских властей стоят направленные против России интересы Запада. Поэтому, если отношения между Россией и Западом находятся на нисходящей стадии или стремительно деградиру-

ют, как сейчас, это серьезно влияет на оценку перспектив восстановления двусторонних отношений как в Москве, так и в Киеве. Более того, текущий уровень отношений России и Запада делает политически невозможными взаимные уступки и компромиссы, в том числе по Украине. Такие уступки и компромиссы могут быть просто не поняты и не приняты общественным мнением и политическими оппонентами. Поэтому в условиях обострения конфликта между Россией и Западом украинским властям выгодно двигаться в общем русле, показывая себе еще большими «ястребами», чем их европейские соседи, и подчеркивая важность консолидированного противостояния российским интересам именно на Украине.

Ключевые слова: Россия, Украина, двусторонние отношения, СНГ, евроинтеграция, «Евромайдан», украинский кризис, гражданская война, Донбасс, политическое урегулирование.

RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS IN 2014-2018: DYNAMICS, TRENDS, PROSPECTS

E.V. Semibratov

RUDN University, Moscow

Abstract: The article deals with Russian-Ukrainian relations after the 2014 coup d'état, as a result of which political ties between Moscow and Kiev unraveled. The period of 2014-2018 can be described as a stage of unprecedented degradation of bilateral contacts, consisting in the collapse of contacts, the breaking of agreements and the disruption of passenger transportation between the two countries.

The perspective of the alignment of Russian-Ukrainian relations is currently very vague. First, if Kiev and Moscow will not resolve the conflict in the Donbass, then in the medium term it makes no sense at all to talk about prospects for the normalization of bilateral relations. The problem of Donbass cannot be taken out of brackets, neither in the Ukraine nor in Russia. Therefore, if the conflict in the Donbass continues, it remains only to analyze various scenarios for the development of the conflict between Russia and the

Ukraine, including not excluding scenarios of a direct military clash or a mediated war.

Secondly, the influence of external factors on the relations between Russia and the Ukraine has always been significant. However, now their role is becoming even more noticeable. Decision makers in the Ukraine believe that the Kremlin views their country as an arena of confrontation with the West and the United States, in particular. For its part, Russian public opinion is supported in the conviction that the interests of the West against Russia stand behind the policies of the Ukrainian authorities. Therefore, if relations between Russia and the West are at a downward stage or are rapidly deteriorating, as now, this will seriously affect the assessment of the prospects for the restoration of bilateral relations both in Moscow and in Kiev. Moreover, the current level of relations between Russia and the West makes politically impossible mutual concessions and compromises, including the Ukraine. Such concessions and compromises may simply not be understood and not accepted by public opinion and political opponents. Therefore, in the context of the escalation of the conflict between Russia and the West, it is beneficial for the Ukrainian authorities to move along the general course, showing themselves even more “hawks” than their European neighbors, and emphasizing the importance of consolidated opposition to Russian interests in the Ukraine.

Keywords: Russia, the Ukraine, bilateral relations, CIS, Euro-integration, “Euro-maidan”, Ukrainian crisis, civil war, Donbas, political settlement.

21 февраля 2014 г. стало ключевой точкой в современной истории не только для Украины, но и всего постсоветского пространства. В Киеве был совершен государственный переворот, который стал финальной точкой «Евромайдана», т.н. «революция достоинства» победила. Во главе украинского правительства оказались люди, возглавлявшие до того массовые протесты, в частности, А.П. Яценюк, А.В. Турчинов, В.В. Кличко и др. Экспрезидент В.Ф. Янукович из-за угрозы жизни покинул Украину и по настоящий день пребывает на территории России.

Россия отказала в признании легитимности нового украинского правительства. Таким образом, отказываясь признать постмайданное руководство, Москва констатировала сложившийся на Украине правовой вакуум. В этих условиях народ, проживающий на юго-востоке Украины и в Крыму, отказался признать постмайданное руководство, пришедшее в результате государственного переворота. Так начались массовые протесты, названные в российских СМИ «Русской весной».

Подобное развитие ситуации привело к принятию конъюнктурного решения нового украинского руководства отменить закон «О государственной языковой политике»¹. Этот закон в 2012 г. был принят правящей «Партией регионов» в рамках выполнения своего предвыборного обещания о предоставлении русскому языку статуса второго государственного. Русский язык в 2012-2013 гг. получил статус регионального в 13 из 27 регионов страны. В этом свете глава комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л. Слуцкий заявил: «Отмена регионального статуса для русского языка — негативный сигнал, это может повлечь за собой сужение русскоязычного, в том числе образовательного, пространства на Украине»².

Тем временем, в конце февраля 2014 г. из Киева был отозван посол России на Украине М.Ю. Зурабов. Это означало фактическую приостановку двусторонних отношений. Однако в отличие от грузинского сценария 2008 г. полного разрыва двусторонних отношений не последовало.

В свете быстро меняющейся обстановки российское руководство приняло решение об оказании поддержки предстоящего

¹ Верховна Рада України ухвалила Закон "Про визнання таким, що втратив чинність, Закону України "Про засади державної мовної політики" // Верховна рада України [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rada.gov.ua/news/Novyny/Povidomlennya/88068.html> (дата обращения 14.02.2019)

² Верховная рада отменила закон о статусе русского языка // РИА-новости [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20140223/996527008.html> (дата обращения 14.02.2019)

крымского референдума, в том числе и обеспечением военной безопасности полуострова. Для России Крым всегда имел стратегическое значение, его нахождение в составе независимой Украины с 1991–2014 гг. давало Киеву возможность использовать вопрос нахождения российской базы военно-морского флота в Севастополе как инструмент политического торга в российско-украинских отношениях.

Согласно заключенному в 1997 г. Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, срок аренды военно-морской базы в Севастополе должен был закончиться в 2017 г., поэтому вопрос продления срока базирования Черноморского флота России остро стоял на повестке дня, особенно с учетом планов расширения НАТО на восток. Российские военные подчеркивали большую важность базы в Севастополе: бывший начальник Главного штаба ВМФ Виктор Кравченко сказал: «...В Крыму создана такая инфраструктура, которую ни за какие деньги уже не возвести»¹. Таким образом, проблема статуса крымских баз Черноморского флота России занимала одно из ключевых мест в российско-украинских отношениях с момента развала СССР в 1991 г. до воссоединения России с Крымом в 2014 г.

Территория юго-восточной Украины также исторически находилась в сфере интересов России. В этих областях проживает значительная доля русскоязычного населения, что подтверждается данными, в том числе и переписи населения 2001 года². Кроме того, жители этих регионов были традиционно настроены на необходимость развития отношений с Россией, об этом факте говорят данные всех президентских выборов на Украине в 1994-2010 гг., поскольку в этих регионах всегда одерживали уверенную победу кандидаты, выступающие за развитие конструктивных

отношений с Москвой³. На высоком уровне было и экономическое сотрудничество: «Южмаш» (г. Днепропетровск), «Мотор Сич» (г. Запорожье), «Азовсталь» (г. Мариуполь), «ХТЗ» (г. Харьков) и др. – лишь короткий список предприятий, основная доля продукции которых до 2014 г. шла на российский рынок.

1 марта 2014 г. Совет Федерации выдал разрешение Президенту РФ В.В. Путину на использование вооружённых сил на Украине⁴. Россия потенциально подготовила правовую почву для защиты русскоязычного населения юго-востока Украины. Однако это решение было аннулировано после избрания П.А. Порошенко на пост главы украинского государства.

15 марта страны НАТО и ряд их союзников внесли на рассмотрение в Совете Безопасности ООН резолюцию с осуждением нарушения территориальной целостности Украины и незаконности проведения крымского референдума 16 марта⁵. В резолюции содержались отсылки к Хельсинским соглашениям 1975 г. и Будапештскому меморандуму 1994 г., который гарантировал территориальную целостность Украины. При голосовании по резолюции Россия использовала свое право вето.

16 марта 2014 г. в Крыму был успешно проведен референдум, по результатам которого подавляющее большинство жителей полуострова выбрало путь вхождения в состав Российской Федерации⁶. На основе полученных результатов 18 марта 2014 г. в Кремле состоялось торжественное

¹ На газовом фронте без перемен // Известия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/309934> (дата обращения 14.02.2019)

² Распределение населения по национальности и родному языку // Всеукраинская перепись населения 2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/ (дата обращения 14.02.2019)

³ Вибори Президента України 17 січня 2010 року // Центральна виборча комісія України [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cvk.gov.ua/vp_2010/ (дата обращения 14.02.2019)

⁴ Совет Федерации разрешил Путину ввести войска на Украину // «Интерфакс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/362043> (дата обращения 14.02.2019)

⁵ Резолюция S/2014/189 // Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/266/59/PDF/N1426659.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.11.2017)

⁶ За присоединение Крыма к России проголосовало 96,77% крымчан // Интерфакс [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/365090> (дата обращения 14.02.2019)

подписание соглашений о вхождении новых регионов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь в состав Российской Федерации. Итоги референдума не были признаны большинством стран-членов ООН, Украина интерпретировала это событие, как «временную оккупацию территории АР Крым и г. Севастополя»¹. По своему характеру этот документ имеет много общих черт с принятым в октябре 2008 г. грузинским законом «Об оккупированных территориях».

Украинский политолог, заместитель гендиректора Центра Разумкова В.Ч алий, одной из ведущих «фабрик мысли» на Украине, прогнозировал, что возможна эскалация военного конфликта после проведения референдума о воссоединении Крыма с Россией. При этом эксперт не исключал начало полномасштабной войны между Украиной и Россией, при этом подчеркивая: «...кто первый делает выстрел, тот проигрывает. И сейчас позиция Украины - не допускать силового противостояния»².

После провала голосования в Совете Безопасности, уже 27 марта 2014 г. вопрос был поднят на заседании Генеральной Ассамблеи ООН: на голосование была вынесена и в последствии принята прозападная резолюция с осуждением нарушения территориальной целостности Украины и отказом от признания со стороны международного сообщества крымского референдума 16 марта 2014 г.³

Аналогичные по содержанию референдумы были проведены 11 мая 2014 г. в непризнанных республиках Донбасса –

Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР). Полученные в ходе волеизъявления результаты также подтвердили желание жителей региона войти в состав Российской Федерации, однако, опасаясь серьезных внешнеполитических последствий, Москва не пошла на реализацию этого сценария. В условиях фактической потери над Донбассом Киев принял решение о начале проведения т.н. «АТО», которая дала старт гражданской войне.

25 мая 2014 г., как и предполагалось соглашением от 21 февраля 2014 г. были проведены внеочередные президентские выборы на Украине. На выборах одержал победу П.А. Порошенко. Российскую сторону на этом мероприятии представлял ранее отозванный посол М.Ю. Зурабов, таким образом, Москва продемонстрировала свою готовность к восстановлению рабочих контактов с Киевом. При этом отметим, что посол Украины В. Ельченко был отозван в Киев еще в марте 2014 г. из-за обвинений России в т.н. «аннексии» Крыма, и в отличие от своего российского коллеги, на свое рабочее место в Москву так и не вернулся⁴.

Необходимо отметить, что первые контакты между руководством России и Украины после «Евромайдана» начались еще в апреле 2014 г., тогда в Женеве состоялась встреча на уровне министров иностранных дел стран, в последствии сформировавших «нормандскую четверку», однако практической пользы та встреча не принесла.

Следующим этапом взаимодействия России и Украины стало образование нормандского и минского форматов. Рассмотрим сначала первый. На праздновании 70-й годовщины высадки союзных войск во французской Нормандии лидеры Германии и Франции максимально содействовали организации первой встречи президентов России и Украины – В.В. Путина и П.А.

¹ Верховная Рада Украины приняла Закон «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» // Сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rada.gov.ua/ru/news/Novosty/Soobshchenyya/91573.html> (дата обращения 14.02.2019)

² Загроза військових дій в Криму збільшиться після 16 березня – експерт // УНІАН [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unian.ua/politics/895169-zagroza-viyskovih-diy-v-krimu-zbilshitsya-pislya-16-bereznya-ekspert.html> (дата обращения 14.02.2019)

³ Резолюция A/RES/68/262 // Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/19/PDF/N1345519.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.11.2018)

⁴ Спикер МИД Украины: новость об отзыве посла Украины из России неправильно поняли // «Комсомольская правда в Украине» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kp.ua/politics/492789-spyker-my-d-ukrayny-novost-ob-otzyve-posla-ukrayny-v-rossyyu-nepravylno-ponialy> (дата обращения 14.02.2019)

Порошенко. Этот шаг стал фактическим признанием нового президента Украины П.А. Порошенко Российской Федерацией. Отметим, что таким образом Москва также признала легитимность проведенной в апреле-мае 2014 г. президентской кампании. Первым документально зафиксированным признанием П.А. Порошенко стал релиз на сайте Президента России о телефонном разговоре между главами государств 19 июня 2014 г.¹, но подчеркнем, что с точки зрения норм дипломатического этикета встреча двух лидеров в Нормандии 6 июня 2014 г. четко продемонстрировала позицию российской стороны.

В России не питали иллюзий относительно договороспособности П.А. Порошенко, однако в силу внешнего давления было принято решение наладить контакт². В предложенном свете необходимо несколько остановиться на личности украинского президента. П.А. Порошенко – по состоянию на 2014 г., один из наиболее успешных украинских олигархов, миллиардер, владелец бизнеса в том числе и на территории Российской Федерации. До того он занимал посты главы Центробанка, министра экономического развития и иностранных дел в правительствах и В.А. Ющенко в В.Ф. Януковича.

Вероятно, со стороны достаточно гибкого с политической точки зрения некоторые ждали более гибкой позиции. Например, в разгар «Русской весны» в Крыму, 28 февраля 2014 г., П.А. Порошенко был единственным украинским нардепом, который приехал в Симферополь на переговоры с региональным руководством. Существуют разные оценки того визита: российская сторона считает его бессмысленным, украинская винит в провале крымские власти. Оставим этот вопрос за скобками, здесь констатируем следующее: подобного уровня открытости и диалога уже

на посту президента с другим регионом Украины – Донбассом, который де-юре по состоянию на начало 2019 г. продолжает оставаться ее частью, он не проявил. Уже в течение первого месяца на президентском посту был сделан целый ряд резонансных заявлений, которые четко продемонстрировали готовность новой украинской власти вести войну против народных республик Донбасса. 1 июля П.А. Порошенко принял решение о продолжении «АТО», тем самым, сорвав мирные устремления Москвы.

Россия вместе со своими европейскими партнёрами, Германией и Францией, пыталась предпринять шаги для мирного урегулирования ещё начала «большой войны» на Донбассе. На столь противоречивом фоне министры иностранных дел стран «норманнской группы» приняли совместную декларацию³, которая содержала следующие пункты:

- стороны подтвердили необходимость прекращения огня на востоке Украины;
- мониторинг текущей обстановки являлся компетенцией миссии ОБСЕ;
- предписывалось размещение наблюдателей ОБСЕ на российских пограничных постах Гуково и Донецк.

Ход боевых действий на юго-востоке Украины летом 2014 г. продемонстрировал военную устойчивость ДНР и ЛНР, проводимая украинскими властями «АТО» оказалась на грани провала. После попытки по окружению Донецка и выхода сил ВСУ на российско-украинскую границу в июне-июле 2014 г., вооруженным силам народных республик Донбасса удалось провести успешное контрнаступление, в результате которого удалось стабилизировать обстановку на линии соприкосновения, вернуть под свой контроль часть потерянных ранее территорий. В частности, украинские войска были разгромлены под Иловайском, был освобожден Новоазовск, ополченцы вплотную приблизились к Мариуполю.

¹ Телефонный разговор с Президентом Украины Петром Порошенко // Сайт Президента России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/45942> (дата обращения 14.02.2019)

² Переагрузка по-киевски // Издание «Эксперт» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://expert.ru/2014/05/26/poroshenko/> (дата обращения 14.02.2019)

³ Joint Declaration by the Foreign Ministers of Ukraine, Russia, France and Germany // Auswärtiges Amt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Meldungen/2014/140702_Statement.html (дата обращения 14.02.2019)

Однако на этом их наступательный потенциал оказался исчерпан, ВСУ по-прежнему находились в непосредственной близости от Луганска и особенно Донецка, сохраняя за собой контроль над аэропортом и выступом на линии соприкосновения в Дебальцево.

В ситуации, когда ни Киев, с одной стороны, ни Донецк с Луганском (без прямого вовлечения Москвы), с другой стороны, не были способны одержать военную победу, необходимость мирных переговоров стала очевидной для всех сторон, включая и украинское руководство, по крайней мере, на уровне официальных заявлений.

В период осени-зимы 2014-2015 гг. необходимо выделить формирование Минского формата, который по сей день является основной формой мирного урегулирования на Украине, а также одной из немногих площадок, на которых Москва и Киев имеют возможность двустороннего контакта. Не без участия России представители республик Донбасса также были вовлечены в переговоры, таким образом, был сформирован новый формат контактной группы по Украине – Россия, Украина, ОБСЕ, ДНР и ЛНР.

В основу Минского протокола (Минск-1) лег мирный план президента Украины П.А. Порошенко, который предусматривал прекращение огня, проведение административной реформы, предоставление особого статуса русскому языку, проведение всеобщей амнистии¹. Решение минского протокола были также документально оформлены в принятый Верховной Радой закон «Об особом статусе»². Относительно упомянутого закона необходимо отметить,

¹ Петр Порошенко представил свой мирный план по Донбассу // Информационный портал «Подробности» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://podrobnosti.ua/981383-petr-poroshenko-predstavil-svoj-mirnyj-plan-po-donbassu.html> (дата обращения 14.02.2019)

² Закон Украины от 16 сентября 2014 года №1680-VII «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» (В редакции Закона Украины от 17.03.2015 г. №256-VIII) // Правовой портал стран СНГ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=74224 (дата обращения 14.02.2019)

что порядок особого порядка местного самоуправления должен был быть введен только в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, то е. речи у пресловутой федерализации или объявленной Киевом «децентрализации» речь не шла. Даже статус Крыма в составе Украины до 2014 г. в формате административно-территориальной единицы «Автономная республика Крым» предполагал большую независимость в вопросах местного самоуправления, потому что касался территории всего региона.

Несмотря на готовность народных республик Донбасса встать на путь поиска компромисса, реального перемирия достичь не удалось. ВСУ по-прежнему обстреливали позиции ополченцев. При этом особо отметим, что Донецк и Луганск исполняли взятые на себя обязательства. Таким образом, усилия, предпринятые при подготовке минского протокола, не принесли должного результата.

В январе 2015 г. начался новый этап эскалации конфликта на Донбассе: вооруженные объединения народных республик Донбасса провели ряд успешных операций по освобождению донецкого аэропорта и г. Дебальцево (при координации действий между ДНР и ЛНР). Таким образом, ополченцам удалось отбросить ВСУ с позиций, находящихся в опасной близости с Донецком. Военная обстановка была стабилизирована в пользу народных республик Донбасса. Россия в этой ситуации, фактически поддерживая военные успехи ополченцев, была вынуждена предпринять шаги по дипломатической заморозке конфликта.

В этой ситуации вновь оказались актуальными контакты в рамках «нормандского формата», в феврале 2015 г. канцлер Германии А. Меркель в течение считанных дней провела переговоры с лидерами России, Франции и Украины: 6 февраля главы двух ведущих стран посетили с официальным визитом Киев, а 7 февраля Москву³. Однако на этом этапе переговор-

³ Встреча с Ангелой Меркель и Франсуа Олландом // Сайт Президента России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47635> (дата обращения 14.02.2019)

ного процесса в конфликте появляется ещё один актор – США, в которые с официальным визитом 9 февраля посетила канцлер Германии А. Меркель для согласования позиций по данному вопросу¹.

Таким образом, европейские лидеры прозондировали почву для организации прямых переговоров между Россией и Украиной на высшем уровне. Так состоялась новая встреча в «нормандском формате». В ночь с 11 на 12 февраля 2015 г. лидеры России, Германии, Франции и Украины достигли нового соглашения по вопросу урегулирования на Донбассе, так на свет появился т.н. «Минск-2», который по сей день является ключевой правовой основой мирного урегулирования на Украине². «Минск-2» подразумевает собой выполнение следующих пунктов³;

- прекращение огня на территории Донбасса;
- отвод вооружённых сил от линии соприкосновения;
- конституционная реформа на Украине, предусматривающая децентрализацию власти
- предоставление особого статуса отдельным районам Донецкой и Луганской областей;
- восстановление Украиной контроля над границей с Россией.

Отметим, что под минским протоколом также стояли подписи тогдашних глав ДНР и ЛНР – А. Захарченко и И. Плотницкого. Однако в документе были указаны исключительно их фамилии без упоминания правового статуса. С юридической точки зрения это означает, что стороны-

подписанты минских соглашений не признали правосубъектность народных республик. Если на этот вопрос посмотреть с точки зрения российско-украинских отношений, то здесь констатируем следующее. ДНР и ЛНР – безусловно, пророссийские непризнанные республики, поэтому вопрос признания хотя бы статуса их представителей лежит в плоскости интересов Москвы. Киев, в свою очередь, неоднократно указывал на т.н. «нелегитимный» статус ДНР и ЛНР, называя их представителей «сепаратистами» и «террористами». Таким образом, в определении формата участия представителей Донбасса на минских переговорах при поддержке западных партнеров – Германии и Франции был принят подход украинской стороны. Для российской дипломатии в условиях внешнего давления само участие ДНР и ЛНР в этих переговорах стало большим успехом.

Несмотря на усилия сторон внутренняя политика властей Украины не позволяет прийти к полному прекращению огня. По состоянию на конец 2018 г., Киев открыто бойкотировал выполнение минских соглашений, при этом обвиняя Донбасс в их системном нарушении.

В 2015-2018 гг. в ходе конфликта на Донбассе значительных изменений не произошло. Внимание мирового сообщества было приковано к событиям, происходящим в Сирии. Украинская тема ушла на второй план. Выполнение минских соглашений фактически оказалось заморожено. Конфликт перешел в перманентную фазу. Киев на фоне постоянных заявлений о скором возвращении Донбасса фактически утратил контроль над регионом. Россия, в свою очередь, придерживаясь норм международного права всячески оказывала отрезанному от внешнего мира региону свою поддержку. Например, в рамках гуманитарной поддержки в регион было направлено более 50 конвоев с материальной помощью населению Донбасса по линии МЧС России. Отметим, что этот шаг был крайне негативно воспринят украинской стороной: первый конвой в августе 2014 г. должен был проследовать на Донбасс через территорию, подконтрольной киевскому режиму, по этому вопросу между сто-

¹ Меркель обсуждает мирные предложения по Украине с Обамой // ВВС [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/02/150209_us_merkel_obama_talks (дата обращения 14.02.2019)

² Владимир Путин: Это не лучшая ночь в моей жизни, но утро доброе // «Комсомольская правда» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26341.4/3223937/> (дата обращения 14.02.2019)

³ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений // Сайт Президента России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения 14.02.2019)

ронами велись переговоры. Москва была намерена поставлять помощь через структуры Международного Красного Креста (МККК), однако Киев так и не дал разрешение на пересечение конвоем российско-украинской границы в Харьковской области. Отсутствие конструктивного подхода с украинской стороны в этом вопросе больше вех продемонстрировали премьер-министр А.П. Яценюк и министр внутренних дел А.Б. Аваков, которые приравнивали факт прохождения гуманитарного конвоя с актом агрессии¹. Конвой смог добраться до Донбасса только через подконтрольные ополченцам КПП в Луганской области. Дальнейшие конвои Москва уже не согласовывала с Киевом, контактируя напрямую с представителями народных республик Донбасса.

Ситуация вокруг гуманитарных конвоев продемонстрировала два принципиальных обстоятельства. Во-первых, Киев открыто начал реализовать стратегию по изоляции неподконтрольных русскоязычных областей Донбасса, и, во-вторых, Украина наглядно продемонстрировала, что не собирается вставать на путь конструктивного диалога с Россией, напротив, намерена в дальнейшем идти на эскалацию двусторонних отношений.

В настоящий момент Донбасс де-факто вошел в экономическую систему России, предприятия региона в большей степени сотрудничают с российскими партнерами, основной ходовой валютой на территории ДНР и ЛНР стал российский рубль.

На данный момент, по-прежнему, вопрос о статусе территорий Донбасса стоит на мировой повестке дня, работает минский формат, он по состоянию на 2018 г. показал свою неработоспособность, но альтернативы ему по-прежнему нет.

Во внутривосточном поле Украины аспект разрыва двусторонних отношений с Москвой является одним из наиболее спекулятивных: различные политические силы с 2014 г. призывают осуществить этот шаг, аналогичное место занимает вопрос о

членстве страны в СНГ. Отметим, что несмотря на то, что Украина является страной-основательницей, она с 1993 г. так и не ратифицировала устав организации, что фактически означает только ассоциированный статус. Тем не менее, в отличие от Грузии в 2008 г. Киев не предпринял практических шагов для организации своего выхода из СНГ, однако выплаты в бюджет организации, а также участие в совместных встречах на высшем уровне украинской стороной не производятся с 2014 г. Подобный формат позволяет судить том, что Киев намерен сохранить торгово-экономические связи со странами постсоветского пространства.

Россия с 2016 г. из-за подписания и ратификации Украиной соглашения о евроинтеграции в 2014 г. приостановила действие ЗСТ СНГ по отношению к Киеву, однако это решение коснулось только российско-украинских контактов. Другие страны-участники ЗСТ СНГ, включая ключевых союзников России по ЕАЭС – Белоруссия и Казахстан, по-прежнему работают с украинскими экономическими партнерами в рамках преференций, предусмотренных зоной свободной торговли.

Кроме того, в 2016 г. произошло еще два важных события: из Киева был окончательно отозван посол России М.Ю. Зурабов², и в тексте концепции внешней политики России от 30 ноября 2016 г. не был закреплён пункт об особой роли Украины во внешней политике Российской Федерации³.

Отзыв посла М.Ю. Зурабова стал важным сигналом лично президенту П.А. Порошенко. Во-первых, сам по себе факт отзыва посла и представительство на уровне временно поверенных говорит, что страны находятся на грани разрыва отношений.

² Связной с Порошенко // Информационный портал «Медуза» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/07/29/svyaznoy-s-poroshenko> (дата обращения 14.02.2019)

³ Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (дата обращения 14.02.2019)

¹ Киев выкинул номер // Российская газета [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/08/14/pomosh.html> (дата обращения 14.02.2019)

Во-вторых, известно, что посол М.Ю. Зурабов и президент П.А. Порошенко в течение долгого времени состоят в приятельских отношениях, поэтому его отзыв из Киева следует считать прямым сигналом лично главе государства, что Москву не устраивают деструктивные подходы украинского руководства.

С момента развала СССР Москва уделяла особое внимание постсоветскому пространству и особенно Украине, как стране с самым большим потенциалом после России. Этот пункт находил свое отражение во всех концепциях внешней политики России в период в 1993-2013 гг., однако в редакции 2016 г. ни одного пункта Украине не было посвящено. Это обстоятельство говорит об устойчивом тренде во внешней политике России на снижение доли внимания, уделяемого украинской стороне из-за отсутствия конструктивного подхода в действиях последних.

С этого момента следует отметить начало трансформации политики Москвы по постепенному отказу от контактов с Киевом: если в 2014 г. имели место предположения, что с руководством во главе с П.А. Порошенко можно будет взаимодействовать, то уже в 2016 г. стала очевидна их ошибочность.

Россия по состоянию на 2017 г. по-прежнему является крупнейшим торговым партнером Украины, это данные предоставлены украинской государственной службы статистики¹. В 2018 г. подобная ситуация сохранилась. Рынок России по-прежнему играет для украинских товаропроизводителей большую роль, несмотря на количественное сокращение контактов после февраля 2014 г. Дополнительно отметим, что в российском внешнеторговом балансе Украина стоит на 14-й позиции². Таким образом, политическая иници-

атива разрыва отношений полностью исходит от украинской стороны, Москва в 2014-2017 гг. проявляла максимум конструктивизма, демонстрируя свою готовность к двустороннему диалогу.

В 2018 г. отношения между странами пережили еще ряд негативных событий: Киев анонсировал разрыв двустороннего договора о дружбе и сотрудничестве 1997 г. – ключевого основополагающего документа российско-украинских отношений. 25 ноября 2018 г. случилось еще одно событие, имевшее серьезные политические последствия: украинская сторона осуществила акт провокации в Керченском проливе – корабли ВМФУ нарушили государственную границу России и их команды были в полном соответствии с российскими законами задержаны. Команда украинских судов в настоящий момент находится в СИЗО и ожидает рассмотрения уголовного дела в суде. Из этого события необходимо выделить три важных момента:

- российские и украинские военные впервые с 2014 г. находились под угрозой прямого столкновения;

- по решению Верховной Рады Украины на месяц в 10 областях юго-востока страны было введено военное положение;

- впервые с избрания П.А. Порошенко в 2014 г. Москва отказалась от прямых с ним контактов, о чем заявил российский лидер В.В. Путин.

После конфликта в Керченском проливе российская сторона отказалась от контактов с украинскими властями. Президент П.А. Порошенко неоднократно заявлял, что В.В. Путин отказывается отвечать на его телефонные звонки, эта информация нашла полное подтверждение и в словах российского лидера. Таким образом, в конце 2018 г. можно констатировать окончательное изменение подходов Москвы к выстраиванию отношения с Киевом, а именно – российская сторона полностью отказалась от контактов с руководством во главе с П.А. Порошенко.

Российско-украинские отношения 2014-2018 гг. являются одним из самых ярких примеров в современной истории по

http://customs.ru/attachments/article/25865/WEB_UTS_A_09.xls (дата обращения 14.02.2019)

¹ Географічна структура зовнішньої торгівлі товарами у 2017 році // Державна служба статистики України [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2017/zd/ztt/ztt_u/ztt1217_u.htm (дата обращения 14.02.2019)

² Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран // Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс] – Режим доступа:

деградации и сворачиванию крепких и взаимовыгодных связей. Это было вызвано многими стратегическими ошибками, допущенными российским руководством до 2014 г., а также перманентным прозападным курсом Украины, проводимым с 1990-х гг., без учета Киевом этнокультурных особенностей и противоречий внутри своего собственного государства. Перспективы двусторонних отношений выглядят туманно: конечно, сейчас не исключено, что на Украине произойдет транзит власти после президентских выборов 31 марта 2019 г., основные конкуренты П.А. Порошенко – Ю.В. Тимошенко и В.А. Зеленский в своих предвыборных заявлениях также не демонстрирует благоразумного подхода к отношениям с Россией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курyleв. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 496 с.
2. Курyleв К.П., Семибратов Е.В., Шабловский В.С. Взаимодействие Украины со странами ГУАМ на примере голосования в Генеральной Ассамблее ООН // Дипломатическая служба. 2018. № 3. С. 25-34.
3. Курyleв К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М. Изд-во РУДН, 2014. С. 114.
4. Курyleв К.П. Украинский кризис 2013-2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25-38.
5. Курyleв К.П. Фактор Украины в обеспечении международной безопасности: региональный и глобальный уровни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 2. С. 12-22.
6. Курyleв К.П. Интеграция в ЕС как один из приоритетов внешнеполитического курса Украины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. № 2. С. 76-91.
7. Курyleв К.П. Украинский кризис и международная безопасность. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 272 с.
8. Курyleв К.П., Станис Д.В. Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
9. Сушенцов А.А., Силаев Н.Ю. Сценарный прогноз развития украинского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018; 18(1). С. 107-123.

Сведения об авторе: Семибратов Евгений Викторович – аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН, помощник директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН (e-mail: semibratov_ev@rudn.ru, e-semibratov@mail.ru).

REFERENCES

1. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. 496 s.
2. Kurylev K.P., Semibratov E.V., SHablovskij V.S. Vzaimodejstvie Ukrainy so stranami GUAM na primere golosovaniya v General'noj Assamblee OON // Diplomaticheskaya sluzhba. 2018. № 3. S. 25-34.
3. Kurylev K.P. Vneshnyaya politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional'noj sistemy bezopasnosti v Evrope. M. Izd-vo RUDN, 2014. S. 114.
4. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis 2013-2014 gg. i «arabskaya vesna» 2011 g.: skhodstvo i razlichie // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 4. S. 25-38.
5. Kurylev K.P. Faktor Ukrainy v obespechenii mezhdunarodnoj bezopasnosti: regional'nyj i global'nyj urovni // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 2. S. 12-22.
6. Kurylev K.P. Integraciya v ES kak odin iz prioritetov vneshnepoliticheskogo kursa Ukrainy

// Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2012. № 2. S. 76-91.

7. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost'. — M.: LENAND, 2018. — 272 s.
8. Kurylev K.P., Stanis D.V. EHtnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoj nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
9. Sushencov A.A., Silaev N.YU. Scenarnyj prognoz razvitiya ukrainskogo krizisa // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018; 18(1). S. 107-123.

About the author: Semibratov Evgeny Viktorovich - Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Assistant Director of the Institute of Strategic Studies and Predictions, RUDN University (e-mail: semibratov_ev@rudn.ru, e-semibratov@mail.ru).

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И НАТО В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ

В.С. Шабловский

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В данной статье автор проводит анализ текущего состояния отношений между Россией и НАТО. Кризис на Украине крайне негативно повлиял на эти отношения, которые и ранее никогда не были доверительными, а сейчас и вовсе скатились до уровня нескрываемой конфронтации.

Автор делает акцент на подробном изучении нормативно-правовых документов, принятых в России и в США (главное действующее лицо в НАТО) после начала кризиса на Украине.

Отдельное внимание уделено исследованию позиций российских и зарубежных исследователей относительно будущего отношений России и НАТО. В результате данного исследования автор приходит к выводу о том, что в России и на Западе преобладают диаметрально противоположные взгляды касательно сложившегося тупика. И перспектив выхода из этого тупика пока не наблюдается.

Ключевые слова: Россия, США, НАТО, Украина, ОДКБ.

RUSSIA-NATO RELATIONS IN CONTEXT OF THE UKRAINIAN CRISIS

V.S. Shablovskiy

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The author of this article made the analysis of current relations between Russia and NATO. The Ukrainian crisis influenced these relations in extremely negative manner. Russia-NATO interaction had never been trustful but now it has turned into open confrontation between the sides.

The author stressed the accent on the thorough examination of normative-legal documents adopted in the Russian Federation and the United States of America (as NATO's leader) since the Ukrainian crisis erupted.

Special attention was dedicated to the opinions of Russian and foreign researchers towards the future of Russia-NATO relations. As a result, the author came to the conclusion that diametrically opposite views on current deadlock have been dominating both in the Russian Federation and in the West. So, the perspectives of breaking this deadlock haven't been seen yet.

Keywords: Russia, USA, NATO, the Ukraine, CSTO.

Кризис на Украине существенно сказался на всей международной системе. Данный конфликт затронул и отношения между Россией и НАТО. Эти отношения никогда не были простыми. Однако, на протяжении 2011-2013 гг., т.е. непосредственно перед началом «цветной революции» на Украине, взаимодействие между Москвой и Брюсселем было на более-менее стабильном уровне. В свою очередь, украинский кризис отбросил сотрудничество России и НАТО на уровень времен Холодной войны. НАТО объявляет Россию главной угрозой международной стабильности и обвиняет Москву в стремлении перекроить границы Европы. Россия же негодует из-за расширения НАТО на Восток и регулярных попыток дестабилизировать обстановку в соседних с Россией государствах.

О состоянии российско-натовских отношений можно составить мнение, просто следя за выступлениями официальных лиц обеих сторон. Тем не менее, на наш взгляд, объективнее всего о текущем положении дел в связке Россия-НАТО говорят конкретные действия и решения, предпринимаемые обеими сторонами с момента госпереворота на Украине.

Начнем с нашей страны. В 2016 г. была принята новая концепция внешней политики РФ. Согласно данному документу, Россия крайне обеспокоена расширением НАТО на Восток и интенсификацией деятельности Альянса вблизи российских границ, что ведет к появлению новых разделительных линий в Европе и угрожает национальной безопасности России¹.

¹ Концепция внешней политики РФ 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Также в концепции отмечено, что НАТО вместе с ЕС осуществляют геополитическую экспансию, оказывают всестороннее давление на Россию, что несет колоссальный вред для региональной и глобальной безопасности. НАТО и ЕС демонстрируют нежелание принимать реальные меры для создания эффективной и справедливой системы безопасности в Европе.

Как видно, в концепции прямо говорится о деструктивной роли НАТО и ЕС в последние годы. Подчеркивается, что политика Запада по сдерживанию РФ негативно сказывается на региональной и глобальной безопасности, что приобретает особо негативный оттенок в эпоху трансграничных вызовов и угроз, с которыми по определению надо бороться совместными усилиями, а не формировать новые раздельные линии, как это делает НАТО.

Теперь перейдем к тому, как изменилось отношение НАТО к РФ после начала кризиса на Украине. Лучшим индикатором служат ежегодные саммиты НАТО и решения, принимаемые там. На настоящий момент прошло три таких саммита: в Ньюпорте (2014 г.), Варшаве (2016 г.) и Брюсселе (2017 г.).

Саммит в Ньюпорте увенчался тремя ключевыми решениями НАТО: 1) Признание агрессии России по отношению к Украине. Приостановка практического сотрудничества с Россией, «заморозка» отношений с ней. В то же время сохранение политических каналов взаимодействия с Россией относительно ситуации на Украине. 2) Прекращение сокращения оборонных бюджетов стран-членов НАТО, их увеличение до уровня 2% от ВВП. Кроме того, минимум 20% от военных расходов государств должно уходить на закупку новых вооружений. 3) Увеличение численности Сил быстрого реагирования (СБР) НАТО до 40 тыс. человек. Создание при СБР совместных сил повышенной готовности в составе 20 тыс. человек¹.

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/4> (Дата обращения 11.03.2019)

¹ НАТО приняла план защиты от РФ и уговаривает страны увеличить бюджеты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Польский саммит НАТО, прошедший в Варшаве в 2016 г., зафиксировал следующие решения Альянса: 1) Размещение четырех батальонов НАТО в Польшу, Латвию, Литву и Эстонию для защиты этих стран от потенциальной агрессии со стороны России. 2) Стратегия одновременного «сдерживания и диалога» с Москвой. 3) Усиление присутствия НАТО в Черноморском регионе²³.

В 2017 г. саммит НАТО прошел в Брюсселе. Его итоги таковы: 1) Присоединение НАТО к международной коалиции по борьбе с ИГ. 2) Повышение оборонных расходов стран-членов НАТО⁴.

Наконец, прошлогодний саммит НАТО, также прошедший в Брюсселе, ознаменовался следующими итогами: 1) Подтверждение членов НАТО приверженности повышения военных расходов до уровня 2% от ВВП. Планируется достигнуть этого показателя до конца 2024 г. 2) Создание 30 батальонов, формирование 30 новых эскадрилий и увеличение флота НАТО на 30 кораблей к 2020 г. Тем самым НАТО планирует увеличить мобильность сил НАТО: новые подразделения должны быть готовы к оперативному развертыванию в течение 30 дней. 3) Учреждение новых командных центров: командование по Атлантике (Норфолк, США) и командование по логистике (Ульм, Германия). 4) Члены НАТО снова осудили политику России, отметив, что ее «агрессивные дей-

<https://ria.ru/world/20140905/1022989261.html> (Дата обращения 11.03.2019)

² Саммит НАТО принял решение усилить восточный фланг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://ria.ru/world/20160708/1461827811.html> (Дата обращения 11.03.2019)

³ Итоги саммита: НАТО ищет конструктивного диалога с Россией, усиливая оборону. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160709/1462477211.html> (Дата обращения 11.03.2019)

⁴ Саммит для Трампа: что обсудили лидеры НАТО в Брюсселе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.rbc.ru/politics/25/05/2017/5926c6489a79472bd1050bdb> (Дата обращения 11.03.2019)

ствия» несут серьезную угрозу безопасности членам альянса¹.

Целесообразно отметить и ключевые события, связанные непосредственно с США, являющимися безусловным лидером НАТО. Наибольшее внимания в контексте данной работы, на наш взгляд, заслуживают запуск Европейской инициативы по повышению уверенности в 2014 г. и принятие новой Стратегии национальной безопасности США в 2017 г.

Европейская инициатива по повышению уверенности (European Reassurance Initiative) – американский проект дополнительного финансирования НАТО, направленный на модернизацию и укрепление инфраструктуры Альянса, увеличение численности сил НАТО в Европе. В конечном счете, целью проекта было укрепить Европу во мнении, что США продолжают нести ответственность за их территориальную целостность и суверенитета. Фактически это означало операцию США по сдерживанию России.

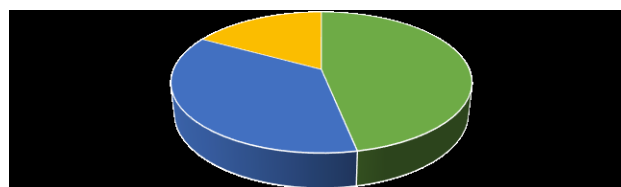
Бюджет проекта также регулярно меняется (см. Таблицу 1). Программа была запущена в 2015 г., ее первоначальный бюджет составил 985 млн. долларов. В 2016 г. финансирование проекта было сокращено до 789,3 млн. долларов. Однако, в 2017 г. США в разы увеличили финансирование программы, выделив 3,4 млрд. долларов. В 2018 г. бюджет программы составит 4,7 млрд. долларов. Такой серьезный скачок в финансировании связан со все большими усилиями США по сдерживанию России².

Таблица 1. Бюджет European Reassurance Initiative в период 2015-2018 гг. (в миллиардах долларов)³.

Год	2015	2016	2017	2018
Бюджет	0,985	0,789	3,4	4,7

Интересна и структура этих расходов (см. Рисунок 1): 2,2 млрд. долларов – запасы военного оборудования; 1,7 млрд. долларов – увеличение присутствия. Остальные полмиллиарда долларов предназначались для улучшения инфраструктуры и связи, проведения военных учений и т.д. При этом львиная доля всех расходов пришлась на пехоту НАТО – 3,2 млрд. долларов (68% от общего бюджета)⁴.

Рисунок 1. Структура бюджета European Reassurance Initiative в 2018 г.

- Запасы военного оборудования
- Увеличение присутствия сил НАТО
- Прочие расходы (инфраструктура, связь, учения, помощь партнерам НАТО)

Указанные данные свидетельствуют о том, что: 1) США придают большое значение этой инициативе, что проявляется в значительном повышении финансирования проекта в последние два года; 2) Главный акцент делается на создание запасов военного оборудования, что можно расценить как стремление НАТО подготовить тыл на

¹ Траты по-американски: о чем договорился Трамп на саммите НАТО в Брюсселе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/12/07/2018/5b47287e9a79470b20121018> (Дата обращения 11.03.2019)

² European Reassurance Initiative. Department of Defense Budget Fiscal Year (FY) 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2018/fy2018_ERI_J-Book.pdf (Дата обращения 11.03.2019)

³ European Reassurance Initiative. Department of Defense Budget Fiscal Year (FY) 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2018/fy2018_ERI_J-Book.pdf (Дата обращения 11.03.2019)

⁴ European Reassurance Initiative. Department of Defense Budget Fiscal Year (FY) 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2018/fy2018_ERI_J-Book.pdf (Дата обращения 11.03.2019)

случай полномасштабного вооруженного конфликта с Россией.

Еще один значимый документ – новая Стратегия национальной безопасности США 2017 г.¹ В Стратегии говорится, что Россия и Китай представляют угрозу для американских ценностей и интересов, стремятся подрвать американское влияние в мире. Тем самым США фактически признают свое стремление к глобальному доминированию, однополярному миру, в котором единоличным лидером будут именно США. Американцы не хотят делить мировое господство с кем-либо, и поэтому рост влияния России и Китая так беспокоит их.

Кроме того, в Стратегии говорится, что Россия активно прибегает к подрывным мерам с тем, чтобы оторвать Европу от США, внести раскол в трансатлантическое сообщество. Россия прямо обвиняется в интервенции в Грузию и Украину. Более того, подчеркивается, что Россия нарушает суверенитет многих стран по всему миру, вмешиваясь в их внутренние дела.

Таким образом, анализ основных документов и событий, имевших место с начала конфликта на Украине, показывает, что отношения между Россией и НАТО упали до рекордно низкого уровня, фактически вернувшись во времена Холодной войны. Обе стороны рассматривают друг друга как ключевых оппонентов на международной арене. В настоящий момент степень конфронтации между Россией и НАТО достигла своей кульминации за все постсоветские годы, и совершенно непонятно, как долго будет сохраняться такой порядок вещей.

Интересно ознакомиться с мнениями зарубежных исследователей относительно перспектив отношений между Россией и НАТО. Рассмотрим ряд работ ведущих аналитических центров США и Европы, посвященных данной тематике.

Совместная статья Дж. Карафано, Л. Коффи и М. Поззи возлагает всю вину за

происходящее на Украине исключительно на Россию². Утверждается, что Украина стала испытательным полигоном для применения Россией тактики гибридной войны, т.е. использование совокупности методов давления на противника – пропаганда, кибератаки, энергетический фактор, прямое военное вторжение и т.д. Авторы настаивают на том, что Россия не брезгует ничем ради дестабилизации ситуации на Украине. Заявляется даже о том, что Россия вмешивалась в проведение антикоррупционных реформ на Украине и даже завербовала французского гражданина для организации теракта во Франции. При этом все эти голословные обвинения не сопровождаются никакими фактами.

В конечном счете исследователи приходят к выводу, что главным приоритетом для НАТО должно стать извлечение уроков из вторжения России на Украину и выработка мер для противодействия тактике гибридной войны, которую Москва якобы взяла на вооружение. В качестве временной меры для противодействия российской угрозе авторы предлагают организовать Центр НАТО на территории Украины. На их взгляд, появление такой структуры охладит пыл российского руководства и поможет стабилизировать обстановку на Украине.

Очевидно, что такой однобокий взгляд на вещи, который предлагают авторы указанной статьи, полностью противоречит объективной реальности. Исследователи не приводят никаких доказательств вины России в происходящем хаосе на Украине, а все их рассуждения сводятся к огульной и беспочвенной критике России. Абсолютно ангажированная позиция исследователей, не учитывающая и даже не стремящаяся учитывать реальное положение дел на Украине, лишней раз подчеркивает, как умело западные страны формируют выгодное им общественное мнение. Ведь простому американскому обывателю вовсе необязательно видеть широкую доказа-

¹ США в стратегии нацбезопасности заявили об угрозе со стороны России и Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4822764> (Дата обращения 11.03.2019)

² NATO must learn from Ukraine war to counter Putin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/nato-must-learn-ukraine-war-counter-putin> (Дата обращения 11.03.2019)

тельную базу и четкую аргументацию – достаточно лишь короткого и понятного тезиса «во всем виновата Россия», чтобы сформировать у масс нужное настроение.

Аналитик крупнейшего британского мозгового центра «Chatham House» М. Булег говорит о том, что устаревшая ментальность Кремля лежит в основе того, что в России любой шаг НАТО относительно традиционной сферы влияния России рассматривается Москвой как угроза ее национальной безопасности¹. Иными словами, автор намекает, что это не НАТО своим продвижением на Восток угрожает России, а сама Россия впала в паранойю и видит врагов там, где их нет.

Автор говорит и о том, что современная Россия постоянно проверяет Запад на прочность; в том числе, постоянными полетами российских самолетов над судами НАТО в Черном и Балтийском морях, непрофессиональными действиями российских летчиков в Сирии, военными учениями вблизи границ членов НАТО. Исходя из этого, М. Булег приходит к выводу, что Вашингтон должен пересмотреть свою стратегию отношений с Москвой с тем, чтобы адекватно отвечать «российской угрозе». Исследователь также подчеркивает, что нет никаких предпосылок к тому, чтобы российско-американские отношения в 2018 г. вышли из затяжного пике на нормальный уровень. Мы уверены, что дальше отношения будут только ухудшаться.

Наиболее реалистичную точку зрения о будущем отношений России и НАТО обозначил исследователь «Brookings Institution» Майкл О'Ханлон, который говорит о том, что текущая система европейской безопасности нуждается в радикальном пересмотре. Он отмечает, что расширение НАТО – это ошибка, поскольку это лишь ослабляет потенциал Альянса. По мнению автора, НАТО не должна быть организацией, неотъемлемое право на вступление в которую имеет абсолютно любое государ-

ство, поскольку многие из ее нынешних членов объективно не способны внести какой-то ощутимый вклад в безопасность на пространстве ЕвроАтлантики. Таким образом, исследователь утверждает, что дальнейшее расширение НАТО крайне негативно повлияет на позиции Альянса в регионе [Michael E. O'Hanlon 2017: pp. 71-75].

О'Ханлон предлагает следующую формулу европейской безопасности: государства Восточной Европы, включая бывшие советские республики, страны Балканского полуострова и страны Скандинавии должны иметь статус нейтральных государств, т.е. не быть членами каких-либо военно-политических организаций. Соответственно, Россия и НАТО должны гарантировать безопасность этих стран. Указывается также, что Россия должна вывести свои войска с территорий соседних стран. Таким образом, образуется этакий нейтральный пояс государств от севера до юга Европы. При этом нейтральные государства смогут вступать в любые организации не военно-политического толка. К примеру, если Украина захочет вступить в ЕС, и у Брюсселя будет в этом ответная заинтересованность – пожалуйста. Украина может принимать участие в различных международных операциях по поддержанию безопасности, но при этом не сможет претендовать на членство в НАТО [Michael E. O'Hanlon 2017: pp. 90-100].

На наш взгляд, такой подход достаточно полно отвечает текущей конъюнктуре европейской безопасности. Россия не намерена мириться с расширением НАТО на Восток, поэтому запрет на вступление новых государств в НАТО будет уже колоссальным шагом навстречу улучшению отношений между Россией и Альянсом. Гарантии невступления соседей России в НАТО существенно снизит напряженность, которая есть сейчас. Будет создан статус-кво, в поддержании которого будут заинтересованы все: и НАТО, и Россия, и сами нейтральные страны. Иными словами, это будет возвращение к эпохе «Европейского концерта» – системы международных отношений, сложившейся после наполеоновских войн, которая характери-

¹ The US-Russia relationship is likely to deteriorate further in 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/us-russia-relationship-likely-deteriorate-further-2018> (Дата обращения 11.03.2019)

зовалась балансом сил между ведущими державами. Полагаем, что данная формула является действительно компромиссной и отвечающей интересам всех сторон.

Примерно схожую концепцию предложил Зб. Бжезинский, однако его теория не лишена «подводных камней». Сразу после начала революции на Украине он высказал мнение, что самым верным ходом для Украины было бы пойти по стопам Финляндии («финляндизация» Украины). Напомним, что Финляндия является членом ЕС и одновременно имеет развитые отношения с Россией. При этом Финляндия не вступила в НАТО, что дает основания заявлять о том, что это государство нейтрально в военно-политическом плане. В то же время Финляндия все равно усиливает свою вовлеченность в европейские дела и сотрудничает с НАТО в рамках различных программ¹.

Эксперт предлагает Украине взять пример с Финляндии, а именно – не вступать в ближайшей перспективе в НАТО, чтобы не злить Россию. При этом Украине предписывается продолжать расширять сотрудничество с евроатлантическими структурами и сохранить нормальные отношения с Россией. Согласно Зб. Бжезинскому, этот вариант устроил бы все стороны, вовлеченные в украинский кризис.

В то же время нельзя не отметить, что план Бжезинского не такой пацифистский, каким может показаться на первый взгляд. Держа в уме репутацию Бжезинского как яркого русофоба и вспоминая его фундаментальные научные труды, можно прийти к выводу, что посредством применения данного сценария эксперт рассчитывает трансформировать Россию или, по крайней мере, планомерно дестабилизировать ситуацию в России. Та же Финляндия ныне превратилась в базу ряда экстремистских организаций (например, «Имарат Кавказ»²), которые ведут активную подрывную деятельность в России. Укрываясь в

Финляндии и имея там легальный статус, эти организации занимаются вербовкой и подготовкой террористов для осуществления терактов и диверсий на территории России. При этом сама Финляндия заявляет, что не имеет никаких претензий к деятельности данных организаций³. На наш взгляд, Украину ждет схожая судьба – центра подрывной деятельности против России – в случае реализации сценария Бжезинского.

Украинский кризис отразился не только на негативной характеристике предпринимаемых Россией мер на европейском континенте, но и на трактовке российских действий в других регионах. Яркий пример – конфликт в Сирии. Примечательна статья С. Ульгена из «Центра Карнеги»⁴. Автор называет участие России в борьбе с «Исламским государством»⁵ не иначе как «российская интервенция в гражданскую войну в Сирии», а также подчеркивает, что стратегическая цель России в Сирии – ослабление НАТО. Говорится и о том, что, воюя в Сирии, Россия грамотно занимается рекламой своего вооружения: с начала участия российских военно-космических сил (ВКС) в боевых действиях в Сирии сразу несколько стран заключили контракты с Россией о поставках российского вооружения.

Данные утверждения С. Ульгена не выдерживают никакой критики. Во-первых, ВКС России присутствуют в Сирии на совершенно законной основе, в связи с личной просьбой президента Сирии Б. Асада. В то же время коалиция западных стран во главе с США не имеет никаких полномочий на ведение боевых действий в Сирии, т.е. фактически осуществляют свою деятельность в Сирии противоправ-

¹ Russia needs to be offered a «Finland option» for Ukraine. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/e855408c-9bf6-11e3-afe3-00144feab7de> (Дата обращения 11.03.2019)

² Деятельность организации запрещена на территории РФ

³ Зачем Бжезинскому нужен «финский вариант» для Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/41175-zachem-bzhezinskomu-nuzhen-finskiy-variant-dlya-ukrainy.html> (Дата обращения 11.03.2019)

⁴ NATO's Southern Strategy at a Crossroads. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegieeurope.eu/2017/12/07/nato-s-southern-strategy-at-crossroads-pub-74932> (Дата обращения 11.03.2019)

⁵ Деятельность организации запрещена на территории РФ

но. Во-вторых, территория Сирии уже полностью освобождена от террористов «Исламского государства», что является несомненной заслугой именно российских и сирийских военных. Выверенные, точечные воздушные удары российских ВКС вкупе с наступлением сирийской армии позволили освободить страну от террористов и предоставить ей шанс на мирное, спокойное будущее. В-третьих, широко известны ситуации, когда террористы получали помощь непосредственно от США. Показателен случай, произошедший в декабре 2017 г.: главаря «Исламского государства» были эвакуированы американскими вертолетами с места боевых действий после того, как возникла угроза их пленения или уничтожения наступавшими силами сирийской армии¹.

Выступая с высоких трибун с громкими лозунгами о «необходимости решительной борьбы с «Исламским государством», «недопустимости никаких переговоров с террористами» и т.п., американцы в действительности смело поощряют деятельность террористов – при условии, что это отвечает американским интересам. Подобное поведение, «двойные стандарты», лежат в основе того, что международный терроризм как важнейшая угроза международной безопасности активно процветает.

Относительно российского вооружения отметим следующее: реклама российского вооружения – это не самоцель, а логичное последствие успешных боевых действий, которые российские военнослужащие совместно со своими сирийскими коллегами ведут против международных террористов. Поэтому рассматривать указанный факт в качестве циничного способа, используемого Россией для повышения спроса на свое вооружение – в корне неверно.

Таким образом, рассмотрев взгляды ведущих зарубежных исследователей, представляющих передовые научно-

исследовательские центры, мы приходим к заключению, что абсолютное большинство представителей западных научных кругов (в особенности – американских) буквально помешаны на истерии вокруг России. Согласно их мнению, Россия – это главная угроза международной безопасности, американским интересам в мире. В их представлении почти все беды мира связаны с Россией. Западные авторы продолжают создавать нужные им настроения в западном обществе. Что лишним раз подчеркивает значимость информационной войны в XXI в. как одного из важнейших методов противодействия противнику, коим в глазах Запада и является Россия. Отрадно отметить, что Россия извлекла уроки грузино-югоосетинского конфликта 2008 г., когда информационная война Западу была проиграна вчистую. На нынешнем этапе конфронтации с Западом Россия адекватно и симметрично реагирует на информационное давление извне.

Теперь проследим за взглядами российской стороны на развитие отношений между Россией и НАТО с момента начала кризиса на Украине.

Заместитель министра иностранных дел РФ А. Грушко в одном из своих интервью высказался о том, как в условиях продолжающегося кризиса на Украине происходит сотрудничество между ОДКБ и НАТО². Государственный деятель отметил, что сложности во взаимодействии двух организаций кроются в том, что НАТО – это наследие Холодной войны. Вместо того, чтобы расформировать НАТО в связи с тем, что с распадом СССР и окончанием биполярного противостояния существование НАТО потеряло всякий смысл. Тем не менее, Альянс переформатировал свои цели для продолжения своей деятельности, но при этом не избавился от прежней идеологии: Россия как ранее вос-

¹ Американские вертолеты эвакуировали главарей боевиков из Дейр-эз-Зора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/syria/20171229/1511988043.html> (Дата обращения 11.03.2019)

² Политическое высокомерие Брюсселя препятствует взаимодействию ОДКБ и НАТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/politicheskoe-vysokomerie-bryusselya-prepyatstvuet-vzaimodeystviyu-odkb-i-nato/?sphrase_id=11046286 (Дата обращения 11.03.2019)

принималась врагом, так и продолжает восприниматься таковым.

В свою очередь, ОДКБ создавалась уже в новых постсоветских реалиях как совместный ответ государств СНГ на растущие вызовы и угрозы региональной безопасности. ОДКБ лишена идеологических шор и не стремится к какому-либо глобальному влиянию. Согласно А. Грушко, это и является принципиальной разницей между данными организациями; их позиционирование в мире и подходы к осуществлению безопасности разнятся. При этом ОДКБ открыта для диалога с любыми международными организациями, вносящими свой вклад в дело обеспечения безопасности. НАТО же не приемлет какого-либо равноправного сотрудничества с другими военно-политическими организациями, поскольку считает, что роль «мирового жандарма» принадлежит ей и только ей.

А. Грушко также пояснил, что развертывание вооруженных сил НАТО в непосредственной близости с границами стран-членов ОДКБ существенно накаляет обстановку в отношениях двух организаций и вносит дисбаланс в систему европейской безопасности. «Постоянно возрастающие финансовые расходы на "сдерживание" России и усиление восточного "фланга" призваны обеспечить прочную основу для этих развертываний. И когда представители альянса говорят нам об "оборонительном и соразмерном" характере таких шагов, всегда возникает вопрос: а для чего тогда требуется запускать многолетнюю программу по резкому наращиванию оборонных расходов, жестко "подгонять" "отстающих", агрессивно стимулировать модернизацию и закупки вооружений? Очевидно, что заявления руководства НАТО о "заинтересованности в улучшении отношений с Россией" в реальности расходятся с делом, а курсу на "милитаризацию" Европы в альянсе решено придать долгосрочный и необратимый характер», – отметил А. Грушко.

Заместитель министра иностранных дел РФ подметил любопытную деталь: в принятой в 2016 г. Стратегии коллектив-

ной безопасности ОДКБ¹ среди угроз безопасности членам организации не фигурирует НАТО. Иными словами, Альянс не воспринимается как потенциальный неприятель. Подчеркнем, что Стратегия была принята в 2016 г., т.е. в самый разгар украинского кризиса. Даже в таких непростых международных условиях ОДКБ не признала НАТО в качестве своего противника, что является лучшим ответом тем зарубежным экспертам, которые обвиняют Россию в поиске мнимых внешних врагов.

Совершенно логичным вопросом задается известный российский политолог и журналист В. Соловьев: «Как понять, что во время боевых действий на Юго-Востоке Украины любые военные учения, которые Россия проводит на своей территории, – это фактор дестабилизации, а учения сил НАТО на территории Украины с украинскими военнослужащими таким фактором дестабилизации не являются, потому что ими руководят США?» [Соловьев 2016: С. 52]. Данная цитата наилучшим образом характеризует «двойные стандарты» США и их союзников, которые привыкли трактовать события исключительно так, как это выгодно для них, а не исходя из здравого смысла и объективной реальности.

Примечательно и мнение другого известного политолога С. Михеева, который в эфире телеканала «Россия» заметил, что оправдание существования НАТО после распада СССР и ОВД осуществлялось с помощью искусственного создания угроз, которые были просто-напросто выдуманы американцами для обоснования дальнейшего функционирования НАТО². Эксперт пояснил, что таковыми выдуманными угрозами стали и ситуации вокруг Ирана и КНДР. В увязке с этим шло размещение элементов системы ПРО США на территории восточноевропейских стран-членов НАТО. В такой же манере США действу-

¹ Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=8382 (Дата обращения 11.03.2019)

² Сергей Михеев о НАТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=9Ap5mmCXDP> (Дата обращения 11.03.2019)

ют и относительно России, приписывая ей статус угрозы международной безопасности №1. Цель – подорвать влияние России в Европе и при этом еще больше увеличить свой контроль над Европой.

Идею о выгоде для НАТО нынешней конфронтации с Москвой также развивает член международного дискуссионного клуба «Валдай» П. Тебин. Исследователь указывает на то, что так называемая «российская угроза» – отличный повод для Альянса интенсифицировать деятельность организации и продемонстрировать, что НАТО в своем нынешнем виде по-прежнему нужна и является гарантом безопасности в Европе. П. Тебин отмечает, что многие страны Запада имеют свою выгоду от текущей конфронтации с Россией. Для стран Прибалтики – это возможность приковать внимание к вопросу обеспечения своей безопасности перед лицом «российской агрессии». Для США – шанс еще более укрепить свой контроль над НАТО и укрепить свои позиции в Европе, а также намекнуть своим европейским союзникам о необходимости увеличения с их стороны военных расходов. «Стоит иметь в виду и дисбаланс внутри блока НАТО между производителями и потребителями безопасности. Главный производитель безопасности в НАТО – США – успешно использует опасения и настороженность основных потребителей безопасности – стран Балтии, Норвегии – для достижения собственных внешнеполитических целей в Европе, в том числе для сдерживания России», – поясняет политолог. Таким образом, мнимая российская угроза становится удобным поводом для западных игроков решить свои насущные проблемы.

Политолог упоминает и о том, что Россия своими действиями ясно дает понять, что не стремится к обострению отношений с НАТО, но при этом не собирается пренебрегать своей безопасностью в условиях наращивания сил Альянсом вблизи границ России. Ярким доказательством этому служит фактическое отсутствие российских вооруженных сил на территории Беларуси, соседствующей со странами Прибалтики, которые выражают наибольшую

обеспокоенность вокруг якобы российских намерений вторгнуться на их территории.

Подведем итоги. Позиции западных и российских исследователей в вопросе отношений России и НАТО радикально разнятся. Преобладающее большинство западных экспертов считают, что именно Россия является главной угрозой международной стабильности и безопасности, подрывает международное право и вообще виновата во всем плохом, что только есть в мире. В свою очередь, большинство российских исследователей считает, что Россия просто отстаивает свои национальные интересы и не готова потыкать прихотям Запада во главе с США, который стремится подорвать позиции России в Европе и мире, лишить ее традиционной сферы влияния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 496 с.
2. Курылев К.П., Семибратов Е.В., Шабловский В.С. Взаимодействие Украины со странами ГУАМ на примере голосования в Генеральной Ассамблее ООН // Дипломатическая служба. 2018. № 3. С. 25-34.
3. Курылев К.П. История формирования политико-правовой базы отношений между Украиной и НАТО // Российский научный журнал. 2013. № 6 (37). С. 59-74.
4. Курылев К.П. НАТО во внешнеполитической стратегии В.Ф. Януковича // Открывая современность заново Сборник научных статей преподавателей и аспирантов факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, посвященный 15-летию факультета. Российский университет дружбы народов. Москва, 2011. С. 237-249.
5. Курылев К.П. Невоенные аспекты сотрудничества Украины и НАТО // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2012. № 4. С. 21-27.
6. Курылев К.П., Казанчев Д.В. Стратегическая концепция НАТО 2010 года в контексте обеспечения безопасности в

Европе // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2013. № 1. С. 11-23.

7. Межевич Н. Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности. Рабочая тетрадь № 35/2016 / [Н.М. Межевич, Ю.М. Зверев]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 32 с
8. Тебин П. Успокоительное с запахом пороха. Баланс сил России и НАТО в Восточной Европе после 2014 г. // Валдайские записки №70. Июль 2017.
9. Michael E. O'Hanlon. Beyond NATO: a new security architecture for Eastern Europe. [Электронный ресурс]. / Режим доступа: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/06/full-text_-beyond-nato.pdf

Сведения об авторе: Шабловский Владислав Станиславович – аспирант 1 курса кафедры Теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: VladShablovskiy77@yandex.ru).

REFERENCES

1. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. – М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. — 496 s.
2. Kurylev K.P., Semibratov E.V., SHablovskij V.S. Vzaimodejstvie Ukrainy so strana-mi GUAM na primere golosovaniya v General'noj Assamblee OON // Diplomaticheskaya sluzhba. 2018. № 3. S. 25-34.
3. Kurylev K.P. Istoriya formirovaniya politiko-pravovoj bazy otnoshenij mezhdru Ukrainoj i NATO // Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2013. № 6 (37). S. 59-74.

4. Kurylev K.P. NATO vo vneshnepoliticheskoy strategii V.F. Yanukovicha // Otkryvaya sovremennost' zanovo Sbornik nauchnyh statej prepodavatelej i aspirantov fakul'teta gumanitarnyh i social'nyh nauk RUDN, posvyashchennyj 15-letiyu fakul'teta. Rossijskij universitet družby narodov. Moskva, 2011. S. 237-249.
5. Kurylev K.P. Nevoennye aspekty sotrudnichestva Ukrainy i NATO // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 4. S. 21-27.
6. Kurylev K.P., Kazanchev D.V. Strategicheskaya koncepciya NATO 2010 goda v kontekste obespecheniya bezopasnosti v Evrope // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. № 1. S. 11-23.
7. Mezhevich N. Rossiya i Pribaltika: scenarii bezopasnosti v usloviyah politicheskoy napryazhennosti. Rabochaya tetrad' № 35/2016 / [N.M. Mezhevich, YU.M. Zverev]; [gl. red. I.S. Ivanov]; Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). – М.: NP RSMD, 2016. – 32 s
8. Tebin P. Uspokoitel'noe s zapahom poroha. Balans sil Rossii i NATO v Vostochnoj Evrope posle 2014 g. // Valdajskie zapiski №70. Iyul' 2017.
9. Michael E. O'Hanlon. Beyond NATO: a new security architecture for Eastern Europe. [Elektronnyj resurs]. / Rezhim dostupa: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/06/full-text_-beyond-nato.pdf

About the author: Shablovskiy Vladislav Stanislavovich – postgraduate student of the first year, department of Theory and history of international relations, RUDN University (e-mail: VladShablovskiy77@yandex.ru).

**ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА
НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПОЛИТИКО-
ПРАВОВЫХ ОСНОВ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ
(2014-2018 ГГ.)**

**А.Д. Григорьевская, А.А. Нахнюпа,
Н.Г. Смолик**

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В данной статье речь идет об украинском кризисе и о том, как он повлиял на трансформацию политико-правовых основ внешней политики Украины в период с 2014-2018 гг.

На протяжении всего кризиса вокруг Украины и особенно на его последних стадиях в преддверии президентских выборов в этой стране в конце марта 2019 г., возникло много острых споров по базовым вопросам международного права. Что такое «легитимное правительство»? Как понимать термин «несостоявшееся государство»? При каких условиях следует признать право на самоопределение? Все эти и многие не менее существенные вопросы возникали и в ходе предыдущих кризисов – в бывшей Югославии, в Ираке, на Южном Кавказе, в Ливии, Сирии и т.д. Но именно украинский кризис выявил фундаментальную проблему мировой политики – стремительную эрозию системы международного права, показал неспособность даже основных игроков договориться о единых для всех «правилах игры» в международной системе. Из перечисленных событий следует извлечь важный урок: мы сможем восстановить управляемость мировой политики только в том случае, если нам удастся восстановить универсальное понимание и применение базовых международно-правовых норм, регулирующих сферу безопасности. Их выборочное применение – путь к хаосу и анархии.

Украинский кризис стал яркой иллюстрацией того, что в теории международных отношений называют «непреднамеренной эскалацией». На протяжении длительного времени проблема ассоциативного статуса Украины при Европейском союзе рассматривалась как преимущественно технический вопрос. Но уже с февраля

2014 года проблема разрослась до вопроса о выборе экономической стратегии развития украинского государства. На следующем витке дело дошло до вооруженных столкновений и в итоге до силового захвата власти оппозицией. А с лета 2014 года ситуация в Украине вылилась в самый острый европейский кризис со времени окончания холодной войны. Главный урок для всего человечества: нельзя допускать раскручивание спирали кризиса, постоянно повышая ставки в надежде на быструю победу; на ранних стадиях развития кризисной ситуации гораздо легче достичь компромисса, учитывая интересы партнеров и при этом не жертвуя собственными.

Ключевые слова: Украина, кризис, внешняя политика, национальная безопасность, национальные интересы, законодательство.

**THE IMPACT OF THE UKRAINIAN
CRISIS ON THE TRANSFORMATION
OF POLITICAL AND LEGAL BASES OF
FOREIGN POLICY OF UKRAINE
(2014-2018)**

**A.D. Grigorevskaya, A.A. Nahnupa,
N.G. Smolik**

Abstract. This article deals with the Ukrainian crisis and how it influenced the transformation of the political and legal foundations of the Ukraine's foreign policy from 2014-2018.

During the crisis around the Ukraine, and especially in its last stages on the eve of the presidential elections in this country at the end of March 2019, there have been many heated debates on basic issues of international law. What is this “legitimate government”? How to understand the term “failed state”? Under what conditions should one recognize the right to self-determination? All these and many equally important questions arose during previous crises – in the former Yugoslavia, in Iraq, in the South Caucasus, in Libya, Syria, etc. But it was the Ukrainian crisis that revealed the fundamental problem of global politics - the rapid erosion of the international law system, showed the inability of even the main players to agree on the same “rules of the game” in the international system. An important lesson should be learned from these

events: we will be able to regain control over world politics only if we succeed in restoring a universal understanding and application of the basic international legal norms governing the security sphere. Their selective application is the path to chaos and anarchy.

The Ukrainian crisis has become a vivid illustration of what the theory of international relations calls “unintended escalation”. For a long time, the problem of the associative status of the Ukraine in the European Union was viewed as a primarily technical issue. But since February 2014, the problem grew to the question of choosing an economic strategy for the development of the Ukrainian state. At the next stage, it came to armed clashes and, as a result, to forceful seizure of power by the opposition. And since the summer of 2014, the situation in the Ukraine has turned out to be the most acute European crisis since the end of the Cold War. The main lesson for all mankind: one should not allow the unwinding of the crisis spiral, constantly raising the stakes in the hope of a quick victory; in the early stages of a crisis situation, it is much easier to reach a compromise, taking into account the interests of the partners without sacrificing one’s own.

Kew words: the Ukraine, crisis, foreign policy, national security, national interests, legislation.

Утвержденная Указом Президента Украины № 287/2015 от 26 мая 2015 г. Стратегия национальной безопасности Украины закрепила безальтернативное направление украинского правительства на противодействие российской долговременной угрозе и интеграцию в евроатлантическую систему безопасности с опорой на ЕС и НАТО. Агрессивные акции со стороны России исполняются для истощения экономики государства Украина и подрыва её общественно-политической константности для уничтожения государства Украина и захвата ее территории, а именно: военная агрессия, участие регулярных войск, советников, инструкторов и наемников в боевых действиях на территории Украины; разведывательно-подрывная и диверсионная работа, действия, нацеленные на разжигание межэтнической, межконфессиональной, общественной вражды,

блокирование попыток Украины по противодействию монополизации стратегических отраслей экономики российским капиталом, торгово-экономическая война; информационно-психологическая война, унижение украинского языка и культуры и др.¹

Из Стратегии в целом следует, что Украина будет базировать свою внешнюю политику и политику безопасности на антироссийской платформе. Стратегия Украины базируется не только на евроатлантическом выборе, сколько на антироссийской ориентации, принятая Стратегия не хочет нормализации российско-западных отношений². Киев сегодня не хочет обеспечить мирное политическое урегулирование внутриукраинского конфликта, он не заинтересован в уменьшении западной жесткости на российском направлении; более того острота конфликта есть сегодня способ завоевания поддержки со стороны Запада. Украина обращена на сворачивание политики сотрудничества с «агрессором», предполагает торгово-экономическую информационно-психологическую войны, разворачивание разведывательно-контрразведывательной борьбы³.

Украина, стремясь подтвердить свой партнерский ресурс в качестве будущего участника евро-атлантических институтов (НАТО, в первую очередь), фактически предлагает им строить отношения на основе «доверительного партнерства» (союзника де-факто). Даже в «Национальной разведывательной программе», которая должна быть принята согласно Стратегии, будет предусмотрено укрепление взаимодействия с партнерскими спецслужбами госу-

¹ Стратегия национальной безопасности Украины (пресс-релиз) 10/04/2015 Электронный ресурс. Режим доступа: <http://mediarnbo.org/2015/04/10/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-ukrainyi-press-reliz/?lang=ru>

² Война с Россией как основа национальной безопасности Украины. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://politinform.su/politika/28641-voyna-s-rossiey-kak-osnova-nacionalnoy-bezopasnosti-ukrainy.html>

³ Стратегия национальной безопасности Украины. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.sq.com.ua/rus/news/obschestvo/27.05.2015/strategiya_nacionalnoj_bezopasnosti_ukrainy/

дарств-членов НАТО на основе «конкретных мер построения взаимного доверия». Для России это означает, что, вне зависимости от конкретных перспектив членства Украины в НАТО (которые пока не рассматриваются в практическом плане), Украина де-факто становится геополитической зоной активности США и НАТО, включая новые ресурсы развития разведывательной деятельности на российском направлении и контроля киберпространства. При этом отношения Украины с США и НАТО на основе «доверия», особенно в сфере сотрудничества органов разведки и спецслужб, дают им возможность соответствующего «гибкого присутствия», в том числе с учетом перевода такого специфического партнерства из поля договорного межгосударственного сотрудничества в сферы узковедомственного практического взаимодействия (и ограниченного контроля).

В Стратегии также говорится о необходимости проведения реформ в системе безопасности и обороны Украины, ввиду определенных угроз, политических целей и задач. Однако в условиях фактического отсутствия адекватной ресурсной базы (финансово-экономический, научно-технический, административно-управленческий и кадровый потенциал, др.) в качестве главного «спонсора» реформ для Украины рассматривается Запад.

В Стратегии, говоря о приоритетах национальной безопасности Украины, подчеркивается, что для страны важно улучшить обороноспособность, которая подразумевает способность противостоять вооруженной агрессии. Для этого предполагается провести реформы в сфере Вооруженных сил Украины (ВСУ) – в соответствии с доктринами НАТО и с упором на переход на натовские стандарты и обеспечение «максимальной» оперативной совместимости.¹

¹ Данилов Д. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an12.pdf>.

Основные положения Стратегии дают России повод рассматривать данный документ как враждебный по отношению к России. Также негативно может быть рассмотрен данный документ в СМИ и в политико-дипломатической сфере. Вместе с тем, России следует проявить сдержанность и не вступать в конфронтацию с Украиной. Это принесло бы положительный результат и отвечало бы интересам России. Если российско-украинские отношения будут и дальше ухудшаться, то это приведет к усилению разногласий во взаимоотношениях России со странами Запада. Следует учитывать тот факт, что на внешнюю политику Украины оказывают влияние такие государства как США и государства, входящие в состав ЕС, а также международные организации (ООН, ОБСЕ, Совет Европы). Россия должна учитывать новые положения Стратегии национальной безопасности Украины и реформы, проходящие в Украине в политической и правовой сферах. По этой причине России необходимо пересмотреть следующие договорно-правовые документы, заключенные с Украиной, а именно: Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной. Для этой работы можно сформировать специальную комиссию Госдумы РФ. По итогам представить выводы и оценки Президенту РФ, профильным органам российской исполнительной власти, а также украинской стороне. Важно критически и последовательно корректировать российскую политику и деятельность на украинском направлении (с учетом и во взаимосвязи с отношениями России с ведущими внешними игроками) в соответствии с анализом процесса реформирования сектора безопасности и обороны Украины (политико-правовой и законодательной базы, содержания, практической реализации).

Исходя из Стратегии в практической политике России важно исходить из декларированного намерения Украины максимально свернуть сотрудничество с Россией практически во всех сферах и противодействовать российскому присутствию на Украине (как в рамках курса на переход на стандарты ЕС и НАТО, так и в форме

«недопущения контроля стратегических отраслей капиталом государства-агрессора», «повышения стойкости национальной экономики от негативных внешних влияний», прекращения военно-технического сотрудничества, «преодоления зависимости от России в снабжении энергетическими ресурсами и технологиями», отказа от российского программного обеспечения, «эффективного применения» санкций и т.д.)¹.

Военная доктрина Украины как составная часть концепции национальной безопасности этого государства есть совокупность принципов организации безопасности в стране средствами политических, дипломатических, экономических, военных мер. В настоящее время работает Военная доктрина Украины от 24 сентября г. утвержденная президентом П. Порошенко. По ней Украина обозначила своим военным противником Россию: «Украина будет считать своим военным противником другое государство (коалицию государств), действия которой (которых) квалифицируются законами или международно-правовыми актами как вооружённая агрессия»². По этому документу для Украины страшны - вооружённая агрессия и нарушение территориальной целостности Украины, усиление военной мощи России в непосредственной близости к границе Украины, наличие военных в Приднестровском регионе Молдавии, усиление спецслужбами России разведывательно-подрывной работы на Украине для дестабилизации внутренней социально-политической ситуации в Украине, территориальные притязания России к Украине и др.³

¹ Данилов Д. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an12.pdf>.

² На Украине одобрена Стратегия нацбезопасности до 2020 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://topwar.ru/74530-na-ukraine-odobrena-strategiya-nacbezopasnosti-do-2020-g.html>

³ Данилов Д. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений. Электронный ресурс. Режим доступа:

Украина не элиминирует вероятности использования военной силы не только в случае внешней агрессии, но и для локализации и устранения внутреннего вооружённого конфликта. Заключение об использовании ВСУ и иных военных формирований при внешней агрессии, внутреннем вооружённом конфликте или другого президент Украины поступает согласно своим полномочиям. Комплектование ВСУ и в случае угрозы агрессии будет происходить по смешанному типу, в боевых формированиях будет наращиваться число призванных на службу военных по контракту. Комплектование небоевых воинских частей будет происходить в основном военнослужащими срочной службы и призванными по призыву при мобилизации⁴.

По новой Военной доктрине Украина определяет для себя ключевыми целями обострение сотрудничества с НАТО и достижение до 2020 г. полной совместимости ВСУ с такими же силами государствами-членами НАТО. Отрекаясь от внеблокового статуса государство Украина желает модифицировать подходы к обеспечению национальной безопасности, делая ударение на приоритет участию в развитии евроатлантической и европейской систем совместной безопасности. Государство Украина пойдет по пути интеграции в европейское политическое, экономическое, правовое пространство для приобретения членства в ЕС, усиления сотрудничества с НАТО для достижения путей, необходимых для членства в этой организации.

Усиление сотрудничества с НАТО дает возможность формирования многосторонних отношений, например в рамках Хартии об особом партнёрстве между Украиной и НАТО, программы «Партнёрство ради мира», Концепции оперативных возможностей НАТО, Процесса планирования и оценки Сил НАТО и Средиземноморского диалога, участие в общих с

<http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an12.pdf>.

⁴ Русофобия как новое измерение стратегии национальной безопасности Украины. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.posprikaz.ru/2014/12/rusofobiya-kak-novoe-izmerenie-strategii-nacionalnoj-bezopasnosti-ukrainy/>

НАТО операциях, преобразование ВСУ для введения стандартов НАТО и др.¹

В выступлении П. Порошенко в Верховной Раде с ежегодным посланием «Об основах внутренней и внешней политики» в 2016 г. отметил, что в настоящее время максимум внимания уделяется позитивным сдвигам. Президент наметил реформы 2017-2018 гг., прояснил по темам земельной реформы, доли украинского языка в различных областях взаимодействия государства и церкви².

Отмечалось, что курс на ЕС и НАТО необратим и важен. Украина должна во всем идти к европейским стандартам. Введение безвизовых поездок стало результатом трехгодичной реформаторской работы. Президент заявил, что не будет поддерживать вопросы, аналогичные э-декларированию, антидискриминационные поправки в Трудовой кодекс, полномочия НАБУ или НАПК, др. Что бы быть принятым в ЕС важно выполнить договор об ассоциации. Для Украины значима ассоциация с Шенгенской зоной; добавление к Таможенному союзу ЕС, Энергетическому союзу ЕС, общему авиационному пространству, Единому цифровому рынку. Президент отметил, что Украина формирует армию в строгом соответствии со стандартами НАТО, к которым Украина стремится и которые будут исполнены до 2021. Народ поддерживает желание правительства вступить в ЕС и присоединится к НАТО.³

Земельная реформа на данный момент отсрочивается. После войны в Украине сильно понизился уровень жизни. Для государства сейчас важно бороться с коррупцией и идти к экономическим преобразованиям. Весной 2019 г. состоятся президентские выборы, осенью - парламентские.

¹ Данилов Д. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an12.pdf>.

² Порошенко в Раде 06.09.2016: главные высказывания. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://job-sbu.org/poroshenko-v-rade-06-09-2016-glavnyie-vyiskazyivaya-40731.html>

³ Там же.

Отмечается, что коррупция тесно переплетается с «друзьями» Президента В. Путина. Важным на данный момент является вопрос формирования особого антикоррупционного судебного органа, будет поддержана пенсионная реформа. Пенсионные увеличения не так велики, как могло бы обеспечить гражданам правительство, на данном этапе важны качественные изменения. Земельный рынок и приватизация являются методами притягивания к Украине современных инвестиций- об этом также сообщил президент в своем выступлении⁴.

В Конституцию на сегодня необходимо внести изменения о президентских полномочиях и снятии депутатской неприкосновенности. Работающая на данный момент модель не идеальна, демократия должна быть полной. Перечень полномочий главы Украины обязан быть полноценным для действенного исполнения всех функций Верховного Главнокомандующего.⁵

В своем ежегодном послании Порошенко упомянул о том, что упорядочен импорт книг из России, закупка книг должна производиться так что бы контрабанда книг не нивелировала результат стратегически верных решений. В 2016 г. на телеэкраны в Украине было выпущено 30 украинских фильмов, в 2017 г. 19 фильмов произведены при господдержке. Заботясь об украинском языке, страна развивает свой информационный культурный продукт на русском и других языках⁶.

Президент Украины сегодня обращает внимание Вселенского Патриарха на важность признания автокефалии Православной Церкви в государстве. Запрета в Украине на другие православные конфессии нет. Украинское государство изолировано от церкви, но оно не может бездейственно замечать, как иные государства употребляют зависимые от них церковные инсти-

⁴ Порошенко утвердил новую Стратегию национальной безопасности Украины. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/3519892-poroshenko-utverdyl-novuu-strategyui-natsyonalnoi-bezopasnosti-ukrayny>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

туты для достижения собственных геополитических задач.¹

Информационная война, появление фейковых новостей, рост манифестаций протеста, манипуляция праворадикальными взглядами, засылка диверсионных групп в государство Украину, подготовка террористических актов есть только силы Российского Кремля – открыто заявляет Президент Украины. Основная угроза, идущая от России военная. Москва не покидает Донбасс или Крыма. В то же время российско-белорусские учения "Запад-2017" есть угроза для Украины. Здесь возможна организация новых ударных групп войск для вторжения в границы Украины.²

Украинские Вооруженные силы за три года возобновили боеспособность, усилили техническую оснащенность. Расходы на приобретение вооружений по сравнению с 2013 г. усилились в десять раз. Армия Украины по задачам Правительства должна выходить на уровень XXI в., потому что сейчас мы боремся средствами, относящимся к прошлому веку, Россия же хорошо поддерживает свою армию.³

Украинские Вооруженные силы за три года возобновили боеспособность, усилили техническую оснащенность. Расходы на приобретение вооружений по сравнению с 2013 г. усилились в десять раз. Армия Украины по задачам Правительства должна выходить на уровень XXI в., потому что сейчас мы боремся средствами, относящимся к прошлому веку, Россия же хорошо поддерживает свою армию. Цель Украины достичь революционного модифицирования в системе транзита, чтобы российский газ европейцы приобретали не на западной, а на восточной границе государства, Украина должна дать транзитные услуги не России, а ЕС.⁴

В своем выступлении с ежегодным посланием в Верховной Раде в 2016 г П. По-

рошенко отметил, что в атомной энергетике Украина должна уменьшить долю России до 40%, в этом усиливается доля предприятия "Westinghouse". Будет закупаться антрацит из США как замена российскому антрациту. Санкции сдерживают Россию, Россия садится за переговоры. Украина добивается только усиления санкций.⁵

Говоря о перспективах урегулирования ситуации на Донбассе, П. Порошенко декларировал главенствующий политико-дипломатический путь. Минские договоренности безальтернативные, с их помощью снизилось количество людских потерь на Донбассе, образовалась прочная международная коалиция. Ввод на всей оккупированной территории Донбасса «голубых касок» ООН было бы настоящим прорывом в ходе мирного урегулирования вопроса, сильным множителем деэскалации, сформировало благоприятные обстоятельства для достижения политического прогресса.⁶

Исходя из слов сказанных П. Порошенко в 2016 г., важными для Украины составляющими являются: 1) развертывание полноценной миротворческой миссии ООН на Донбассе для предоставления прочного мира и возрождения территориальной неделимости; 2) миссия ООН должна быть расположена на всей временно оккупированной территории, подключая неконтролируемый участок российско-украинской государственной границы; 3) в миссии не должны принимать участие представители России; 4) с боевиками никаких связей быть не должно; 5) это не может быть базисом для упразднения санкций против России.⁷

Как заявил президент Украины, его страна не сможет с помощью боевых действий выгнать РФ назад из Крыма. Украина должна создать такие условия, что бы Крым был бременем для России. Привлечение РФ к ответственности в этом вопросе как считает Украина временное явление.⁸

¹ Семь тезисов ежегодного послания Президента Порошенко в Верховной Раде. Электронный ресурс. Режим доступа:

<https://ukranews.com/publication/2182-7-tezysov-ezhegodnogo-poslanyya-prezydenta-poroshenko-v-verkhovnoy-rad>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Семь тезисов ежегодного послания Президента Порошенко в Верховной Раде. Электронный ре-

Таким образом, Украина не желает быть на стороне России, нацелена на интеграцию в ЕС, об этом говорят Стратегия национальной безопасности Украины 2015 г., Военная доктрина, принятая в 2015 г., выступление президента П. Порошенко в Верховной Раде с ежегодным посланием «Об основах внутренней и внешней политики Украины» от 6 сентября 2016 г.

Подводя итог данной главы, целесообразно сказать о том, что Украина только после событий 2014 г., так называемого, Евромайдана, определилась с курсом своей внешней политики. Весь постсоветский период своего развития это государство пыталось лавировать, играть на противоречиях соседей. Это преподносилось украинским руководством как многовекторная внешняя политика. Украинская действительность на протяжении четверти века представляла собой столкновение противоречивых идеологических построений, которые отражали взгляды различных политических сил. Это объясняет отсутствие прагматичного, реалистического и взвешенного внешнеполитического курса Украины. Но даже после государственного переворота 2014 г. Украина так и не встала на путь прагматизма и реализма в своей внешней политике. Напротив, возобладали конструкты и концепты, ведущие Украину назад, разрушающие это государство изнутри.

События осени 2014 г., когда решение правительства В. Януковича, остановившего процесс подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, привели к политическому кризису и созданию нового правительства, состоявшего преимущественно из представителей оппозиционных партий, оказали серьезное влияние на основы внешнеполитической деятельности Украины. Как уже указывалось выше, приход к власти оппозиции привел к отходу от некоторых элементов, присущих внешней политики Украины.

Первым из них стал статус внеблоковости. Уже в ноябре 2014 г. новый Прези-

дент Украины П. Порошенко заявил, что внеблоковость Украины не дала стране гарантий безопасности и от нее нужно отказаться.¹

Соответственно, парламентское большинство приступило к выполнению пункта коалиционного соглашения, касающегося вступления Украины в НАТО. Законопроект об отказе от внеблокового статуса страны внесла в парламент фракция «Блок Петра Порошенко». По мнению автора законопроекта, эти меры должны «существенно усилить позиции Украины в вопросах обороны и безопасности в противостоянии российской агрессии».

Стоит отметить, что данное решение поддержали и другие члены коалиции уже заявили о готовности поддержать данный документ. Так, народный депутат В. Кириленко («Народный фронт») заявил: «Конечно, мы поддержим этот законопроект, ведь мы были одним из инициаторов четкой формулировки в коалиционном соглашении курса Украины на членство в НАТО»².

Показательно, что решение о возможной отмене внеблокового статуса Украины поддержали и представители НАТО. Так, на итоговой пресс-конференции после заседания Комиссии Украина-НАТО на уровне глав МИД, генеральный секретарь Альянса Й. Столтенберг подтвердил, что во время беседы с министром иностранных дел Украины П. Климкин последний сообщил об отказе страны от внеблокового статуса, декларирует курс на усиление партнерства с НАТО. «Ранее Украина официально придерживалась позиции о внеблоковом статусе государства. Сейчас правительство сообщило, что Украина избавляется от данного статуса. Мы уважаем

¹Главные заявления Порошенко в Раде [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/glavnyezayavleniya-poroshenko-v-rade-572718.html> (дата обращения: 23.09.2018)

²Горова С. Позаблокковий статус України і забезпечення національної безпеки [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://nbuviap.gov.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=603:skasuvannya-pozablokovogostatusu-ukrajini&catid=8&Itemid=350 (дата обращения: 23.09.2018)

курс. Режим доступа: <https://ukranews.com/publication/2182-7-tezysovezhegodnogo-poslanyya-prezydenta-poroshenko-v-verkhovnoy-rad>

такое решение. Если Украина подаст заявку на вступление в НАТО, мы его рассмотрим»¹, - резюмировал Й. Столтенберг.

Подобное изменение власти глубоко отразилось и на правовой составляющей внешнеполитической деятельности Украины. Так, 28 февраля 2014 г. было принято постановление Верховной Рады «Об Обращении Верховной Рады Украины к государствам-гарантам в соответствии с Меморандумом о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия», в котором ссылаясь на условия Будапештского меморандума, подписанного в 1994 г., Украина требовала прекратить от Российской Федерации действия, которые можно расценить как вмешательство во внутренние дела государства, и призывала другие страны-гаранты поддержать украинскую позицию в ОБСЕ и ООН². 2 марта это постановление было дополнено другим дополнением «Об Обращении Верховной Рады Украины к парламентам государств - гарантов безопасности Украины и международных организаций»³, в которых Киев призывал страны-гаранты Будапештского меморандума, а также все заинтересованные страны, отправить мониторинговые миссии для получения реальной информации о ситуации на Украине. Помимо этого, Киев предлагал создать специальную

группу для проведения переговоров о нормализации отношений с РФ.

В итоге 29 декабря 2014 г. П. Порошенко подписал принятый Верховной Радой 23 декабря, внесенный им законопроект об отказе от внеблокового статуса, а уже 24 апреля 2015 Президент Порошенко подписал программу сотрудничества с НАТО на год. В документе отмечалось, что Украина будет предоставлять альянсу поддержку в операциях по поддержанию мира и безопасности, самолетам НАТО было разрешено проводить наблюдательные полеты над украинской территории. Программа предусматривала появление в Украине военных советников из стран НАТО и проведения военных учений. Также стоит отметить, что 24 сентября 2015 г. была опубликована новая редакция Военной доктрины, по которой Украина считает приоритетной задачей углубление сотрудничества с НАТО и достижение до 2020 г. полной совместимости ВСУ с соответствующими силами стран-членов НАТО.

В 2015 г. произошло обновление одного из основных внешнеполитических документов – Стратегии национальной безопасности. 6 мая был принят Указ Президента «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 6 мая 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Украины»⁴, при чем если в случае с документами 2007 и 2012 г., они представляли собой одну Стратегию в разных редакциях, то новая Стратегия 2015 г. была принята с утратой силы предыдущей.

Ключевым отличием нового документа является его чрезмерная идеологизированность, что видно в самой первой части документа. Приведем выдержку из новой Стратегии национальной безопасности:

«Революция достоинства (ноябрь 2013 г. - февраль 2014 г.) против коррумпированной власти, которая, сознательно игнорируя права, свободы и законные интересы

¹Столтенберг Й. Если Украина подаст заявку на вступление в НАТО – мы ее рассмотрим [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://eizvestia.com/zhizn-video/full/451-esli-ukraina-podast-zayavku-na-vstuplenie-v-nato-my-ee-rassmotrim-stoltenberg> (дата обращения: 23.09.2018)

²Постанова Верховної Ради України Про Звернення Верховної Ради України до держав-гарантів відповідно до Меморандуму про гарантії безпеки у зв'язку з приєднанням України до Договору про нерозповсюдження ядерної зброї [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://eizvestia.com/zhizn-video/full/451-esli-ukraina-podast-zayavku-na-vstuplenie-v-nato-my-ee-rassmotrim-stoltenberg> (дата обращения: 23.09.2018)

³Постановление Верховной Рады Украины Об Обращении Верховной Рады Украины к парламентам государств - гарантов безопасности Украины и международных организаций [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=65814 (дата обращения: 23.09.2018)

⁴Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно внешнеполитического курса Украины» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=98400 (дата обращения: 23.09.2018)

граждан, под давлением извне пыталась помешать европейскому выбору украинского народа, открыла перед Украиной возможности для построения новой системы отношений между гражданином, обществом и государством на основе ценностей свободы и демократии.

Стремясь помешать воле украинского народа к европейскому будущему, Россия оккупировала часть территории Украины - Автономную Республику Крым и город Севастополь, решила военную агрессию на Востоке Украины и пытается разрушить единство демократического мира, ревизовать мировой порядок, сформировавшийся после окончания Второй мировой войны, подорвать основы международной безопасности и международного права, возможным безнаказанное применение силы на международной арене.

Российская угроза, что имеет долгосрочный характер, другие коренные изменения во внешней и внутренней среде безопасности Украины обуславливают необходимость создания новой системы обеспечения национальной безопасности Украины, которая предусматривает эта Стратегия...»¹.

Из 5 абзацев раздела Общие положения, 3 не имеют прямого отношения к вопросам национальной безопасности, и сконцентрированы на критике предыдущего украинского правительства и деятельности Российской Федерации. При этом новая Стратегия также обладает широтой трактовки в рамках целей национальной безопасности Украины, которые в целом вновь сконцентрированы вокруг национального суверенитета и обеспечения благоприятных условий для деятельности украинского общества, с поправкой на необходимость вступления в такие структуры, как ЕС и НАТО. Большую часть документа составляет критика деятельности предыдущих правительств в сфере обеспечения национальной безопасности, а

именно неспособность преодолеть неэффективность государственного управления в данной сфере, неподготовленность Вооруженных сил Украины, а также общая несформированность сектора безопасности и обороны. В качестве ключевых решений данных проблем, авторами Стратегии выделяется необходимость сотрудничества с США и НАТО, и использование опыта Североатлантического альянса в деле создания новой системы национальной безопасности, способной повысить обороноспособность Украины. При чем подпункты «Интеграция в Европейский Союз» и «Особое партнерство с НАТО» являются составляющими раздела об основных формах деятельности Украины, направленных на обеспечение национальной безопасности, что дополнительно показывает прозападную политику новой власти в Киеве.

Красной линией через документ идет «российская угроза», которой выделен целый подпункт в разделе о актуальных угрозах национальной безопасности Украины. По мнению авторов документа, она выглядит следующим образом:

«Агрессивные действия России, осуществляемых для истощения украинской экономики и подрыва общественно-политической стабильности с целью уничтожения государства Украина и захвата ее территории, а именно:

- военная агрессия, участие регулярных войск, советников, инструкторов и наемников в боевых действиях на территории Украины;
- разведывательно-подрывная и диверсионная деятельность, действия, направленные на разжигание межэтнической, межконфессиональной, социальной вражды и ненависти, сепаратизма и терроризма, создание и всесторонняя поддержка, в том числе военная, марионеточных квазигосударственных образований на временно оккупированной территории части Донецкой и Луганской областей;
- временная оккупация территории Автономной Республики Крым и города Севастополя, и дальнейшие действия по дестабилизации обстановки в Балто-Черноморско-Каспийском регионе;

¹Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно внешнеполитического курса Украины» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=98400 (дата обращения: 23.09.2018)

- наращивание военных группировок у границ Украины и на временно оккупированной территории Украины, в том числе размещение на полуострове Крым тактического ядерного оружия;
- блокирование усилий Украины по противодействию монополизации стратегических отраслей экономики российским капиталом, о лишении зависимости от монопольных поставок критической сырья, прежде всего энергетических ресурсов;
- торгово-экономическая война;
- информационно-психологическая война, унижение украинского языка и культуры, фальсификации украинской истории, формирования российскими средствами массовой коммуникации альтернативной к действительности искривленной информационной картины мира¹».

Еще одним важным дополнением стало принятие Закона «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно внешнеполитического курса Украины»² 6 июля 2017 г., согласно которому вносились изменения в два документа – Закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины» от 2003 г. и Закон Украины «Об основах внутренней и внешней политики» от 2010 г., в результате чего указывалось, что одним из приоритетов национальных интересов Украины документом определяется интеграция в евроатлантическое пространство с целью приобретения членства в НАТО. С этой целью Украина обязуется активизировать усилия по всему комплексу реформ, в том числе в сфере безопасности и оборонных секторах для достижения соответствия критериям членства в Альянсе.

¹Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно внешнеполитического курса Украины» [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=98400 (дата обращения: 23.09.2018)

²Указ Президента України. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 6 травня 2015 року "Про Стратегію національної безпеки України" [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U287_15.html (дата обращения: 23.09.2018)

21 июня 2018 г. был принят новый Закон «О национальной безопасности Украины», который заменил собой основополагающий документ в данной сфере – Закон «Об основах национальной безопасности Украины»³. Этим Законом определяются и разграничиваются полномочия государственных органов в сферах национальной безопасности и обороны, создается основа для интеграции политики и процедур органов государственной власти, других государственных органов, функции которых касаются национальной безопасности и обороны, сил безопасности и сил обороны, определяется система командования, контроля и координации операций сил безопасности и сил обороны, вводится всеобъемлющий подход к планированию в сферах национальной безопасности и обороны, обеспечивая таким образом демократического гражданского контроль над органами и формированиями сектора безопасности и обороны.

В новом документе дается новая трактовка традиционных для украинского пространства понятий. Так, по новому Закону, под национальной безопасностью понимается «защищенность государственного суверенитета, территориальной целостности, демократического конституционного строя и других национальных интересов Украины от реальных и потенциальных угроз», триада человек-общество-государство стало соотносится уже с понятием национальные интересы, под которыми подразумевались «жизненно важные интересы человека, общества и государства, реализация которых обеспечивает государственный суверенитет Украины, ее прогрессивный демократическое развитие, а также безопасные условия жизнедеятельности и благосостояние ее граждан»⁴. Кроме того, в документе выделены и другие виды безопасности, такие как военная, общественная, и государственная, а также выделена

³Закон України. Про національну безпеку України [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T182469.html (дата обращения: 23.09.2018)

⁴Закон України. Про національну безпеку України [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T182469.html (дата обращения: 23.09.2018)

необходимость отдельной трактовки безопасности, в отличие от проблемного поля, т.к. киберпространства, экологии, информационного пространства и др.

Согласно новому Закону, государственная политика в сфере национальной безопасности и обороны направлена на защиту:

- человека и гражданина - их жизни и достоинства, конституционных прав и свобод, безопасных условий жизнедеятельности;
- общества - его демократических ценностей, благополучия и условий для устойчивого развития;
- государства - его конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности;
- территории, окружающей природной среды - от чрезвычайных ситуаций.

В качестве ключевых национальных интересов Украины выделяются более традиционные государственный суверенитет и территориальная целостность, а также новый пункт - интеграция Украины в европейское политическое, экономическое, и др. пространство, что подразумевает под собой интеграцию в рамках ЕС и НАТО. Кроме того, в новом Законе есть такое новшество, как раздел посвященный демократическому гражданскому контролю, т.е. мы можем видеть прямое влияние западной концепции, успешно реализуемой на Западе, которая подразумевает полный гражданский контроль над любой сферой безопасности, в том числе и военной.

Помимо этого, новый документ акцентирует в большой степени именно на военной и военно-технической составляющей национальной безопасности, т.е. развитие Вооруженных Сил Украины и укрепление сотрудничества на международной арене в военно-технической и военно-политических сферах, а также восстановление системы гражданской обороны. В этой связи необходимо выделить, как в Законе трактуется термин «военная безопасность» — это «защищенность государственного суверенитета, территориальной целостности и демократического конституционного строя, и других жизненно важных национальных интересов от воен-

ных угроз»¹. Таким образом, новый Закон стал более четким и конкретным, по сравнению с документом 2003 г., однако он несет на себе большие влияния евроатлантических подходов к обеспечению безопасности, а также имеет большой перекосяк в более традиционной сфере безопасности, а именно военную, что является следствием сложившейся ситуации в двухсторонних отношениях с Россией.

Другой, новой политической реальностью для внешней политики Киева стало резкое ухудшение отношения с Москвой, что стало результатом неприятия итогов референдума в Автономной Республике Крым и разразившемся конфликте на юго-востоке Украины. Обе стороны ввели санкции друг против друга, а Украина, помимо этого, пошла по пути разрыва нескольких соглашений:

- 8 марта 2014 г. было объявлено о намерении Украины выйти из Содружества независимых государств по причине игнорирования обращений страны в связи с вооруженным нападением России;
- денонсация соглашения, позволявшего перевозить транзитом через украинскую территорию российские военные формирования в Приднестровье 8 июня 2015 г.;
- решение не пролонгировать Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, подписанного 31 мая 1997 г. и являющегося одним из основополагающих соглашений в двухсторонних отношениях Киева и Москвы.

На этом фоне в Украине, после визита министра иностранных дел П. Климкина в Нидерланды в апреле 2015 г., в ходе которой он обсуждал «...идею формирования международной коалиции в поддержку независимости и территориальной целостности Украины»², данная идея стала реально-

¹Закон України. Про національну безпеку України [Електронний ресурс]. - Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T182469.html (дата обращения: 23.09.2018)

²Клімкін в Нідерландах обговорював формування міжнародної коаліції на підтримку України [Електронний ресурс]. - Режим доступа:

стью. И хотя данная коалиция носит неофициальный характер, т.е. она не институционализована как иные коалиционные объединения, однако, по мнению Киева, она представляет собой объединение всех цивилизованных государств и усиление давления на тех, кто спонсирует дестабилизацию обстановку на юго-востоке Украины¹. На сегодняшний день туда входят практически все страны-члены НАТО и ЕС, Ватикан, Австралия, Новая Зеландия и Япония, а также ряд финансовых институтов (Международный валютный фонд, Всемирный банк, ЕБРР) и правозащитных организаций (Human Rights Watch, Amnesty International).

В итоге можно сделать вывод, что политико-правовая основа внешней политики Украины очень сильно зависит от того факта, что Киев находится в центре ведущих тенденций мировой политики. В настоящее время международные отношения испытывают дальнейшую трансформацию в направлении изменения структуры и интенсификации процессов регионализации и фрагментации пространства, рост в регионах дестабилизирующих процессов, в частности международного терроризма как полноценной системной угрозы, а также миграционные процессы, эрозия международного права и неэффективность существующих многосторонних механизмов безопасности, которым отводилась роль противовеса анархичности международной среды.

При таких условиях происходит маргинализация Украины в мировой политике – от попыток выстроить внешнюю политику, ориентированную в первую очередь на защиту национальных интересов, Киев встал на исключительно прозападную позицию, чрезмерно вовлекаясь в интеграционные и двухсторонние отношения с организациями и странами Запада. От надежд на укрепление в роли государства среднего

уровня Украины, находясь в состоянии перманентного конфликта с Россией, который идет на ее собственной территории, и отсутствии эффективных внутренних реформ, уверенно скатывалась к статусу слабого государства (failed state). События после 2014 г. показывают, что переформатирование системы международных отношений поставило ее в центр борьбы за сферы влияния, сделав насущной необходимости выработки адекватной внешнеполитической стратегии, чего сделать пока не удалось, в соответствии с ведущими тенденциями мировой политики, среди которых: изменение роли США в международных процессах, трансформация международных отношений в европейском регионе, усиление влияния России на мировую политику, перенос эпицентра развития международных процессов в Индийско-Тихоокеанский регион и на Ближний Восток.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 496 с.
2. Курылев К.П. а Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М. Издо-во РУДН, 2014. С. 114.
3. Курылев К.П. б Украинский кризис 2013-2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25-38.
4. Курылев К.П. Украинский кризис и международная безопасность. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 272 с.
5. Курылев К.П. с Фактор Украины в обеспечении международной безопасности: региональный и глобальный уровни // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 2. С. 12-22.
6. Курылев К.П., Станис Д.В. d Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной неста-

<https://www.eurointegration.com.ua/news/2015/04/17/7032982/> (дата обращения: 23.09.2018)

¹ Порошенко срочно возвращается из Саудовской Аравии для проведения заседания СНБО по Мариуполю [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.newsru.ua/ukraine/24jan2015/pp2rainbow.html> (дата обращения: 23.09.2018)

бильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.

7. Станис Д.В., Курyleв К.П. Влияние социально-экономической ситуации на Украине на ее внутривнутриполитическую нестабильность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-1 (45). С. 178-182.

Сведения об авторах: Григорьевская Алина Дмитриевна, магистр в области международных отношений (e-mail: alinamalina@me.com); Нахнюпа Анастасия Александровна, бакалавр в области международных отношений (e-mail: anastasia2796@gmail.com); Смолик Надежда Григорьевна – старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН (nadian@list.ru).

REFERENCES

1. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. — 496 s.
2. Kurylev K.P. a Vneshnyaya politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional'noj sistemy bezopasnosti v Evrope. M. Izdo-vo RUDN, 2014. S. 114.
3. Kurylev K.P. b Ukrainskij krizis 2013-2014 gg. i «arabskaya vesna» 2011 g.: skhodstvo i razlichie // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 4. S. 25-38.
4. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost'. — M.: LENAND, 2018. — 272 s.
5. Kurylev K.P. c Faktor Ukrainy v obespechenii mezhdunarodnoj bezopasnosti: regional'nyj i global'nyj urovni // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 2. S. 12-22.
6. Kurylev K.P., Stanis D.V. d Etnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoj nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i is-

kusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.

7. Stanis D.V., Kurylev K.P. Vliyanie social'no-ehkonomicheskoy situacii na Ukraine na ee vnutripoliticheskuyu nestabil'nost' // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 7-1 (45). S. 178-182.

About the authors: Alina Dmitrievna Grigorevskaya, Master in International Relations (e-mail: alinamalina@me.com); Nakhnyupa Anastasia Alexandrovna, Bachelor in International Relations (e-mail: anastasia2796@gmail.com); Smolik Nadezhda Grigorievna - Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations of RUDN (nadian@list.ru).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ НА УКРАИНЕ

К.В. Бардина

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В данной статье рассмотрено влияние исторической памяти на российско-украинские отношения, а также феномен исторического ревизионизма, оказывающий деструктивное воздействие на украинский народ, в частности. Важно отметить, что значимую роль в формировании гражданского самосознания играет сохранение исторической памяти поколений. Также рассмотрено, что на Украине в течение всего постсоветского этапа развития, как и в других республиках бывшего СССР, никогда ранее не имевших собственной государственности, идёт активный процесс формирования украинской «нации» и, соответственно, украинской национальной идентичности. Этот процесс связан, в том числе, с попытками вычленения из истории народа событий и явлений, которые могут использоваться при создании минимального набора общих ценностей, способных объединить всех граждан Украины. Впрочем, вектор построения украинской национальной идентичности имеет отрицательную направленность, поскольку направлен не столько на построение собственной национальной идентичности, сколько на отрицании ее российской исторической сущности. Именно на этом, по мнению автора, концептуально основывается украинский исторический ревизионизм.

Ключевые слова. Украина, российско-украинские отношения, историческая память, украинский нацизм, политика ревизионизма.

UKRAINIAN HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL REVISIONISM

K.V. Bardina

RUDN University, Moscow

Abstract. This article examines the influence of historical memory on Russian-

Ukrainian relations, as well as the phenomenon of historical revisionism, which has a destructive impact on the Ukrainian people in particular. It is important to note that the preservation of the historical memory of generations plays a significant role in the formation of civil self-consciousness. It was also considered that in the Ukraine during the entire post-Soviet stage of development, as well as in other republics of the former USSR, which had never before had their own statehood, an active process of formation of the Ukrainian “nation” and, accordingly, the Ukrainian national identity. This process is also associated with attempts to isolate events and phenomena from the history of the people, which can be used to create a minimum set of common values that can unite all citizens of the Ukraine. However, the vector of building Ukrainian national identity has a negative direction, since it is directed not primarily at building its own national identity, as at rejecting its Russian historical essence. This is precisely in the author's opinion that Ukrainian historical revisionism is conceptually based on.

Keywords: the Ukraine, Russian-Ukrainian relations, historical memory, Ukrainian Nazism, the policy of revisionism.

22 февраля 2014 г. – одна из тех громких дат, которая вывела происходящие события на Украине во все заголовки новостных газет, журналов и интернет ресурсов. Только подумать, размеренная и спокойная жизнь Киева в один миг превратилась в «Ледовое побоище» нашего времени, только с участием лишь украинской стороны. Был осуществлен государственный переворот. Власть незаконным путем перешла от В. Януковича к националистам радикалам, и далее началось самое ужасное время в новейшей истории Украины.

Если с 1991 года ведет своё начало политика г. памяти, отвергая свои общие корни с Россией и Белоруссией, но после 22 февраля 2014 г., русофобские настроения вспыхнули с такой силой, что кроме как психологической войной и зловещей пропагандой данные события не назвать. Отвергалось, да и продолжает отвергаться абсолютно всё, от исторического прошло-

го, до политической составляющей. Важно лишь то, что перепись истории и ядро отчуждения украинцев от независимости от России является ничем не обоснованным мифом.

Рассматривая российско-украинские отношения после 1991 г., стоит учитывать, что Украина всегда была настроена проевропейски, а отношения с Москвой являлись лишь «неизбежной необходимостью» для Киева. Украина имела преференции от России в военно-техническом и экономическом плане, выводя таким способом уровень жизни в стране на допустимые показатели.

Стоит отметить, что на пространстве современной Украины существует единственная идеология – «украинство» и о каком-либо «русском проекте» речи идти не может. Идеология, построенная на культивировании и возрождении местных этнокультурных традиций и основанная на развитии старой городской и аристократической культуры, полностью отвергнутой украинством, до сих пор не создана. Её можно вычитывать в текстах ряда историков и публицистов, однако её нет в актуальном информационном пространстве, в массовом сознании¹.

Ситуация на Украине обернулась очень серьёзной политической, социально-экономической и культурной проблемой для России. И очередная фаза противостояния не будет облегчением. Она выльется в ещё большую нестабильность и спровоцирует ещё больше неконтролируемых процессов. И надо сказать честно: в конечном итоге рано или поздно восстанавливать Украину придётся нам, потому что никакой Евросоюз отстраивать её не будет. И делать это придётся в рамках какой-то формы объединения с Россией. Так было после предыдущих украинских кризисов в XVII–XX вв. [Попов 2010].

После событий 2014 года, а также с приходом к власти новой правящей элиты

на Украине всё чаще стали появляться лозунги «Украина це Европа». Началась перепись исторических событий, перечеркивая всё прошлое и создавая новые очерки истории Украинского государства. Можно предположить, что всё это связано с неонацистскими настроениями среди молодежи.

Таким образом, рассматривая период развития событий на Украине с 2014 г. по настоящее время, стоит обратить внимание, что на сегодняшний день, новостей об украинских событиях, а также о деятельности П. Порошенко значительно меньше на российских телеэкранах и в новостной прессе, нежели в период 2014–2015 гг.

Итак, следует разобраться, что же такое украинский национализм и как он возник на Украине?

По определению в словарях украинский национализм – это политическая националистическая идеология, а также общественно-политическое движение, ставшие целью создания и развития украинского национального государства и/или защиту национальной самобытности².

Но если применить данное определение с упоминанием о том, что Украина является бывшей советской республикой, то стоит отметить то, что в данном случае, национализм – это первая естественная реакция на отделение друг от друга [Гребенюк 2013: 188].

Таким образом, после развала СССР и становления Украины самостоятельным государством зашла речь о том, чтобы отмежеваться всеми возможными корнями от России и переписать историю, поставив Украину «в главной роли». Именно поэтому Советский период в истории Украины включает в себя лишь упоминание о «сталинщине», ГУЛАГе и голодоморе, на последнем особо акцентируя внимание государственной власти.

В трактовках украинской власти под понятием «голодомора» имеется в виду целенаправленное уничтожение при помощи голода украинского народа как нации. Его хотят представить как геноцид

¹ Политика исторической памяти на Украине как война с прошлым. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://odnarodyna.org/content/politika-istoricheskoy-pamyati-na-ukraine-kak-voyna-s-proshlym> (Дата обращения 19.02.2019)

² Национализм. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ukrain.in.ua/102.html> (Дата обращения 10.03.2019)

= этноцид, который осуществлялся советским руководством при помощи продавшей Москве «колониальной администрации» - украинской партийной верхушки. Об истинных масштабах гуманитарного бедствия, затронувшего, помимо Украины еще и Поволжье, Центральные районы РСФСР и северный Казахстан, пытаются не упоминать, представляя дело так, будто пострадала от него (притом – умышленно) лишь Украина¹.

Также украинские «эксперты» в исторической науке взялись за переписывание значения участия Украины в Великой Отечественной войне. Как известно, понятие «Великая Отечественная война» исчезло из украинской историографии в 2015 году в мае месяце, причиной чему послужило принятие ряда законов о «декоммунизации»² или же как называют это в парламенте Украины «пакет о декоммунизации»³. Таким образом, после принятия данного «пакета» Украина полностью отрекается от Советского наследия в своей истории, занимается демонтажем памятников коммунистическим деятелям, дает новые названия городам и улицам, и так далее. Также стало запрещено использовать советскую символику, в том числе в сувенирной продукции.

После принятия закона «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939-1945 гг.»⁴ праздник Победы советских граждан над фашистской

Германией 9 мая превратился в «День Победы над нацизмом во Второй мировой войне». Как явствует из его названия – данный праздник призван полностью переформатировать отношение украинских граждан к великой общей Победе всех народов СССР над германским нацизмом. Теперь украинцам внушается необходимость «открещиваться» от того, что они воевали плечом к плечу с русскими, являясь единым советским народом.

Впрочем, данные тенденции характерны в большей части для представителей маргинальной части молодежи, но никак не для ветеранов, так как для них та война являлась Отечественной в первую очередь. Ведь все события того страшного времени проходили на их землях, на территории их Родины, страдали их родные города и на протяжении всех тех тяжелейших лет они боролись не за Украину отдельно, Россию или Беларусь, а боролись за Отечество, которое не было разделено на «мое» или «твое», оно было только «наше».

Именно поэтому в интервью, ветераны со слезами на глазах высказывают свое отношение к переименованию улиц, «чистке» истории городов-героев, смене понятий. Ставя себя на место этих мужественных людей, всё происходящее сегодня на Украине это, можно трактовать как предательство. Предательство не только истории, но и стариков, потерявших свою молодость, здоровье за мирное Отечество.

Но чувства ветеранов мало волнуют Украинский институт национальной памяти и подобные ему государственные структуры, которые посредством репрессивной политики стремятся сровнять с землей всё то, что является ценным для памяти миллионов горожан.

9 мая и 22 июня – две даты, которые имеют противоположный окрас, две даты, которые разделяет промежуток чуть более месяца, но именно этот месяц украинские власти смогли превратить в самый настоящий скандал, связанный с переименованием проспекта имени генерала Ватутина, который был переименован Верховной Радой в проспект Р. Шухевича. Лишь потому, что улица, которая получила своё название в честь руководившего освобож-

¹ Пять мифов о «геноциде украинского народа» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.aif.ru/society/history/politicheskiy_golodomor_pyat_mifov_o_genocide_ukrainskogo_naroda (Дата обращения 14.02.2019)

² Верховна Рада України прийняла пакет законів про декомунізацію [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua/news/verkhovna-rada-ukraini-priinyala-paket-zakoniv-pro-dekomunizatsiyu> (Дата обращения 24.02.2019)

³ Закон про створення суспільного мовлення підписано [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tvoemisto.tv/news/zakon_pro_stvorennya_suspilnogo_movlennya_pidpysano_69771.html (Дата обращения 11.03.2019)

⁴ St. 2 ZU Ob uvekovechenii pobedy nad nacizmom vo Vtoroj mirovoj vojne 1939-1945 godov ot 09.04.2015 № 315-VIII. URL: http://kodeksy.com.ua/ka/ob_uvekovechenii_pobedy_nad_nacizmom_vo_vtoroj_mirovoj_vojne_1939-1945_godov/2.htm (Date of access 1.03.2019)

дением Киева командира, теперь носит имя человека, который служил в вооруженных добровольческих формированиях гитлеровской Германии, и обвиняется в причастности к массовым убийствам поляков, евреев, белорусов и украинцев, именно этот жест властями Украины подтверждает то, что киевская власть сделала ставку на демонстративный исторический ревизионизм.

И самое показательное во всем этом то, что расколотое общество, часть которого составляют националисты, не ищет компромиссов. Никто не собирается призывать к уважению мнения и позиции тех, кто не согласен с официальной националистической версией украинской истории. Никто не будет охранять их памятники, и уважать память их героев. Одним словом, никто не хочет мириться – единственной целью исторической политики в исполнении украинской власти является принудительное насаждение националистической мифологии, которую всеми силами стараются прививать в массовом сознании общества.

Помогает переиначивать историю «проевропейский» действующий президент Украины, П. Порошенко. Из чего следует хотя бы один пример – на сегодняшней Украине День защитника Отечества отмечают не 23 февраля, а 14 октября. Так как теперь этот праздник теперь приурочен к созданию УПА (Украинской Повстанческой Армии)*, которая известна своими кровавыми действиями во времена Великой Отечественной войны против Советской армии. На сегодняшней Украине обесценили героические поступки Советских солдат во времена Великой Отечественной войны, теперь же в своих речах и в журналах прославляют главнокомандующих УПА: Р. Шухевич и С. Бандера – лидеров Организации украинских националистов. Хотя именно эта организация призывала «украинский народ помогать всюду немецкой армии разбивать Москву и большевизм» [Неменский 2014].

На сегодняшний день, тот самый правящий «проевропейский» режим Киева

называет обстрелы при помощи Вооруженных Сил Украины поселений и городов Донбасса ничем иным, как «антитеррористической операцией». Но ведь ведется война против своего же украинского народа. Война, в которой нет и быть не может настоящих героев, потому что это военные действия против своего же народа, и воюющих граждан назвать героями невозможно, единственное подходящее слово – убийцы. Но украинские власти всеми правдами и неправдами обычных истребителей своего народа и их пособников провозглашают сегодня как «национальных героев». При этом Украина совсем забыла имена и фамилии тех настоящих героев, кому сегодняшние молодые люди Украины, ни как иначе, обязаны своим существованием. Например, это бойцы «Молодой гвардии», большинство которых пожертвовали своими жизнями под Краснодоном в 1943 г., но о которых молодое поколение, прыгающее с различными лозунгами на «Евромайдане» едва ли слышали. Молодогвардейцы были расстреляны фашистами, многих из них живыми сбросили в шахты, а те «героиевромайдановцы» способны лишь на метание бутылок с зажигательной смесью в бойцов «Беркута» в Киеве и безоружных защитников Куликова поля в Одессе. Первые рисковали жизнями за высокие идеалы, за светлое будущее всего человечества, спасенного от ужасов фашизма, вторые – за «проевропейскую» власть националистов и евро, которые она им платила за участие в «евромайданах».

Таково подлинное лицо современной западной политики, переиначивающей черное в белое и наоборот. Подлинных героев Украины называют её врагами, а заклятых врагов свободной и процветающей Украины – её героями.

Несмотря на все действия Киева отдалиться от Москвы, а также с курсом, настроенным на Европу, Москва не поддается провокациям, но и пытается умерить волну вспыхнувшего национализма. Так, например, был предложен ряд проектов¹ резолюций по борьбе с героизацией

* Организация, запрещенная на территории РФ.

¹ Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2012 [Электронный ресурс] – Режим до-

нацизма 27 декабря 2018 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла российский проект резолюции против героизации нацизма¹. Тем удивительнее, что проголосовали против неё страны, принимавшие активное участие в борьбе с нацизмом - США (где все чаще слышится научно-утопический тезис о том, что именно этой стране принадлежит основная заслуга в разгроме нацизма) и Украина (пострадавшая от нацизма, но предпочитающая делать алогичные выводы).

Разгул на Украине политических сил, требующих героизации нацизма и переписывания истории, не говоря уже о пребывании этих сил у власти, является абсолютно неприемлемым не только для украинского народа, но и для цивилизованного человечества. Основная масса населения Украины никогда не смирится с нацификацией страны, а стремление навязать украинскому обществу нацистскую идеологию неизбежно обернется катастрофой украинского государства как такового.

«Историческая память» – это целенаправленно сконструированный средствами исторической политики относительно устойчивый набор взаимосвязанных коллективных представлений о прошлом группы, кодифицированный и стандартизированный в общественных, культурных, политических дискурсах, мифах, символах, мнемонических и комеморативных практиках. «Историческая память» с одной стороны, представляется результатом культурной, социальной, политической инженерии, с другой – является инструментом конструирования культурной, социальной, политической, религиозной идентичностей, в эпоху национализма синтезирующихся в идентичность национальную. Устойчивость или продолжительность существования тех или иных элементов «исторической памяти» зависит от степени ее интеграции в традицию и от

того, насколько последняя отвечает культурным запросам социальных, политических, религиозных и других сообществ. В этом смысле «историческая память» является необходимой частью «изобретенной традиции»

Сегодня на Украине по инерции продолжается политика исторической памяти, заложенная в 1990-е гг. и принявшая законченный вид во время президентства Ющенко. Она руководствуется целями формирования украинской политической нации на моноэтнической украинской основе при полном игнорировании сложившейся реальной историко-культурной и этноязыковой ситуации на Украине и является инструментом создания такой нации. В основе проводимой политики находится явная русофобия политических глав государства.

Говорят, что героев не выбирают. В то время, как жители востока Украины уже не желают ассоциировать себя с Украиной, для ультраправых молодчиков Бандера и Шухевич всегда будут иконами героизма. Пугает и печалит тенденция, при которой украинская власть не только молчаливо поощряет агрессивную идеологию правых, но сама выпячивает напоказ, декларирует героизацию националистических подпольщиков. Да, в стране, которая разваливается из-за некомпетентной власти, депутаты не могут предложить избирателям ничего, кроме красной тряпки национализма. Но пусть помнят, что зарабатывая таким способом несколько десятков юных агрессивных голосов, они рискуют потерять всю страну. Ведь у ее жителей и так катастрофически мало поводов, которые объединяют².

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гребенник Г.П. Политика памяти в Украине: критические заметки». История и современность. - №2, сентябрь 2013, с. 182-199.

стуга: <https://undocs.org/A/RES/67/154> (Дата обращения 21.02.2019)

¹ Ликвидация расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/73/587> (Дата обращения 19.02.2019)

² Нацификация под видом декоммунизации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ukraina.ru/exclusive/20171011/1019355107.htm> 1 (Дата обращения 1.03.2019)

2. Неменский О. Евромайдан и никакого национализма // Вопросы национализма. – 2014. - № 1(17).
3. Попов Э.А. Новые тенденции в украинском национализме: идеологические, политические и организационные аспекты // Проблемы национальной стратегии. – 2010. –№ 3 (4).

Сведения об авторе: Бардина Кристина Вадимовна, студентка четвертого курса бакалавриата кафедры Теории и истории международных отношений факультета Гуманитарных и Социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032152974@rudn.ru).

REFERENCES

1. Grebennik G.P. Politika pamjati v Ukraine: kriticheskie zametki». Istorija i sovremennost. - №2, Sept. 2013, 182-199 pp.
2. Nemenskij O Evromajdan i nikakogo nacionalizma // Voprosy nacionalizma. – 2014. - № 1(17).
3. Popov Je.A. Novye tendencii v ukrainskom nacionalizme: ideologicheskie, politicheskie i organizacionnye aspekty // Problemy nacional'noj strategii. – 2010. –№ 3 (4).

About the author: Bardina K.V., fourth year undergraduate student, Theory and History of International Relations Department, Faculty of Humanitarian and Social Sciences, RUDN University (e-mail: 1032152974@rudn.ru).